

Annotation

Мой роман Трест Д. Е. — история гибели Европы в результате деятельности американского треста. Это сатира; я мог бы ее написать и сейчас с подзаголовком — Эпизоды третьей мировой войны . Европа для меня была не кладбищем, а полем битвы, порой милым, порой не милым: такой я ее видел юношей в Париже, такой нашел в тревожном Берлине 1922 года....

- [Илья Григорьевич Эренбург](#)
 -
 - [1 первый завтрак мистера твайвта](#)
 - [2 другие события того же исторического дня](#)
 - [3 корень зла, или этно графическая любознательность принца монакского](#)
 - [4 дальнейшие последствия необдуманного поведения принца](#)
 - [5 благодарю, я не танцую \(о роли личности в истории\)](#)
 - [6 европа или мадемуазель люси фламенго?](#)
 - [7 честь рода лордов хэгов оскорблена!](#)
 - [8 тяжелое расставанье](#)
 - [9 превосходная бритва за двадцать центов!](#)
 - [10 «час изобретений»](#)
 - [11 в разумном предвидении свадебного путешествия](#)
 - [12 НО ЧТО «НО»?](#)
 - [13 небольшое аналитическое отступление](#)
 - [14 «д.е.»](#)
 - [15 именины енса боота](#)
 - [16 предсмертные слова фараона ферункануна](#)
 - [17 когда цветет миндаль](#)
 - [18 «даешь европу»](#)
 - [19 «вот так пудра»](#)
 - [20 о тлетворности европейского климата](#)
 - [21 полный переворот в этнографии](#)
 - [22 это просто плохая перекись](#)
 - [23 «я ничего не помню»](#)

- [24 енс боот знакомится с учением хулио хуренито](#)
 - [25 что иногда падает с неба](#)
 - [26 «сто „афро“, и поскорей...»](#)
 - [27 «необходимо побрить собаку»](#)
 - [28 «SORE»](#)
 - [29 черный коридор](#)
 - [30 эмиграция, дивиденды, ностальгия](#)
 - [31 зевс и европа](#)
-

Илья Григорьевич Эренбург

Трест Д.Е. История гибели Европы

Мой роман «Трест Д. Е.» — история гибели Европы в результате деятельности американского треста. Это сатира; я мог бы ее написать и сейчас с подзаголовком — «Эпизоды третьей мировой войны». Европа для меня была не кладбищем, а полем битвы, порой милым, порой не милым: такой я ее видел юношей в Париже, такой нашел в тревожном Берлине 1922 года.

Илья Эренбург, «Люди, годы, жизнь», изд. «Советский писатель», М. 1961.

1 первый завтрак мистера твайвта

Одиннадцатого апреля 1927 года в 9 часов 15 минут утра владелец крупнейшей фабрики консервов в Чикаго мистер Твайвт приступил к первому завтраку.

В отличие от других американцев, начинавших свой завтрак с яиц, мистер Твайвт всегда перед яйцами ел калифорнийские груши и сметану. В достопамятное утро, не отступая от этого обычая, он выбрал большой сочный плод и, обливая душистым соком салфетку, стал подсчитывать, выгодно ли скупить акции конкурирующего предприятия мистеров Черсов.

Он записал в крохотную книжицу:

Свиней в час 820 в день 8200 в год 2 492 800.

Баранов „900 (x10) 9000 (x 304 2 736 000.

Быков „460 „4600 „ 1 398 400.

Консервы 31 000 000.

Колбасы 2 000 000.

Кровь (сахаро-рафипадиому, заводу Чойт) 700 000.

Кишки (колбасы, местное употр.) -

Рога (фабрика гребней «Электра») 1 200 000.

Пр. отбросы (приблиз.) 1 600 000.

После этого мистер Твайвт, вполне отчетливо выражая свои сомнения, промолвил:

— Гм...

Не выпуская из правой руки карандаша, он съел чашечку сметаны и на особом листке настольного блокнота, под красным заголовком «сделать», записал:

1. Выяснить, кому сбывают Черсы желудочные пузыри и на какую сумму.

Следует отметить, что подсчетом оборотов фирмы Черсов и поглощением калифорнийской груши со сметаной не ограничились первые четверть часа первого завтрака мистера Твайвта. Он успел сделать очередное гениальное открытие.

Все ученые, работавшие над биографией выдающегося организатора лучшей в мире фабрики мясных консервов, пришли к выводу, что в лице мистера Твайвта Америка потеряла блестящего философа, обогатившего научную мысль многими выступлениями в области зоопсихологии, антропософии и евгеники. Имя это, известное лишь немногим специалистам, изучающим историю гибели Европы, в то время, то есть с середины 20-х и до конца 30-х годов XX века, было столь же популярно в США, как имена фабриканта перьев Ватермана или классического боксера Джемпса. Три обстоятельства особенно способствовали славе мистера Твайвта:

I. Прочитав в газете, что человек ежегодно выделяет экскрементов:

твердых.....48,8 килогр.

жидких..... 438 килогр.

стоимостью. . \$2,65,

которые пропадают даром, и желая подать пример разумной экономии, он вошел в соглашение с загородным огородничеством, куда отправлялся ездпеппо в автомобиле около 9 часов 30 минут утра, стзев грушу и яйца. Об этом мужественном поведении мистера Твайвта писали газеты всех Штатов, от Аляски до Мексики.

II. В 1926 году мистер Твайвт, принимая серную ванну, продиктовал стенографистке небольшой, но весьма содержательный этюд по евгенике: «Наш нравственный долг или размножайтесь отныне разумно». Изданный в виде брошюры с соответствующими иллюстрациями, он пользовался большим успехом. В штате Огио детям, окончившим с отличием начальную школу, выдавали в награду указанную книгу мистера Твайвта.

III. Лица, чуждавшиеся литературы, тем не менее знали имя мистера Твайвта ввиду его разносторонней деятельности. Стоило прохожему где-нибудь на 5-м Авеню, задумавшись, взглянуть на небо, как перед ним вставала фиолетовая фотография молодой нежной свиньи, украшенной венком букв:

ТРЕБУЙТЕ ФИЛЕ ТОЛЬКО ТВАЙВТА.

Итак, знаменитый мистер Твайвт, съев грушу и выяснив обороты Черсов, осчастливил мир новым открытием. А именно:

вспомнив высококультурные развлечения вчерашнего дня — состязания пловцов и концерт миссис Айд, прославленного колоратурного сопрано, он записал все в тот же поместительный блокнот:

2. Доказать окончательно, что человек произошел от лягушки (открыл я.-Т.).

Несмотря на всю глубину этой мысли, не она позволяет нам назвать 11 апреля 1927 года историческим дном.

События исключительной важности произошли несколько позднее. Первый завтрак мистера Твайвта продолжался. Лакей поднес куриное яйцо средней величины, в серебряной чашечке.

Аккуратно сняв с макушки яйца скорлупу, мистер Твайвт вдруг вздрогнул: среди бесцветной слизи белка явно плавало кровавое пятнышко. Мистер Твайвт взволнованно отстранил яйцо: владелец фабрики мясных консервов, на которой еже дневно убивали не менее одиннадцати тысяч свиней и семисот восьмидесяти быков, был вегетарианцем, по заповеди господней милуя скотов и питаясь предпочтительно плодами, а так же молочными продуктами. Увидав красное пятнышко, он серьезно задумался над вопросом: является ли недопущение рождения убийством и может ли последовательный вегетарианец употреблять в пищу яйца? Подумав минуту и взболтнув ложечкой прозрачный белок, мистер Твайвт твердо решил чашечку отстранить, а впредь, в полное отличие от всех амери канцев, ни за первым завтраком, ни за вторым, ни за обедом не есть яиц.

Но и не этому трогательному решению великодушного вегетарианца обязан день 11 апреля 1927 года своей славой. Убрав несъеденное яйцо, лакей подал мистеру Твайвту утреннюю почту: свыше тридцати писем. Мистер Твайвт отделил одиннадцать конвертов с европейскими марками и, не читая, бросил их в корзину. Он ненавидел Европу, не желающую покупать мясные консервы его фабрики и разумно размножаться. Быстро просмотрел он остальные письма, лишь одно, последнее, несколько привлекло его внимание, Вот что значилось на тонком, хрустящем листе:

Х 32174 ТРЕСТ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ЕВРОПЫ

НЬЮ-ЙОРК 10 апреля 1927 года.

Мистеру Твайвту, Чикаго.

Милостивый государь! Настоящим извещаем Вас, что согласно постановления правления Треста от 4 апреля с. г., начиная с 11 апреля с. г. мы приступаем к осуществлению намеченного плана уничтожения Европы.

С совершенным почтением директор Енс Боот.

— Очень хорошо, — сказал мистер Твайт и сделал в блокноте пометку.

После этого он развернул «Чикагскую трибуну». Невольно его глаза остановились на хвосте четвертого столбца, где стояло слово «Европа», отныне вошедшее в его дела. Лениво проволочился он глазами по дюжине каблогграмм, сообщавших о различных войнах на Балканах, в Польше и в Прирейнских государствах. Запомнились три мирные депеши:

Женева. Председатель Лиги наций господин Баргос, во время обеда в честь предстоящего вскоре 10-летнего юбилея этого учреждения, произнес речь, в которой указал на «блестящие успехи политики мира, гуманности и справедливости, несмотря на многочисленные осложнения». Представитель Люксембурга уклонился от участия в торжестве. Выделялось сиреневое платье г-жи Трендэди, супруги вице-президента, модели Лебэна (Париж, 2 rue de la Paix). Меню: закуска ассорти, суп из черепахи, соль а-ля гренадин, филе де ля пэ, спаржа соус Ламберон, пломбир фиорд.

Копенгаген. Институт высшей статистики отмечает, что потеря живого материала за период 1924-1926 гг. превосходит итоги жертв последней общей войны 1914-1918 гг. Как известно, четырехлетняя война обошлась Европе:

Убитых 10 200 000.
Уменьшение рождаемости..... 20 850 000.
Увеличение смертности..... 6 700 000.
Итого. 36 750 000.

За три года (1924-1926) отмечено:
Убитых (национ. и гражд. войны) 9600000.

Уменьшение рожд. (по сравп. с 1913 г.). 18 000000.
Увеличение смертности, голод, масс, эпидемии и пр.).... 28000
000.
— Итого. 55 600000.

Венеция. Опровергаются слухи о смерти Габриеля д'Аннунцио.

Маститый поэт бодр и недавно закончил новую оду в честь присоединения Македонии. В скором времени он предпо лагает уехать на неделю в б. Грецию. Возможно участие поэта в спортивных празднествах (катание с Олимпа на аэросалазках и пр.). «Общество памяти Данте» препод несло ему по сему случаю зеленые замшевые бриджи и рукавицы в форме лиры.

Прочитав телеграммы, мистер Твайвт взглянул на стену, где среди различных планов и схем висела большая карта двух полушарий. Некогда прелестная дочь финикийского царя, ныне жалкая блудница, Европа принимала обычную ванну. Мистер Твайвт щелкнул ее в лоб, так что указательный палец больно ударил по Мадриду. Заключив этим свой первый завтрак, он, как и каждый день, отправился в огородничество, На столе остался блокнот.

1 апреля 1927 года сделать:

1. Выяснить, кому сбывают Черсы желудочные пузыри и на какую сумму.
2. Доказать окончательно, что человек произошел от лягушки (открыл я. — Т.).
3. Уничтожить Европу.

2 другие события того же исторического дня

В то же утро такие же письма с печатью «Треста Д. Е.» и за подписью Енса Боота получили два других члена правления:

мистеры Джебс и Хардайль.

Мистер Джебс вкушал свой первый завтрак, точнее яичницу с ветчиной (он не был вегетарианцем).

Мистер Хардайль, отстранив поднос с кофе,пил содовую воду (накануне он пил коктейли в чрезмерно большом количестве).

Прочитав письма, они одобрили исполнительность Енса Боота.

Мистер Джебс от удовольствия зажмурился и погрыз толстейшую сигару, забыв даже закурить ее.

Мистер Хардайль письмом пощекотал лежавшую у его ног милovidную яваночку.

Мистер Джебс находился в Питтсбурге, а мистер Хардайль — в Бостоне.

Они закончили первый завтрак. Ванна, которую в это время принимала Европа, скорее может быть названа вечерней. В Берлине пыльные часы на вокзале Фридрихштрассе показывали 5 часов 58 минут. Под часами стояла седая простоволосая женщина и выкрикивала: «Бе-уер!» Никто не покупал газеты, в которой сообщалось об юбилее Лиги наций, о шестнадцати войнах и о замшевых бриджах Габриеля д'Аннунцио. Женщина кричала все тише и тише, на конец она вовсе замолкла. Тогда к ней подбежал элегантный юноша в оранжевых перчатках с помпонами и, вырвав из ее рук газетный лист, протянул взамен мелкую стотысячную марку. Женщина не взяла ее, да и не могла взять, так как в 5 часов 59 минут она умерла, обнаружив при этом редкую выдержку. Но, вместо того чтобы преклониться перед образом другие события того же исторического дня женщины, сумевшей стоя умереть, юноша спеша распластал газету и замер над отделом:

Биржа

10 апреля 11 апреля.

Доллар. . . 60 800 000 54 000 000.

Франк фр. 3 210 000 2 970 000.

Талер. . 89 000 81 000.

Рубль. . 450 415.

— Бог ты мой! — простонал он и опустился на мостовую.

Из его застекленного моноклем правого глаза, голубого, как небо юга, потекла широкая струя слез на пыльный тротуар загаженного полуразрушенного Берлина, — Бог ты мой! проворчал городской врач, тщетно пыта ясь найти несуществующий пульс молчаливой продавщицы. — Ни углеводов, ни жиров, ни белка — сто восьмой случай за сегодняшний день.

— Бог ты мой! — пролепетала подруга юноши, фрейлейн Мицци. — Сегодня «черная среда». Девяносто четыре разорились, шесть покончили самоубийством, а Отто разбил монокль.

Все это было в порядке вещей. Не только в Берлине, но и во всей Европе не происходило ничего любопытного. В Бергене (5 ч. 18 м.) рыбак Христенс, сняв обувь, выносил на берег склизкую камбалу. Американка наставила на него кодак и улыбнулась. Камбалу, впрочем, никто не купил.

В Париже (5 ч. 07 м.) закрывались банки. Мосье Виоль вы шел из «Лионского кредита», помахал тросточкой, оправил кончик платочка в верхнем карманчике и стал ждать автобуса.

Когда он садился, у него украли платочек. Мосье Виоль выругал правительство и потерял аппетит.

В Генуе (5 ч. 47 м.) причалил пароход «Цезарь». Девка Пирета показала матросу-американцу на свою юбку и на кошелек. Матрос понял и пошел с ней за угол. Пирета боялась малярии и носила от заразы на шее ожерелье из чесночных луковиц. Матросу не понравился запах, и он ничего не заплатил.

В Козлове (7 ч. 42 м.) в комиссариате Ваня Глобов допрашивал воришку, стащившего у заезжего директора «Лесного треста» черепаховую лорнетку. Глобову было скучно. Воришка каялся, а милицейский, ругаясь, время от времени приклады вался к его заду казенным сапогом. За стеной дочь комиссара разучивала революционные мелодии. Глобов вынул из кармана фотографии Сони

Зайкиной и Карла Маркса. Соня ему изменила. Маркс давно умер. Ваня зевнул и лег на диван.

Так жила в этот роковой час дряхлая Европа. Еще кого-то чувствовали в Лиссабоне и расстреливали в Будапеште. Там, где не было ни речей, ни выстрелов, слышались: храп, тиканье часов, пьяная икота и урчание голодных желудков. По-обычному шумели моря — южные, со спрутами и причудливыми раковинами, западные, с профессорски важными омарами, и северные, кишевшие серебром сельдей.

В горах, там, где покоилась пята ленивицы, стоял, как всегда, столб. По предписанию местного исполкома его покрасили заново, и надпись предупредительно сообщала:

ЕВРОПА АЗИЯ

На столбе сидел воробей.

Абсолютно никто не думал ни о столбе, ни о морях, ни о судьбах Европы. Только далеко, в ином полушарии, где часы показывали 9 часов 30 минут, где было утро и шла работа, директор тайного «Треста Д. Е.», Енс Боот, склонившись над картой Европы, давал решительные директивы восемнадцати тысячам шестистам семидесяти агентам треста, находившимся во всех странах Европы.

3 корень зла, или этно графическая любознательность принца монакского

Принц Монакский, владетель одного из самых крохотных государств Европы (поверхность 1,5 кв. км., население 24 600 душ) по данным историков отличался редкой любознательностью.

Все время, свободное от изучения рулетки, он отдавал путешествиям. Именно этим наклонностям вдумчивого монарха обя зана Европа своей гибелью.

Весной 1892 года принц направился в Голландию. Он про вел три дня в Гааге и, увидав картину Яна Мааса, изображав шую медный таз XVII века, прослезился от нестерпимой кра соты. В Гудде он приобрел трубку, в Гаарлеме луковицу тюльпана, а в Лейдене молодого пророка. Принц вел дневник, который, к счастью, сохранился и дает яркую характеристику жизни этого края Европы в конце XIX века.

Восемнадцатого июня принц на небольшой яхте выехал из северного городка Хелдера и около двух часов пополудни при чалил к плоскому берегу острова Тессела, немногочисленное население которого занималось, как удалось недавно устано вить мистеру Бервею, собиранием яиц морских птиц.

Проходя мимо небольшого домика, принц увидел несколько красных голов голландского сыра. Думая в это время о милой его сердцу рулетке, он кинул одну из голов, воскликнув:

«Ставки принимаются», — он машинально повторил слова крупье.

Из домика вышла кротколицая голландка в крахмальном чепце, подняла укатившийся далеко сыр и, ни слова не говоря, скрылась. Принц по рассеянности пошел за ней в домик, где и оставался в течение четырех минут, в полном инкогнито, без всякой свиты. Выходя, он задумчиво повторил: «Ставки сделаны».

Даже догадливые соседки не смогли подумать ничего дурного, во-первых, принц пробыл в доме не более четырех минут; во-вторых, чепец голландки остался совершенно несмятым.

Принц записал в своем дневнике:

«18 июня. Остров Тессел (4° долготы, 53° широты). Птичьи яйца. Сыр. Население приветливое. Углы чепцов должны преобильно колотить щеки мужчин. Впрочем, ставки сделаны!..» Догадливые соседки на этот раз все же о многом не догадались: именно 18 марта 1893 года у кротколицей голландки, снявшей по этому случаю крахмальный чепец, родился сын Енс Боот.

От августейшего отца он унаследовал высокую страсть к крупной игре, немало помогавшую ему впоследствии в деле уничтожения пятой части света. С молоком матери впитал он любовь к хорошему молоку и поэтому в годы войн и революций никогда не расставался с банкой конденсированного молока, приготовленного в Миддельбурге.

4 дальнейшие последствия необдуманного поведения принца

О первых годах жизни Енса Боота ничего неизвестно, кроме того, что в 1897 году он проглотил ус лангуста, чем причинил немало забот горячо любившей его матушке.

В 1901 году мы находим талантливого мальчика в Брюсселе в соборе святой Гудулы. Он подает иерею камильницу, се ребрыным херувимским голоском подпевает «амипь» и тешит взоры Саваофа белизной своих кружевных халатиков. Но страсть к прогрессу препятствует его духовной карьере.

28 марта 1902 года он появляется в алтаре в фиолетовой сутане епископа, под которой, ввиду ее чрезмерной поместительности, кроме Енса, находятся друг детства, чистильщик сапог Жако, и семь воробьев. Товарищи по играм исполняют с помощью двух камильниц и одной сковородки торжественный марш, на много лет предвосхищая изобретение джаза.

Находчивого Енса отвезли в детский приют святого Франциска, где шесть монахинь, обливаясь слезами и повторяя молитвы святой Терезе, начали отделять розовые ушки и беленькие волосики Енса от ого головы, а пришедший им на подмогу отец Бенедикт сучковатыми пальцами приступил к размягчению грешной плоти.

Отец Бенедикт поработал столь усердно, что тело Енса стало легко складываться в четыре, в восемь и даже в шестнадцать раз. Это определило его дальнейшие шаги, и в 1904 году он стал гордостью парижского цирка братьев Медрано. Но собственная исключительность в те годы не могла удовлетворить идеалистически настроенного отрока. Поэтому, 16 октября 1906 года, он попытался сложить одного из братьев Медрано, а именно — толстяка Гастона, хотя бы в два раза. Это не дало никаких положительных результатов, лишь печально отразившись на манишке Гастона, на только что скушанном им бифштексе и на самом Енсе, который два дня спустя от был в качестве поваренка на пароходе «Гамбетта» в дальнейшее плавание, Увидев берега Америки, молодой Енс Боот, которому было тогда четырнадцать лет от роду, обрадовался: жизнь в Европе, начиная от

проплоченного уса лангуста и кончая сломанной манишкой добряка Гастона, уже слегка угнетала его. Однако, будучи еще чрезвычайно молодым, он не смог принять какое-либо решение и вскоре вернулся в Европу, где в течение трех лет занимался различными делами: учился в среднееучебном заведении, служил младшим цирюльником в Бухаресте, подбирал окурки сигар и выступал в роли факира, публично плов тая горящие газеты..

В 1910 году, 3 июля, мисс Жопл, сидя под большим зонтиком на набережной Канн, вдохновенной кистью передавала пену Средиземного моря, невесомую, как пух вылинявших ее рафимов. К ее величайшему удивлению, из пены появилась пенорожденная Андиомена, которая при ближайшем рассмотрении оказалась пенорожденным, точнее Енсом Боотом, пытавшимся скрыться от невыносимого зноя в морских глупинах. Судя по сохранившимся портретам, Енс Боот отличался редкой красотой. Не мудрено, что час спустя он совместно с мисс Жопл пил цейлонский чай, приглашенный ею на должность штатного натурщика.

Мисс Жопл было пятьдесят восемь лет. Ощущение божественной красоты совершенно лишало ее возможности спокойно водить кистью по полотну. Но это художественное бездействие не мешало работоспособности Енса. Прожив год с мисс Жопл, Енс нашел свою миссию законченной и, прекратив с помощью некоторых химических препаратов жизнь даровитой художницы, оказался владельцем виллы на Ривьере, свиней в Йоркшире и гиней в «Английском банке».

Но Енс Боот находился в это время не в Йоркшире, а в Ницце, то есть всего в восемнадцати километрах от Монте-Карло, и, оплакав мисс Жопл, он направился в это гостеприимное место.

— Восемнадцать! и закричал Енс, бросая на стол прозрачные символы виллы на Ривьере.

— Одиннадцать, — вежливо ответил крупье.

— Восемнадцать! — повторил упорно Енс, выгоняя всех свиней Йоркшира.

— Тридцать четыре, — робко возразил крупье.

— Восемнадцать! — И Енс кинул все свои гиней, предусмотрительно размененные на франки.

— Ноль, — раздался соболезнующий шепот крупье, Енс Боот вышел из казино нищим, но утешенным мыслью, что он подарил

своему отцу, монахскому принцу, всего-навсего двести пятьдесят тысяч фунтов, в то время как получил от него неоценимый дар — жизнь.

Не унывая, Енс Боот обрел новое ремесло. Он подрядился танцевать танго и бостон с различными дамами в возрасте свыше сорока лет. Регулярно от пяти до семи он прижимал к себе дряблые животы, обтянутые в шелк или в бархат. Дамы весили от восьмидесяти до ста килограммов каждая, и Енс, танцуя, потел, подтверждая этим достоверность божьего проклятия. Енс танцевал хорошо, и, откровенно говоря, ему часто хотелось пригласить какую-либо молодую женщину. Но это было строго запрещено синдикатом одиннадцати почтенных дам, владевшим ногами Енса.

Так продолжалось до 14 января 1914 года, когда случилось нечто катастрофическое и в сильной мере ускорившее гибель Европы.

5 благодарю, я не танцую (о роли личности в истории)

В вульгарном представлении многих американцев или африканцев главной виновницей гибели Европы является коварная и бездушная мадемуазель Люси Фламенго. Стоит ли опровергать подобные заблуждения? Каковы бы ни были умственные и душевные способности названной особы, не они, конечно, обратили огромный материк в пустыню. До встречи с ней Енс Боот, испытав в течение двадцати одного года своей бурной жизни многое, успел возненавидеть европейскую цивилизацию.

Более того, не будь Енса Боота, Европа все равно погибла бы.

Война 1914-1918 годов, экономический и духовный развал последующего десятилетия являются яркими показателями катастрофического состояния, в котором она находилась еще до создания знаменитого треста. Но, конечно, деятельность Енса Боота ускорила события на несколько столетий, а встреча с мадемуазель Люси Фламенго, в свою очередь, привела великого авантюриста к важнейшим решениям.; Встреча эта состоялась, как было уже сказано, 14 января 1914 года в 5 часов 30 минут пополудни, в Париже, в учреждении, именовавшемся «Ти стар». Енс Боот, как всегда, танцевал с одиннадцатью дамами синдиката. Но в указанный час он заметил молодую женщину необычайной красоты с рыжей челкой на матовом лице. Пренебрегая расчетом и традицией, Енс Боот подошел к красавице, которая, окончив танцевать с молодым дипломатом, пила чай, и церемонно поклонился.

— Благодарю, я не танцую, — ответила презрительно незнакомка, чуть взмахнув рыжей челкой, и откусила острыми зубками миндальное пирожное.

Енс Боот, проделав еще раз церемонный поклон, отошел.

А красавица, оказавшаяся семнадцатилетней дочерью владелицы тридцати устричных парков и шести шелкопрядильных фабрик, уже танцевала с другим. Дамы из синдиката, навалившись на Енса одиннадцатью животами, бранили его за нарушение контракта. Енс

вышел. Он знал, что он влюблен. Знал также, что мадемуазель Люси Фламепого но захотела танцевать с нищим, наемным танцором.

Остановившись у витрины пароходной компании «Кунэр Лайн», он взглянул на карту Европы. Окруженная многими морями, дочь финикийского царя все еще нежилась.

«Великолепный континент! — подумал Енс Боот. Но все здесь так устроено, что нельзя жить... Может быть, уехать в Африку?.. Там песок и небо...» Он уже был готов приоткрыть дверь пароходной компании, но, обернувшись, машинально купил вечернюю газету и стал спокойно читать ее.

Великие идеи, чтобы созреть, нуждаются во времени.

6 европа или мадемуазель люси фламенго?

Этот факт, то есть чтение вечерней газеты, не являлся исключительным. Напротив, Енс Боот ежедневно покупал «Энтрансижан». Купив ее однажды, а именно 2 августа 1914 года, он узнал, что различные европейские государства объявили друг другу войну. Надо сказать, что Енс Боот был человеком без национальности. Он полагал, что паспорт надо менять, переезжая из одной страны в другую, как костюм. Быть голландцем в Италии ему казалось столь же нелепым, как ходить по улицам Неаполя в меховой куртке. Наряду с коллекцией галстуков он возил с собой в изящном футляре из светлой свиной кожи полный комплект паспортов. Говорил он изумительно на восьми языках, а в интимных беседах, когда его спрашивали, какой он национальности, отвечал без всякой иронии — «европеец». Так как объявление войны застало его в Париже, он оказался французом и был тотчас мобилизован. В течение трех лет жизнь Енса Боота носила скучный и монотонный характер, ничем не отличаясь от жизни миллионов других европейцев того времени. Приставленный к батарее 305-миллиметровых орудий, он уничтожал незримых врагов и плотал холодный суп, поросший коркой жира.

Только раз достаточно банальное зрелище взволновало его.

С верхушки холмика Енс Боот взглянул на долину реки Соммы. Перед ним была голая, обезображенная земля. Енс вздрогнул, как вздрагивают любовники, увидав лицо молодой женщины, в минуту усталости принявшее старческий характер. И так как Енс когда-то в среднеучебном заведении изучал мифологию, он с неподдельной горечью сказал своему соседу, капралу Мишо:

— Бедная финикийская царица!..

Но Мишо не понял Енса и неопределенно хмыкнул.

Три года Енс Боот делал то же, что делали и другие, но, зная его последующие героические поступки, можно легко допустить, что голова его была заполнена далеко не банальными мыслями.

Весной 1917 года, спрятавшись в трюме транспорта, Енс Боот переплыл в Архангельск. В октябре того же года мы видим его в

Москве, наводящим орудия на Кремль. Высчитывая прицел, Енс бормотал:

— Попробуем! Может быть, это еще поправимо...

Енс Боот честно и стойко пытался многое исправить. Он руководил операциями по ликвидации различных консульств в Москве, дрался с французами под Одессой, и в течение четырех лет его сердце при биении ударялось о твердую книжицу, которая была не чем иным, как партийным билетом РКП. Но в 1921 году, узнав о начале нэпа, Енс Боот, который был не политиком, а всего-навсего честным авантюристом, освободил свое сердце, отослав билет секретарю райкома, застрелил на прощанье трех председателей трестов, четырех председателей биржевых комитетов и одного директора банка, вынул из кожаного футляра нужный документ и уехал в буржуазные страны. Енс Боот предпочел вместо новой экономической политики заняться древней спекуляцией. Он покупал и продавал различные товары; акции рудников, доллары, караты красавиц, сердца министров и даже некоторые спорные города, как-то:

Фиуме, Мемель, Черновицы, Вильно и другие.

К 1925 году он невероятно разбогател, оставив далеко позади себя Ротшильдов, Стинеса, Лущера и других владельцев как индустриального, так и банковского капиталов Европы. Но богатство мало развлекало Енса Боота, обладавшего скромными привычками мелкого приказчика.

Единственным утешением меланхоличного миллиардера являлись путешествия. Руководимый неким тайным инстинктом, он но покидал Европы, но целыми месяцами колесил по ней в различных экспрессах. Он ездил от моря до моря, от яблонь Нормандии до жасмина Золотого Рога, от низкорослых елей Лапландии до апельсиновых рощ Мессины.

Сквозь запотевшее стекло спального вагона над прозрачной долиной горел закат. Да, рыжая челка была прекрасна на матовом лице похищенной финикиянки! И когда ночь покрывала мир, когда в коробке купе, пролетающей от моря до моря, одиноко бился электрический месяц, Енс Боот, бывший гастролер цирка Медрано, бывший красноармеец армии Буденного, ныне миллиардер в лиловой пижаме, любил страстно и дико Европу.

Да, не родину, не вселенную, но часть света, нежную беглянку, вожделенную мадемуазель Люси Фламенго! (Следует добавить, что ночью Енс Боот никогда не глядел в зеркало сам на себя.) Днем же он видел все: рабов в своих шахтах, депутатов, профессоров, проституток и многое иное. Видел также в зеркала ле одутловатое, заспанное лицо. И днем Енс Боот Европу не навидел, вынашивая ненависть, как младенца, глубоко под фланелью жилета. На любом вокзале мира, будь то Торнео или Налермо, высовываясь из окна, он слышал мерзкий запах гни ли, как будто на него дышала старуха с черными гнилыми зубами. Это пахла Европа, И Енс Боот понимал, что Европа стара, мерзка, что ее можно любить лишь в темноте, не рас крыт!»! глаз и ие дотрагиваясь пальцами до ее шершавой кожи.

Енс Боот не был ни философом, ни политиком. Поэтому он не писал книг о закате старого мира и не заседал на когрессах Коминтерна. Вероятно, этот человек был рожден для перво бытной жизни. Его мать, несмотря на крахмальный чепчик, была мало приобщена к сокровищнице европейской культуры.

На пустынном острове она собирала яйца диких птиц. От отца Енс воспринял, как уже было указано, только страсть к азартным играм. Если бы Енс Боот уехал девятнадцати лет в Африку, он нашел бы там применение своим наклонностям: собирал бы яйца страусов, которые, вопреки молве, весь ма питательны, и охотился бы на царей пустыни — львов, что в общем мало чем отличается от рулетки. Но в Европе 20-х годов XX века, дряхлой и блудливой, ему нечего было делать.

Проезжая как-то мимо Эдинбурга, он вздумал жениться.

Это было в мае 1926 года.

7 честь рода лордов Хэгов оскорблена!

Старый лорд Чарльз Хэг никогда не посещал палату лордов: он считал, что законы выдуманы для жалких проходимцев из палаты общин, лордов же могут интересоваться лишь традиции рода. Презируя билли, лорд Чарльз Хэг уважал скачки. На гербе лордов Хэгов имелся конский хвост: это предопределяло жизненное назначение каждого первенца в семье Хэгов.

У лорда Чарльза Хэга были великолепные конюшни. Но в 1924 году его постигли многие несчастья, напоминающие рассказ о библейском Иове: его надежда — жеребец Джимми не взял приза дерби, кобыла Виктория сломала себе ногу, ее пришлось пристрелить, Маршал и Рио погибли от сапа. Лорд Чарльз Хэг поседел, помрачнел и, ввиду соображений финан сового порядка, отказался от пасхального путешествия в Севилью.

Тогда его супруга (кроме жеребцов и кобыл, у лорда Чарльза Хэга имелась супруга), сидя у камина, перебирая старинными щипцами угасающие угли и нюхая вянувший цветок гелиотропа, прошептала:

— Но у нас есть Мери! (Это вполне соответствовало действительности, — кроме жеребцов, кобыл и супруги, у лорда Чарльза Хэга была дочь, которую звали Мери.) Разумеется, упомянув о дочери, благородная леди отнюдь не думала, что красавица Мери может заменить па ближайших скачках усопшую кобылу Викторию. Нет, она плядела глубже в таинственную книгу судеб. На левой странице значились долги лорда Хэга, на правой — капиталы богатого иностранца, который вчера у сэра Эдуарда Карсейля танцевал с Мери кау-трот, в течение трех минут плядя прекрасными глазами истукана на восковую дочь лорда. Правая страница книги судеб столь взволновала леди, что она решилась произнести свою историческую фразу.

— Дорогая, вы забываете о чести рода Хэгов, — негодуяще ответил лорд и стал преданно плядеть на потолок, где красовался герб с конским хвостом.

Впрочем, негодование лорда длилось недолго: три дня спустя, глядя, как дочь Мери танцует фавстеп с далеко не знатным женихом,

он лишь кротко вздыхал про себя:

— Чарльз, вы начинаете забывать о хвосте!..

Нам трудно разобраться в причинах, побудивших Енса Боота сделать предложение дочери лорда Хэга, с которой он лишь раз в течение трех минут танцевал кау-трот, не обмолвившись при этом ни единым словом. Вероятно, коснувшись ее теплой, беззащитной руки, он почувствовал нечто, всегда глубоко волновавшее его. Это было родственным печальной матовости мадемуазель Люси Фламенго, теплоте римских фонтанов и конфузливой нежности шведских шхер, согретых северным солнцем. Европейские поэты склонны были называть подобные состояния «любовью», мы же определим их скорее как «чувство Европы».

Енс Боот сделал предложение и получил благосклонный ответ. Венчание было назначено на 12 июня и должно было состояться в родовом поместье лордов Хэгов, находившемся в двадцати милях от Эдинбурга.

В торжественный день старый замок блистал сотнями родо вых хвостов. Они глядели со стен и с потолков, с тяжелых го беленов и с тончайших стекол. В огромном зале леденели хрустальные бокалы, на которых инеем были выведены все те же хвосты. Благородная леди лично руководила приготовлением брачного ложа для молодых, и услужливо прикрытые по душки ласково мигали геральдическими хвостами. А на конюш не особый конский парикмахер Джим расчесывал хвосты же ребцов и кобыл.

Все были в сборе, не было только Енса Боота. Его ждали к одиннадцати часам утра. Часы и на башне, и на браслетке прекрасной Мери уже показывали четыре пополудни. Пастор, как нетерпеливый рысак, фыркал и переступал с ноги на ногу.

Прошло еще шесть часов, наступила ночь. Но, увы, она не стала для Мери первой ночью. Леди прикрыла наспех подушки, чтобы они не издевались над нею. Слуги убрали хрусталь, и он погребально звенел. Умело переделав свои лица из сва дебных на похоронные, гости разъехались, причем сэр Эдуард Карсейль тихо сказал своей супруге:

— Не только время — деньги, но и деньги — время.

Супруга, не поняв подобного глубокомыслия, упыло вздохнула.

Замок опустел. По бледному лицу Мери пробежала длинная слезинка. В огромном зале, глядя на сотни хвостов, лорд Чарльз Хэг сказал:

— Честь рода Хэгов оскорблена! В общем он был прав.

8 тяжелое расставанье

В тот же день, часов в одиннадцать утра, перед вывеской кабачка «Улыбка кафра» остановился высокий человек в макинтоше. Так как дело было в Глазгове, на зазевавшегося прохожего падал сверху извечный серый дождик, смешанный с копотью. Человек вошел в кабачок и спросил стакан виски.

Уронив голову на руки, он долго сидел в крайне неопределенном состоянии. Кабачок «Улыбка кафра» находился в порту, и заходившие матросы, грузчики, девки с любопытством оглядывали молчаливого гостя.

Наконец чудаковатый клиент зевнул. Сделал он это столь неожиданно и громко, что хозяйка вздрогнула как от слишком пронзительной сирены. Зевок, очевидно, являлся внешним вывлением какого-то решения, потому что посетитель сразу ожил и крикнул служанке:

— Еще виски! Два листа почтовой бумаги! Одну открытку с цветами! Затем он приступил к работе.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ДЕЛАМИ ЕНСА БООТА

господину Альфреду Ногейну в Амстердам.

Глазгов, 12 июня 1926 года.

Дорогой господин Ногейн!

Настоящим извещаю Вас, что я решил ликвидировать все свои дела и стать кафром.

Так как для собирания страусовых яиц и пр. не требуется никаких капиталов, я высылаю Вам одновременно с этим письмом нотариальное завещание, вскрыв которое Вы увидите, что я делаю Вас наследником всего моего состояния, включая незабвенную лиловую пижаму.

Будьте здоровы.

Искренне Вам проданный Енс Боот.

Очень рекомендую Вам жениться на мисс Хэг, адрес на обороте.

ЛОРДУ ЧАРЛЬЗУ ХЭГУ Замок Айэи, близ Эдинбурга.

Достопочтенный лорд! Я прошу Вас простить меня, что я опоздал к часу торжественной церемонии. Я прошу Вас такяже передать Вашим высокоуважаемым супруге и дочери мои искренние извинения и соболезнования по поводу причиненных хлопот и пр. В свое оправдание скажу лишь, что с сегодняшнего числа я утратил всякие права на мое имущество как движимое, так и недвижимое, и поэтому не мог осмелиться сделать Вашу дочь подругой жизни злосчастливого горемыки.

Надеюсь, что Вы не откажетесь передать моей исчезающей мечте, то есть Вашей остающейся при Вас дочери, что три минуты, когда я танцевал с нею кау-трот, будут мне памятны до последнего вздоха.

Примите, дорогой лорд Хэг, мои уверения в совершенном к Вам почтении.

Е. Боот.

На открытку с анютиными глазками, которую служанка после долгих колебаний купила в соседней лавчонке, Енс Боот прежде всего поставил кляксу от слишком тщательного обдумывания краткого текста.

12. 6. 1926.

Я покидаю Европу. Это примерно все, что я Вам хочу сказать.

Прекрасная финикиянка, я не сумел быть ни Юпитером, ни быком.

Я в мрачном настроении и пью виски.

Желаю Вам и Вашему уважаемому супругу хорошей погоды и т.

п.

Кабачок «Улыбка кафра».

Енс Боот.

Мадам Люси Бланкафар (урожд. Фламенго) 26, рю де Шерш-Миди Париж.

Закончив эти литературные упражнения, Енс Боот отпра вился осматривать пароход. Он легко разыскал «Романик», ко торый отбывал

в Восточную Африку, Он готов был сесть на него.

Но принц Монакский, находясь в доме гостеприимной голландки, думал о крупной игре. Несмотря на тридцать два года действенной жизни и на достаточно выразительный зевок в кабачке «Улыбка кафра», Енс Боот был преисполнен сил и порывов. Причем мы уже говорили, что великие идеи бродят ли в нем.

«Может быть, попробовать стать Юпитером или бы ком?» — подумал он, улыбнулся и отошел от сходней «Романик».

Это, однако, но означало намерения поехать к мадам Люси Бланкафар на улице Шерш-Миди и произвести в ее квартире некоторый переполох. Нет, для другой игры и для другого переполоха был рожден Енс Боот! Час спустя он уже находился среди палубных пассажиров роскошного парохода «Мавритания», который шел в Нью-Йорк.

В 10 часов вечера, когда лорд Чарльз Хэг был в огромном зале, «Мавритания» отчалила от берегов Европы.

Енс Боот стоял на корме. Среди туманов поздних июльских сумерек еще горели рыжие волосы Европы. Енс вспомнил все — и запах подмосковных лугов, и вековой лак парижской площади Конкорд.

Ему было невыносимо тяжело, и, расставаясь со своей истинной любовницей, с Европой, великий авантюрист сначала послал ей воздушный поцелуй, а потом сел на куль с перцем, поднял воротник пальто, зарылся в темноту и, но всей вероятности, заплакал.

9 превосходная бритва за двадцать центов!

Плакал или не плакал Енс Боот, сидя в темноте на куле с перцем, установить невозможно. Во всяком случае, если он и пролил на навощенную палубу несколько горьких слез, то этим ограничилось его сентиментальное отчаяние, — изо всех человеческих занятий оплакивание было наименее свойственным Енсу Бооту.

Хорошо выспавшись, утром он восстановил в памяти события вчерашнего дня и освидетельствовал себя. Выяснилось, что он едет в Америку с билетом третьего класса, со ста со рока долларами, без багажа и без воспоминаний. Это развесе лило Енса Боота, и он не стал раздумывать, зачем он променял жизнь миллиардера на мытарства безработного эмигранта в трущобах Нью-Йорка или Чикаго и что он будет делать в Новом Свете. Енс Боот крепко верил, что философствовать могут лишь монахи, изготавливающие ликер бенедиктин, или российские интеллигенты, на привилегии которых профаны не должны посягать.

Енс Боот ел бутерброд с ростбифом и ни о чем не думал.

По заезженному древнему пути неслась огромная рыба, густо нафаршированная людьми. Кругом была, разумеется, вода. Все располагало к поэзии. Но здоровая любознательность проснулась в Енсе Бооте, и он, с отменной ловкостью умеющего складываться в шестнадцать раз, обследовал «Мавританию», Три четверти парохода занимали почтенные американцы с семьями, ездившие в дряхлую Европу для полезной желудку меланхолии, как ездили, по преданию, европейцы XIX столетия в мертвые города, в Венецию или в Брюгге. Богатых было немного, но они любили простор, и поэтому сто сорок восемь пассажиров, обладавших капиталом в 12 000 000 000 долларов, занимали три четверти парохода. На четырех палубах они танцевали кау-трот, катались, сидя в корзиночках с парусами, аплодировали дамскому боксу и стреляли в прирученных колибри. Нижняя палуба была обращена в каток, и, несмотря на зной июльского солнца, дочери и сыновья миллионеров, в пурпуровых и изумрудных штанах, лихо носились по звонкому льду. На верхней палубе цвели сицилийские

апельсины и бразильские орхидеи. В каютах играли оркестры малайцев, яванцев, либерийских негров и нижегородских балалаечников.

Дипломатические лакеи разносили утренние коктейли.

Глотая ледяные смеси, миллионеры поглядывали на восток и ухмылялись. Они вспоминали некоторые аттракционы умирающей Европы: расторопность француженок, чувствительность семейных немок и мистический темперамент русских аристократок, всех равно готовых к услугам за несколько дол ларов, завалявшихся в жилетном кармане.

Туда же, то есть на восток, взирали с благодарностью супруги миллионеров: они везли в поместительных кофрах смиренную дань Европы — платья, обдуманые консилиумами лучших парижских художников, фарфоровые сервизы различных низложенных династий, тяжелые ожерелья и кольца князей, графинь и баронесс, кротко проводящих дни в очередях всех европейских ломбардов.

И, наконец, мечтательные дочери миллионеров, с шеями жирафов и со ступнями слонов, обращали студни своих глаз к исчезнувшим берегам, где имеются Венеры Милосские, римские ладзарони и прочие достопримечательности, тщательно зарисованные па страницах великолепных замшевых альбомов.

Сто сорок восемь пассажиров первого класса, нежась на утреннем солнце, невольно поворачивались к умирающей Европе.

На другом конце парохода находились пять тысяч шестьсот семьдесят пассажиров третьего класса. Им было, конечно, тесно, но ведь у пяти тысяч шестисот семидесяти человек, взятых вместе, не было и ста тысяч долларов, а один пассажир первого класса, стальной король, мистер Джебс, заплатил за проезд в каюте, отделанной в мавританском стиле, сто пятьдесят тысяч долларов. Пять тысяч шестьсот семьдесят чело век могли легко потесниться. Ото были далее не граждане США, а презренные эмигранты: ирландцы, польские евреи, итальянцы, немцы, убегавшие куда глаза глядят от десяти лет голода и войны. Они давно разучились роптать или надеяться.

Пароходная компания «Синяя звезда» заботилась обо всех пассажирах, даже об этом сброде. Пять тысяч шестьсот семьдесят человек сидели чинно на чисто выкрашенных скамьях и ели питательный суп из алюминиевых чашек, цепочками при крепленных

к столам. Время от времени специальные сани тары обрызгивали их из гигантских пульверизаторов карболкой и йодоформом. Пять тысяч шестьсот семьдесят человек тупо глядели на запад, где должна была родиться в зеленом мареве моря новая земля, трудная и злая, как все земли Земли.

Только грудные младенцы, не понимая 116 параграфа правил, изредка начинали кричать, но им быстро зажимали рты механическими ротодержателями.

Между первым и третьим классами находилась граница — столб с надписью:

ВХОД ПАССАЖИРАМ ТРЕТЬЕГО КЛАССА ВОСПРЕЩАЕТСЯ

За исполнением приказа следили четыре негра в оранжевых мундирах. Но Енс Боот, гордость цирка Медрано, легко прополз ужом мимо четырех негров. Очутившись в просторных помещениях первого класса, он не испытал никакого желания вернуться на скамью, где и без него обретались пять тысяч шестьсот шестьдесят девять человек. Дружески поговорив с заведующим ваннами и парикмахерскими, он вспомнил одно из своих былых ремесел и час спустя стал главным массажистом «Мавритании».

В 10 часов утра в нижних помещениях началась необыкновенная суматоха: стальной король, мистер Джебс, принимал ванну. Мистер Джебс ценил свое время, и поэтому в большую ванную комнату, примыкавшую к мавританской каюте, собрались пять мастеров. Мистер Джебс гордо лег на циновку.

Одновременно парикмахер начал брить его, маникюрщик обрезать ногти на руках, педикюрщик — на ногах, второй парикмахер обливать голову хинной настойкой, а Енс Боот растирать круглый, тугий живот. Мистер Джебс, предоставив свое тело людям, в эти четверть часа душой, свободной от всяких житейских дел, беседовал с богом.

Позади стояли подмастерья с духами, притираньями, щипчиками, мазями, лаком и прочими материалами. Сверкали серебром десятки кранов. Нежно булькала розовая вода в мраморе ванны, и не менее розовая, не менее благоуханная душа мистера Джебса парила высоко в небесах.

Это было как бы четырехэтажным зданием. Внизу голый, густо фиолетовый мистер Джебс. Над ним лакеи, готовящие ему плотный завтрак, и скрипачи, репетирующие для него любимое попури из «Травиаты». Еще выше радиостанция «Мавритании», отправляющая телеграмму в Питтсбург супруге мистера Джебса:

«Спал хорошо. Аппетит прекрасный. Европа вздор. Приеду в среду 12 часов 47 минут».

А надо всем розовая бабочка — освобожденная от плоти душа.

Мастера и подмастерья, понимая величие этого здания, богомольно молчали. Вдруг раздался скрипучий голос самого мистера Джебса:

— Милейший, а это ведь превосходная бритва? — Все, что есть лучшего, сэр! — А сколько она стоит? — Куплена в Гамбурге. Если перевести на наши деньги — двадцать центов, включая пошлину и пересылку.

Здесь произошло нечто невероятное. Живот, находившийся под пальцами Енса Боота, сразу неслыханно раздулся. Весь мистер Джебс окончательно побагровел, — Содовой! — прохрипел он.

Выпив стакан воды, мистер Джебс несколько оправился и приказал перенести его в ванну. Енс Боот взял бедного короля стали и ласково окунул его в розовую водицу.

— Двадцать центов! — шептал мистер Джебс. — А у нас четыре доллара. Ну да, попятно...

В 1920 году девяносто центов.

В 1923 году пятьдесят центов.

Теперь двадцать центов. А покупать они ничего не покупают. Сифилитики из «Травиаты»! Нет, единственный выход — уничтожить Европу!..

Да, разворачивая свиток истории человечества, мы можем воскликнуть: сколько случайностей!

1. Енс Боот легко мог бы остаться с пятью тысячами шестьюстами шестьюдесятью девятью пассажирами третьего класса и не массировать 19 июля 1926 года живота мистера Джебса.

2. Парикмахер мог бы брить мистера Джебса американской бритвой.

3. Мистер Джебс, беседуя с богом, мог бы не удостоить беседой парикмахера.

И т. д.

По непоправимое случилось. Енс Боот теперь твердо знал, зачем он едет в Америку.

10 «час изобретений»

Скинув пиджак, с засученными рукавами, с огромной манильской сигарой в желтых конских зубах, мистер Джебс ходил по кабинету. Время от времени он поворачивался к двери с маленьким оконцем, в которое просовывались различные более или менее гениальные головы... Это был так называемый «час изобретений», Раз в неделю, по четвергам, с четырех до пяти мистер Джебс выслушивал предложения всех изобретателей. Каждому желающему предоставлялась одна минута, чтобы изложить главные черты своего изобретения. Если предложение каза лось королю стали полезным для его многочисленных пред приятий, он отсылал изобретателя в ту или иную из своих лабораторий. Один час в неделю, уходивший на прием шести десяти посетителей, окупался с лихвой, в среднем не менее пяти процентов предложений покупались и патентовались ми стером Джебсом.

— Я номер шестнадцатый, — раздался голос сквозь оконце. — Я предлагаю магнитно-фугальные орудия. Тяжелые снаряды на расстоянии до тысячи километров. Построены на принципе электромагнитных волн. Сталь, выдерживающая молекулярное напряжение.

— С тысяча девятьсот двадцать пятого года готовится на заводе номер шесть. Опоздали. Следующий! — Семнадцатый. Предлагаю рекламировать изделия треста с помощью дуговых ламп. Звуковые волны передаются микрофоном. В Нью-Йорке по моему плану двадцать тысяч дуговых ламп ежевечерне одновременно восхваляют вашу фирму.

— Хорошо. Обратитесь к мистеру Тайгену, заведующему отделом рекламы. Следующий.

— Номер восемнадцатый. Предлагаю использовать магнит ные бури на Аляске. Я изобрел прибор, улавливающий раз ные потенциалы.

— Хорошо. В лабораторию сорок седьмую с трех до четы рех по понедельникам. Следующий.

— Смерть паровой машине! Смерть паровой турбине! Я изобрел электрический элемент с отрицательным электродом из угля. Полная революция в индустрии! — Вздор! Принимайте холодные души.

Мистер Джебс так был возмущен диким цинизмом сума сброда, что даже забыл произнести «следующий» и потерял две минуты исключительно на негодование и на обглаживание окурка манильской сигары. Заметив эту потерю, он позвонил, и в оконце тотчас же показалась голова двадцатого изобретателя.

— Предлагаю уничтожить Европу.

Мистер Джебс от неожиданности присел на вращающийся табурет и закружился на нем. Но номер двадцатый с отменным спокойствием продолжал:

— Организация треста. Капитал двадцать миллиардов долларов. Вы вносите треть. Я нахожу еще двух компаньонов. Я — директор. Полная гарантия тайны.

— Вы сумасшедший или анархист? — спросил его наконец мистер Джебс, остановив свой табурет.

— Отнюдь нет. Моя минута кончилась. Но если вы дадите мне еще три минуты, я посвящу вас в суть моего плана.

Он вполне осуществим.

Чуть поколебавшись, мистер Джебс подошел к внутреннему телефону и сказал секретарю:

— Вызвать изобретателя номер двадцать в мой кабинет.

Прием остальных, от двадцать первого до шестидесятого, перенести на следующий четверг. Ко мне не звонить.

В кабинет вошел Енс Боот. Он походил на нищего, опустившийся, грязный, давно не бритый, с клочками рубашки, вылезавшими из-под мышек, в порванных штиблетах, из которых любознательно выглядывали голые пальцы. Кто бы мог узнать в нем миллиардера, жениха дочери лорда Хэга, три месяца тому назад лучше всех танцевавшего кау-трот на парижских балах? Костюм Енса Боота был отнюдь не маскарадным. Приехав десять недель тому назад в Нью-Йорк со ста сорока долларов ми, он не пошел ни в цирк, ни в парикмахерскую. Сняв но мер в небольшой гостинице, он купил себе маленькую тетрадь в клеенчатой обложке и стал покрывать ее какими-то записями, объявив хозяйке, что он лирический поэт и пишет элегии на мифологические темы, предпочтительно о любовных

трансформациях богов. Услыхав это, хозяйка удвоила цену на комнату, так что сто сорок долларов с редкой быстротой пере кочевали в ящик ее комода. Енс Боот перебрался тогда в Ист-Сайд и, предав старьевщику-еврею свою одежду за десять долларов, приобрел у него же за два доллара живописные лохмотья, в которых ему пришлось предстать перед озадаченным мистером Джебсом. Семь недель Енс Боот бедствовал, питаясь кукурузными лепешками и ночуя на полу в бесплатных ночлежках «Армии спасения». Но он упорно не желал взяться за какую-либо работу, днем и ночью на скамейках скверов или вокзалов предаваясь все тому же таинственному занятию, которое, по его словам, являлось лирической поэзией.

Когда же прошло два месяца и клеенчатая тетрадь была исписана, Енс Боот, срезав у какого-то зазевавшегося мистера массивные золотые часы (впрочем, оказавшиеся лишь серебряными, то есть позолоченными), купил билет до Питтсбурга и под номером двадцатым явился к мистеру Джебсу в «час изобретений».

Войдя в кабинет мистера Джебса, Енс Боот прежде всего подошел к письменному столу, взял манильскую сигару, закурил ее и сел в покойное кресло, положив ногу на ногу, ничуть не смущаясь при этом любознательностью своих пальцев, выглядывавших из штиблет.

Потом он вынул клеенчатую тетрадку и протянул ее мистеру Джебсу.

На первой странице аккуратным почерком школьника было выведено:

План организации треста гибели Европы.

На следующих были отнюдь не элегии, но таблицы, чертежи и сжатое резюме различных планов. Десять недель не прошли даром.

До 11 часов вечера мистер Джебс просидел в кабинете с Енсом Боотом, изучая двадцать четыре страницы тетради.

А в 11 часов он кратко спросил:

— Когда? — Начнем в двадцать седьмом. Кончим к сороковому.

— Сколько? — Ваша треть. Всего около двадцати миллиардов долларов основного.

Мистер Джебс вынул чековую книжку. У Енса Боота не было ни одного целого кармана, чтобы спрятать чек.

На следующее утро он прежде всего поехал в универсальный магазин и приобрел комплект вещей, необходимых для делового

человека, начиная от штанов и кончая электрическим аппаратом, убивающим вора, попытавшегося похитить бумажник.

Услужливый приказчик среди прочего предложил ему лиловую пижаму. Но Енс Боот отказался.

«Пижамы осталась в Европе», — подумал он с известной долей меланхолии. Пижамы и мадам Люси Бланкафар, урожденная мадемуазель Фламенго. Впрочем, теперь они обе погибли. Остановка еще за двумя компаньонами.

11 в разумном предвидении свадебного путешествия

Две недели спустя Енс Боот зашел в нью-йоркскую контору «Кука и сына», чтобы справиться о маршруте мексиканского экспресса. Его внимание сразу привлек высокий меланхолический юноша, которого тщетно пытались оживить трое служащих.

Получив письменную справку касательно своего поезда, Енс Боот тихонько кинул листок в корзину. Дело в том, что он отнюдь не собирался ехать в Мексику, а просто заходил в самые разнообразные учреждения и места, как-то: банки, бани, кондитерские, правления трестов и пр. — с некоторыми скромными, но не совсем ясными намерениями.

Итак, выкинув справку, Енс Боот подошел к меланхолическому юноше.

— Небольшое путешествие в живописную пустыню? — как граммофон выкрикивал служащий. — Что ж, это очень легко.

Вы выезжаете в среду в одиннадцать из Нью-Йорка, в понедельник в пять пополудни прибываете в Танжер, там ужинаете, в восемь часов двадцать отходит сахарский экспресс.

На следующее утро, девять часов сорок, Оаз-Бэн, самый лучший курорт в пустыне. Все развлечения: катанье на верблюдах, арабские танцы, носочный спорт и прочее, комнаты по купонам «Кука и сына». Оттуда в среду десять...

— Нет, не подходит, — вздохнул юноша, и меланхоличность его глаз удвоилась. — Я хочу настоящую пустыню без людей.

Другой служащий, вытащив толстый том путеводителя, за трещал:

Превосходно — пустыня Гоби. На самолете. Вы вылетаете в пятницу утром. Ночевка в Токио. В субботу в восемь часов вечера прилетаете в Хентшбад — в центре Гоби. Очень мало людей. Никаких частных домов или пансионатов. Пять гостиниц, все «Кука и сына». Великолепный вид. Окна на песок. Оттуда...

— Не то, — еще оглушительней вздохнул юноша и снял при этом пиджак, ибо в комнате было почти так же жарко, как в Сахаре. Его

примеру с нескрываемым сладострастием после довали три отчаявшихся служащих, причем третий, самый толстый и потный, сказал:

— Мало людей еще в горах. Советую вам Гималаи. Прекрасный климат. Прохладно. Все врачи рекомендуют при нервных заболеваниях. В зубчатой железной дороге на Эверест.

Спальные вагоны. Плацкарты выдаем здесь. На верхушке паша гостиница «Шпиц земли». Шестьсот салонов с ванными. Вы уезжаете...

— Нет, вы ошибаетесь. Я именно не уезжаю. Я не стал бы беспокоиться для того, чтобы увидеть еще одну гостиницу «Кука и сына». Жизнь становится абсолютно несносной — любознательному американцу некуда ехать! С этими словами меланхолический юноша отошел от прилавка и, надев героически пиджак, направился к двери. Его остановил Енс Боот.

— Два слова. Совершенно с вами согласен. Могу помочь.

Придется только несколько отложить поездку. Например, через пять лет...

— Что ж, это не так плохо. Я решил через пять лет жениться. Свадебное путешествие. А куда? — В среднеевропейскую пустыню.

— Вы смеетесь надо мной! Осматривать Колизей? Нет, для этого Вильямс Хардаиль слишком уважает себя.

— Вы меня не поняли, дорогой мистер Хардаиль. Через пять лет вы сможете поехать с молодой и очаровательной супругой в настоящую пустыню — приблизительно около пятисот тысяч квадратных километров, полное отсутствие гостиниц как «Кука и сына», так и других. А к тысяча девятьсот сороковому году я предложил бы вам приготовиться к большому путешествию по огромной европейской пустыне — около пятнадцати миллионов квадратных километров.

— Послушайте, — раздраженно ответил Вильямс Хардаиль, — если это шутки, то вряд ли уместные. Я абсолютно не интересуюсь политикой, и ваши сатирические аллегории...

— Отнюдь не аллегории, практическое предложение, достойное стен уважаемых мистеров Кука и сына Кука.

Кратко, ввиду высокой температуры августовского дня, Енс Боот посвятил юношу в свои планы.

— Семь миллиардов, зато настоящее путешествие в пустыню.

И так как Вильяме Хардайль был сыном короля нефти, то он мог позволить себе небольшую роскошь забавного свадебного путешествия.

У Енса Боота теперь уже были не только одиннадцать карманов, но и электрический хранитель бумажника. Поэтому он без всяких затруднений взял чек нефтяного престолонаследника.

— Только постарайтесь, чтобы было попустынной, — попросил мистер Хардайль, трогательно сжимая руку остроумнейшего из всех Куков мира.

12 НО ЧТО «НО»?

Семнадцатого октября 1926 года в небольшом, но фешенебельном клубе чикагских миллионеров-мормонов мистер Твайт, первый завтрак которого был нами описан в начале нашей исторической работы, читал свой прославленный доклад «Размножайтесь разумно».

Так как членами клуба являлись лица не моложе пятидесяти лет, то каждому понятно, что к докладу они проявляли бескорыстный, чисто теоретический интерес.

Впрочем, среди слушателей находился один гость, которому на вид было лет тридцать, но и он, зевая, подчеркивал нечто в своем блокноте, будучи явно не склонен к размножению, хотя бы и разумному.

Доклад имел шумный и, скажем от себя, вполне заслуженный успех. Кончив читать, мистер Твайт вытер лоб фуляровым платком, попросил стакан воды и сел в темный угол, скрываясь от наглых ласк всемирной славы.

Там его нашел молодой гость, переставший к этому времени зевать. Энергично схватив мягкую руку мистера Твайта, он закричал:

— Великолепные идеи! История не знала подобного филантропа! При жизни памятник! Семена ваших слов падут на хорошую почву! Во всех штатах через десять — двадцать лет приступят к разумному размножению, но...

Здесь голос гостя покрылся налетом истинной скорби, в нем как бы слышались затаенные слезы.

— Но что «но»? — взволнованно спросил мистер Твайт.

— Но вы забыли об одном большом континенте.

— Вы ошибаетесь, я обдумал план использования Африки.

Строго контролируя зачатия, мы можем в течение ста лет создать несколько удачных пород ломовых лошадей: человек-грузчик, человек-возчик, человек-лакей и другие, по желанию. У грузчиков развитие грузоподъемности — десять лошадиных сил, крохотная голова, кретинизм, полное послушание, растительная пища. У лакеев особо развитые руки-крючки, атрофия языка, отсутствие половой

возбудимости и т. д. Все это гораздо гуманнее роботов, о которых сообщала недавно «Чикагская трибуна», и достигает той же цели. Главное — приучить наших рабочих к христианскому смирению. Импорт ста тысяч ломовых людей окончательно уничтожит социализм.

— Воистину вы гениальны, мистер Твайт, — взволнованно воскликнул гость. — Кроме прижизненного памятника, надо требовать от сената ста стипендий, триумфальную арку и переименования целого штата. «Штат Твайт» — это звучит хорошо. Но... но все же, но...

— Но? Но что «но»? — Но вы забыли об Европе.

— Да, пожалуй, вы правы, молодой человек. Молодой, сказал я, молодой, но рассудительный. Это скверная часть света.

Она не покупает моих всемирно известных мясных консервов, и потом вообще...

— Вот именно, мистер Твайт, вообще: Европа противится разумному размножению. Послушайте меня.

I. Они вообще уклоняются от всякого размножения. Возьмем хотя бы Францию.

В 1910 году рождаемость ниже смертности — 0,2.

В 1925 году „„„„“ - 4,6.

II. Размножаясь хаотично и случайно, главным образом в итоге каких-то нервических состояний, по ту сторону океана именуемых «любовью», они не только не создают нужных пород, но и выводят опасных бездельников. Достаточно сказать, что к тысяча девятьсот двадцать шестому году в Европе было:

Поэтов, художников, литераторов, артистов и прочих тунеядцев..... 2 %

Солдат.....16 %

Рантье..... 4 %

Нищих..... 6 %

Монахов (католических и православных). . 0,5 %

Монархов, свиты и пр.....0,3 %

Итого 28,8 % абсолютно ни на что не годных людей.

III. Самое важное! Единственное, что европейцы разводят с известной последовательностью, это членов различных преступных сообществ, как-то: социалисты, анархисты и прочие негодяи.

В 1890 году в Европе было 3,8 % такого рода злоумышленников.

В 1922 году в Европе было 9,01 % такого рода злоумышленников.

В 1925 году в Европе было 18,3 % такого рода злоумышленников.

Из любых ста европейцев восемнадцать и одна треть — революционеры, то есть бандиты, то есть люди, так или иначе отрицающие собственность. Что же вы скажете на это, любезный мистер Твайвт? — Я скажу... я скажу...

Но мистер Твайвт ничего не мог сказать. Его младенческие глазки покрылись светлой испариной. Его сердце истекало кровью. Он патетически молчал.

Тогда его собеседник нашел нужные слова.

— Вы хотели сказать, любезный мистер Твайвт, что в таком случае необходимо уничтожить Европу.

Да, именно это мистер Твайвт хотел сказать, и вместе с тем он никак не мог сказать именно этого. Дикие цифры мелькали перед его глазами. О, шалопаи! Они не только но покупают свиного филе, они к тому же плодят бунтарей. На сто — восемнадцать и одна треть негодяев. Треть почему-то особенно возмущала мистера Твайвта. Он понимал, что надо решиться.

Наконец раздался его задушевный голос:

— Вы правы, но...

— Но что «но»? — Но я ведь вегетарианец! И, промолвив это, почтенный владелец лучшей в мире фабрики мясных консервов разразился ниагарами прохладных слез, орошавших его круглый, уютный живот.

— Вы обладаете не только светлым умом и лучшей в мире фабрикой мясных консервов, но и благородным сердцем, — деликатно заметил гость клуба мормонов. — Это трижды благородное сердце должно подсказать вам решение. Ваше вегетарианство, ваши высокие гуманные идеи обязывают вас ко многому.

Европа утопает в пороках, лени и смутах. Если мы обратим ее в пустыню, это будет актом высокого человеколюбия. Триста миллионов, читая в последний раз «Отче наш», поблагодарят нас. А потом... Потом мы откроем Европу! Заселим ее колонистами, хотя бы из той же Африки, и начнем выводить новые полезные породы людей, используя благоприятный, умеренный климат.

Мистер Твайвт продолжал обливаться слезами, произнося только:

— Но, по...

Тогда настойчивый прозелит пустил в ход последний довод:

— Наконец, если мы не сделаем этого, Европа заразит Америку. Восемнадцать и одна треть процента станут через пять лет восьмьюдесятью процентами. Вспомните Россию, Германию, Австрию. Представьте себе нечто вроде СССР.

При этих словах мистер Твайвт вскочил и, вместо Ниагары слез, разразился гейзером бешеной слюны.

— Да, да! — кричал он. — Я согласен! Необходимо уничтожить! Завтра! Сейчас же!..

И вдруг в изнеможении снова упал на диван, — Уничтожить. Но... — Но что «но»? — Но как это сделать? — Об этом не беспокойтесь. Семь миллиардов. Вы третий компаньон.

Енс Боот (предприимчивый гость клуба мормонов, как это понимает всякий, не мог быть не кем иным, как Енсом Боотом), выйдя на улицу, с некоторым удовлетворением пощупал бумажник, где хранился симпатичный чек.

Предварительные хлопоты были закончены. Он теперь мог приступить к работе.

Енс Боот с жадностью вдохнул апрельский воздух. Но воздух этот был особого порядка: Чикаго густо дышал на него свиной и бычьей кровью. Этот запах, приторный и неотвязный, как бы напоминал Енсу Бооту о его новой профессии.

— Что ж, устраним триста пять миллионов человек, — сказал он сам себе. — Но...

— Но что же «по»? И он невольно вспомнил европейские весны, застенчивые и нежные, комнатные весны, растерянность колоколов, светлую зелень норвежских берез или авиньонских тополей, дымчатую тишину городов, где каждый шаг влюбленного, бредущего со свидания под газовыми звездами, твердит:

— И жаль... И жаль...

Откровенно говоря, жаль. Чего? Ста веков? Влюбленного? Ацетиленовый фонарь? Историю? Девушку, оставленную там у глупого узкого окна и сжимающую в руке все сто веков, на стоянное дровнео тепло Европы? Ее? То ость мадемуазель Люси Фламенго, ныне мадам Бланкафар? Кого-то безусловно жаль...

Так думал Енс Боот возле клуба мормонов, вдыхая кровавой дух
Чикаго.

— Я ее уничтожу... Но все же я ее люблю! Европу!

13 небольшое аналитическое отступление

Дойдя до этого места, любознательные школьники заерзают на партах американских или австралийских училищ. Они, на верное, спросят своих уважаемых учителей:

— Почему же Енс Боот вздумал уничтожить Европу? Коварнейший вопрос! Услышав его, не один уважаемый учитель покраснеет, вытрет табачного цвета платком нимбооб-разную лысину и гаркнет:

— Глупый мальчик! Это тебя не касается.

Увы, мы не можем в нашей серьезной работе уподобиться такому талантливому педагогу и должны попытаться ответить на вопрос, который, пожалуй, родится не только в милых детских головках, но и в солидных головах уважаемых читателей «Истории Треста Д. Е.».

Попытаться ответить, разумеется, еще не значит ответить.

Как бы ни была всесильна наука, но и она порой отступает перед различными, еще не разгаданными тайнами человеческого сердца. Мы предпочитаем изложить здесь ряд гипотез, выдвинутых авторами, работавшими над историей гибели Европы, от себя добавив, что все они являются лишь гипотезами, ни для кого не обязательными.

1. Профессор евгеники мистер Горль объясняет поступки Енса Боота наследственностью. Он особенно тщательно разбирает в своем известном труде «4 минуты принца Монак-ского» влияние настроения родителей во время зачатия на характер ребенка.

2. Маститый психолог мистер Чавтен приписывает деятельность Енса Боота особой болезнью, называемой «авантюризмом», которая, по собранным им данным, носила в Европе 20-х годов XX века эпидемический характер.

3. Мисс Маргарет Оден полагает, что Енс Боот был просто неудачным влюбленным, и так как в одряхлевшей Европе половые эмоции занимали крайне видное место, — получив отказ от Люси Фламенго (впоследствии вступившей в законный брак с Бланкафаром), в приступе гнева решил уничтожить Европу.

4. Мистер Бэрдинг утверждает, что Енс Боот принадлежал к тайной секте анархистов «Туксук», историю которой он обещает опубликовать в недалеком будущем.

Мы не станем приводить доводов различных поверхностных авторов, в журнальных статьях щеголяющих хоть оригинальными, но явно вздорными теориями (так, например, некто мистер Виль недавно пытался доказать, что Енс Боот, брюкодержатели которого хранятся в историческом музее города Чикаго, вообще не существовал!). Изложив беспристрастно мнения четырех ученых, мы решимся, в свою очередь, привести и нашу гипотезу, отнюдь не претендуя на ее безошибочность.

Мы полагаем, что Енс Боот организовал «Трест Д. Е.» и принял активное участие в деле уничтожения Европы лишь потому, что он был типичным европейцем своего времени.

Достаточно вспомнить его слезы на палубе «Мавритании» или вздохи у подъезда чикагского клуба мормонов, чтобы убедиться в его искренней и глубокой любви к Европе. Именно вследствие этой любви, повинувшись темным инстинктам, он сделался директором упомянутого треста.

В Европе с конца XIX века появилось чувство особого «европейского» патриотизма. Люди различных стран, французы, датчане, немцы и даже некоторые русские, почувствовали себя детьми некоего большого отечества и полюбили его. Особенно сильно это чувство сказалось в период войны 1914-1918 годов.

В сыновнем восторге люди склонялись перед видением общего сада, увы, опадающего и полумертвого.

Это чувство не помешало европейцам сделать все зависящее от них для гибели Европы. Начиная с 1914 года войны не ути хали. Европейцы тщательно истребляли друг друга. Любовав шиеся прекрасным садом трудолюбиво рубили деревья, топтали цветы, отравляли воду источников.

Европа была охвачена манией самоубийства. Не будет преувеличением, если мы скажем, что она сама себя убила. И верный ее сын, случайно явившийся на свет от рассеянности принца, гениальный Енс Боот, осуществил то, о чем помышляли миллионы европейцев 20-х и 30-х годов XX века — массовое самоубийство.

14 «д.е.»

Мы достаточно детально рассказали, какие усилия приложил неутомимый Енс Боот для организации «Треста Д. Е.».

Наконец 4 апреля 1927 года в отдельном кабинете первоклассного нью-йоркского ресторана «Миссури» состоялось собрание правления. Кроме Енса Боота, присутствовали мистеры Джебс, Твайвт и Хардайль. Собравшиеся беседовали о многом, главным образом о различных марках сигар.

Мистер Джебс предпочитал манильские, фабрики Лопадос, марка «Роза дель Оро», Мадуро.

Мистер Хардайль предпочитал гаванские, фабрики Ля Корона, марка «Ароматикос», Колорадо, Мистер Твайвт предпочитал суматрские, фабрики Бэс и К0, марка «Флор фина», Кларо.

Енс Боот предпочитал шоколадные.

Впрочем, выяснив достоинства всех сортов сигар, члены правления около четырех часов утра постановили:

«Уполномочить Енса Боота приступить к осуществлению намеченного плана».

Утро 11 апреля того же года было справедливо названо нами историческим: три американца завтракали, Европа дремала в ванне, а Енс Боот отдавал приказания восемнадцати тысячам семистам шестидесяти агентам треста.

Последнее было почти столь же незримым и таинственным, как управление всемогущим господом богом вселенной. Причем у Енса Боота не было даже штата служащих, способных заменить ангельское воинство. В маленькой конторе «Треста Д.Е.», помещавшейся на тридцать втором этаже небольшого небоскреба, находилось всего семь человек: секретарь Енса Боота, две стенографистки, две телефонистки, бухгалтер и грум.

Разумеется, надо прибавить к ним самого Енса Боота, размахивавшего большим красно-синим карандашом, заменявшим ему дирижерский жезл Саваофа.

Контора состояла из трех комнат. На двери красовалась эмалированная дощечка:

ИНЖЕНЕРНЫЙ ТРЕСТ ДЕТРОЙТА

В первой комнате висели топографические карты Детройта, и машинистка переписывала сметы на постройку нового моста, соединяющего Детройт с Канадой.

Во второй комнате вторая машинистка выстукивала письма.

различным организациям, внешне не имевшим прямого отношения к постройке моста через Квебек. Телефонистки не переставая рассылали телефонограммы, смысл которых оставался им не совсем внятным. (Впрочем, эта профессия гордится скорее исполнительностью, нежели любознательностью.) Бухгалтер явно содержался для декорации. Он кротко записывал приходы и расходы небольшого инженерного треста, основной капитал которого едва равнялся миллиону долларов.

Что касается секретаря, то и он, несмотря на университетское образование, не имел никакого отношения к истинной деятельности «Треста Д.Е.». В его обязанности входили переговоры с администрацией Детройта, сводка курсов долларов на европейских биржах и приобретение для Енса Боота сигар как шоколадных, так и настоящих. Принимая во внимание последнее обстоятельство, легко понять, что грум, не имея уже никакого применения и сидя весь день на табурете, вскоре заболел преждевременным ожирением, явно неподобающим его нежному возрасту.

В третьей комнате находился Енс Боот. Перед ним висела большая карта Европы. Подобная вещь в инженерном тресте Детройта объяснялась географической любознательностью уважаемого директора. Имелись еще таблицы, чертежи, объемистые отчеты и проекты, но все они умещались в одном несгораемом шкафу, и никто не знал об их существовании.

Енс Боот сидел и помахивал красно-синим карандашом.

Помахивая, он отдавал приказание семнадцати организациям, не имевшим касательства к уничтожению Европы, но зато имевшим в своих названиях инициалы «Д.Е.».

Эти семнадцать организаций находились в различных штатах Америки. В свою очередь, они распоряжались судьбами трехсот четырнадцати учреждений, находившихся во всех государствах Европы и имевших восемнадцать тысяч семьсот шестьдесят служащих. Таким образом, одно движение красно-синего карандаша

управляло поступками восемнадцати тысяч семисот шестидесяти человек, среди которых были короли, президенты республик, министры, владельцы крупнейших трестов, банкиры, начальники генеральных штабов, председатели политических партий, кардиналы и даже злоумышленники.

Конечно, ни один из этих восемнадцати тысяч семисот шестидесяти агентов «Треста Д. Е.» не имел о нем никакого представления и даже не подозревал, что он осуществляет чьи-то коварные замыслы. Различные тресты, общества, партии и союзы, к которым принадлежали эти лица, преследовали как будто совсем иные, вполне благонадежные цели. Они носили самые разнообразные названия, как-то, например: «Лига демократической эмансипации Европы», «О-во друзей евангелия» и т. п., но те же буквы «Д. Е.» стояли на их печатях или бланках, на плакатах и на фасадах домов.

Для того чтобы представить себе, как хорошо была организована деятельность «Треста Д.Е.», достаточно вспомнить па нику, охватившую Европу 19 мая 1927 года. В этот день красно-синий карандаш Енса Боота, недвижимый, как труп, лежал на письменном столе. Объяснялось это крохотной и скорее / приятной катастрофой: Енс Боот с какой-то незнакомой мисс подымался в лифте. Между двадцать седьмым и двадцать восьмым этажами произошла авария. Лифт остановился, электричество в нем погасло. Дом обслуживали семь лифтов, и швейцары, полагая, что в остановившемся нет людей, отнеслись к событию скорее флегматично. Никто не торопился приступить к ремонту. В темноте раздосадованная мисс сказала:

— Я теряю рабочий день. Это четыре доллара. Я предъявлю иск администрации дома на десять долларов. Вы меня поддержите? Енс Боот не отложил поддержку мисс на столь долгий срок.

Протянув руку, он поддержал негодующую особу и даже удержал ее.

Так как в лифте было темно, мы не можем сказать, была ли вполне счастлива американка.

Но время шло, красно-синий карандаш бездействовал, без действовал телефон, и функционирование различных европейских органов было нарушено. На берлинской бирже доллар то падал на сто пунктов, то неслыханно рос. Датский премьер-министр заболел от нервного потрясения, так как ригсдаг в течение часа трижды

проголосовал ему вотум доверия и трижды потребовал отставки кабинета. Сербские полки, сгруппированные у болгарской границы, исполняли фигуры древнего танца кадрили, проникая на вражескую территорию и снова ее очищая, — командуя армией генерал Иованович получил из Белграда шестнадцать депеш, каждая из которых отменяла все предшествующие.

Черная коробка висела между двадцать седьмым и двадцать восьмым этажами.

Енс Боот маленькой расческой оправлял волосы и думал об Европе. Правда, в эти минуты его мысли не были связаны с процветанием треста. Забыв о падающих марках, о кризисе кабинета в Копенгагене и о вторжении сербов в Болгарию, он думал о другой Европе, о нежной красавице, оплетавшей беспомощными ручками толстую шею красноглазого быка.

Мисс пахла чернилами, карболовым мылом и гарью. В Европе цвели анемоны и фиалки. Мадемуазель Люси Фламенго предпочитала всему духи Герлена. Кожа мисс — гусятинная, шершавая, деловая кожа, скребла щеки Енса Боота, как наждачная бумага. Были нежны, очень нежны долины Иль-де-Франса...

Этой сравнительной этнографией занимался в темном лифте Енс Боот, пока рассеянные швейцары не заметили своей оплошности. В коробке вспыхнул свет. Мисс деловито взглянула на часики. Лифт подошел к тридцать второму этажу.

Прощаясь, Енс Боот сказал:

— Вы самая прекрасная женщина Нового Света, Но я археолог и во сне преследую финикийку.

Мисс спокойно ответила:

— Это меня не касается. Кроме рабочего дня, я потеряла невинность, и я предъявляю вам иск на десять тысяч долларов.

Енс Боот, не зная официального курса на указанную добродетель, щедро вознаградил мисс. Выписав чек, он быстро прошел в свой кабинет и взял в руку красно-синий карандаш.

Телефонистки повисли над аппаратами.

Час спустя марка, упав, спокойно лежала: Германию следовало разорить. Датский премьер, торжествуя, закуривал первую за весь тревожный день сигарету: он отказал безработным в пособии, — значит, его надо было поддержать. Сербь, молодежато заломив

шапки, въезжали и пограничный болгарский городок: Енс Боот не был пацифистом.

Так было 18 мая. Но так было и 18 апреля и 18 июня. Так продолжалось изо дня в день.

Какие-то слюнявые философы лопотали «о роковой слепоте» европейских политиков, дельцов, дипломатов и капиталистов. Они были слепы сами, не видя за спиной этих восемнадцати тысяч семисот шестидесяти якобы всемогущих людей тени семнадцати скромных американских организаций, а за спиной семнадцати организаций — красно-синего карандаша директора захудалого «Инженерного треста Детройта».

А Енс Боот не был слеп. Он знал, что он делает. Он нагло солгал в лифте доверчивой мисс. Нет, не во сне, наяву он охотился за прекрасной финикиянкой!

15 именины енса боота

Двадцать четвертого июня 1928 года Енс Боот был именинником, и в этом, конечно, не было ничего особенного. Подобные события случались регулярно раз в год. Когда Енс Боот еще жил с матерью на острове Тесселе, он получал в этот день самое большое яйцо морской птицы. Когда он был гордостью цирка братьев Медрано, старший брат, Гастон Медрано, давал ему в этот день самую звонкую пощечину. Когда он был европейским миллиардером, он покупал себе в этот день самую дорогую пижаму. Именины имеют свою историю и свои традиции, о которых здесь распространяться неуместно.

Но в 1928 году день ангела Енса Боота был отпразднован совершенно по-особому, без яиц, без оплеух и без пижам.

На празднестве не было и самого именинника. Никто из присутствующих не помнил о существовании Енса Боота. Это были очень оригинальные именины.

Двадцать четвертого июня 1928 года, в 3 часа дня, на трибуну французской палаты депутатов взошел новый председатель кабинета, господин Феликс Брандево, Раскрыв свой решительный рот, он воскликнул:

— Довольно!..

И замер. Вслед за ним замерла вся палата. Не будет преувеличением сказать, что вслед за ним замерла вся Франция, более того — вся Европа, ибо, при всей категоричности премьера, его первое слово еще ничего не означало, а от второго зависела судьба сотен миллионов людей.

Пауза между первым и вторым словом длилась долго. Господин Феликс Брандево не спешил говорить. Зато он никогда не медлил с выполнением своих слов. Отнюдь не путем обычных парламентских процедур достиг он своего высокого поста.

Нет, в этом фабриканте жестяных коробок для сардинок текла кровь великого Бонапарте! Накануне именин Енса Боота, то есть 23 июня, он явился с тремя тысячами членов организованного им полутайного союза в палату депутатов. Его не хотели впустить, и он долго препирался с полицейскими. Тогда три тысячи членов союза

миролюбиво показали полицейским, что, несмотря на свой политический консерватизм, они являются сторонниками про гресса и приобщены ко всем последним достижениям военной техники. Депутаты, узнав, в чем дело, спрятались в гардеробной и в буфете, вопя:

— Пустите их! Ради бога, пустите их моментально! Господин Феликс Брандево гордо вошел в зал. Председатель палаты депутатов, которого нашли в углу уборной, немедленно поговорил по телефону с президентом республики, и через полчаса господин Феликс Брандево вышел на площадь премьером. Полицейские вежливо приветствовали его. Три тысячи членов союза, мирно рассевшись в соседних кафе и на столах, пили горько-сладкие аперитивы.

В ночь с 23 на 24 июня депутаты спали плохо, но в часы бессонницы они много и плодотворно думали. К утру большинство из них стало горячо разделять политические воззрения господина Феликса Брандево.

На три часа было созвано собрание палаты для заслушания декларации господина председателя кабинета министров.

— Довольно! — еще раз повторил господин Феликс Брандево и снова замер.

Наконец, сжался над несчастной Европой, в пульсе которой явно чувствовались выпадения и перебои, он выговорил:

— Довольно мира! Депутаты вскочили с мест и неистово зааплодировали.

— Довольно мы щадили Германию! Эта коварная страна сознательно разрушается для того, чтобы не кормить собой нашей трижды дорогой родины. Вспомним ужасы тысяча девятьсот четырнадцатого года. Разве не немцы разрушили Реймский собор?..

Зал охватил предельный экстаз. Депутаты Реймса одновременно плакали и смеялись от глубины чувств.

— Мы сторонники мира, — продолжал премьер, — но мы добьемся своего. Мы применим санкции. В течение ближайшей недели гнездо германского сопротивления, Берлин будет уничтожен.

При этих словах палата разразилась диким ревом, еще небывалым в истории французского парламента. Этот рев был столь громок, что он проник сквозь древние стены дворца Бурбонов на

улицу, дошел до площади Согласия и заставил вздрогнуть древний египетский обелиск.

Депутаты рвались в бой. Они почувствовали себя молодыми, здоровыми, полными галльской доблести и латинского ума.

Впрочем, некоторые злоумышленники, еще снабженные депутатскими полномочиями и сидевшие на левых скамьях, пробовали возражать.

— Господин Феликс Брандево идет пагубной дорогой национального эгоизма, — прокричал самый горластый.

Но палата быстро справилась с ними, не нарушая при этом святости конституции. В три минуты было принято постановление о лишении всех коммунистических депутатов полномочий, после чего преступники были препровождены в тюрьму Санте. Что касается социалистов, то им было дано четверть часа на размышление о своей дальнейшей судьбе. Социалисты с толком использовали это время и приняли две резолюции протеста: одну — против пагубной тактики правительства, другую — против пагубной тактики коммунистов.

Первую резолюцию они оставили для прочтения в семейном кругу, копию отправив в архив, вторую же огласили немедленно, причем умиленный господин Феликс Брандево поцеловал холодевшие от ужаса щеки лидера социалистической фракции.

После этого премьер прошел в буфет и скромно спросил себе стакан лимонада со льдом. Депутаты стали в хвост и по очереди жали его потную руку. Господин Феликс Брандево каждому давал свою визитную карточку с автографом. На бумажнике премьера были выдавлены золотом инициалы победившего союза «Деструксион и Экспансион» — Д. Е.

И депутаты спешили в магазин кожаных изделий «Унион» на рю Риволи, чтобы заказать себе такие же бумажники.

Енс Боот мог быть доволен своими именинами. Но он был далеко — в Берлине — и узнал о торжественном заседании палаты депутатов лишь в 9 часов вечера, выходя из кинематографа, где смотрел комический фильм «Пики хочет стать танцором».

У входа в кинематограф стояла старушка и хрипло выкрикивала:

— Экстраблатт!! Смертный приговор Берлину! Берлинцы читали и зевали. Это были люди, привыкшие ко всему. Прочитав о постановлении палаты депутатов, они го ворили:

— Этот Пики удивительно смешной. Как он ловко падает! Если они до пятницы не уничтожат Берлина, мы пойдем на новую программу «Пики делает предложение».

Енс Боот, взяв газету, улыбнулся:

— Достойный подарок! Действительно, это было вкуснее яйца любой морской птицы и оглушительней самой искусной пощечины. Что касается пижамы, то, как читатели знают, Енс Боот раз и навсегда от казался от этого трогательного одеяния, связанного с интимными минутами его былой жизни.

16 предсмертные слова фараона ферункануна

Последний состав час тому назад отбыл с вокзала Цоо! — методически выкрикивал контролер вокзала Фридрихштрассе, исправный седоусый чиновник. Выкрикивал до тех пор, пока его не раздавила обезумевшая толпа.

Но раздавленный контролер был прав: последний поезд отошел из Берлина 29-го в 2 часа пополудни по направлению к Бреславлю. Еще до его отхода все поезда окружной городской дороги были обращены в дальние. К 5 часам дня ждали возвращения некоторых составов, и поэтому площади перед берлинскими вокзалами были запружены пародом. Иные мечтатели сидели на больших узлах, из которых выпядывали пивные кружки, перины и полные собрания сочинений немецких классиков, как-то: Кернера и Лессинга. Но вскоре выяснилось, что французские летчики повредили все двадцать восемь путей, идущих от Берлина. Площади быстро опустели.

Не только автомобили, но и все телеги были с утра угнаны из города. Под вечер предприимчивый миллионер, герр Фишер, задержавшийся в Берлине по случаю родов супруги, раздобыл где-то поломанный грузовик, в котором развозили не когда рыбу. Герр Фишер с семьей влез в тесный ящик. Но возле Груневальда рабочие остановили грузовик, герра Фишера прикончили, а заодно в сумятице испортили и без того испорченную машину.

Многие решились уйти из Берлина пешком. Шли главным образом на восток и на юг.

Иные идти не могли и, задыхаясь, падали. Какая-то старушка ехала в детской коляске, запряженной козой. Коза упиралась, прыгала во все стороны и под конец забодала хозяйку.

Некоторые нанимали людей, которые тащили их на плечах.

Сигарный фабрикант, герр Вольф, нанял за тысячу долларов четырех носильщиков. Они должны были нести герра Вольфа с супругой, проделывая не менее шести километров в час.

Жилы на шеях носильщиков выразительно прыгали. Герр Вольф, убаюканный качкой, спал невинно, как младенец. Но, проходя мимо

Шпрее, четыре носильщика тихо выпустили из рук свою теплую поклажу, и герр Вольф с супругой встревожили на минуту мутные, сонные воды.

Впрочем, на такие происшествия никто не обращал внимания. Ушедшие еще хотели жить и поэтому спешили. Большинство осталось в городе.

По приблизительному подсчету аргентинского статистика господина Робеса, к вечеру 29 июля в Берлине находилось около двух миллионов шестисот тысяч жителей. Эти люди пережили войну, три революции, голод и нищету. Они не принимали цианистого калия и не кидались в Шпрее. Но если на этом особенно настаивал какой-то господин Феликс Брандево, они были согласны умереть. Это вытекало не из вежливости, а из ограниченности человеческих сил.

Правда, некоторые оптимисты надеялись на чудотворное спасение. По городу ходили утешительные слухи. Одни говорили, что в сорока километрах на запад от Берлина заложены мины, которые взорвут танки; другие, что на окраинах установлены русские противотанковые орудия. Все это было явным вздором. Никто никаких мин не закладывал и орудий не ставил. Только сто восемь юношей образовали «Отряд самообороны», прогуливаясь по Шарлоттенбургу со старыми винтовками и ожидая врага.

В 9 часов вечера какой-то предприимчивый чудаков напечатал экстренный выпуск «Дейче цейтунг», полный сенсационных сообщений:

Париж. Правительство Брандево сегодня утром свергнуто. Парижский Совет рабочих и солдатских депутатов шлет привет трудящимся Берлина.

Вашингтон. Президент США ультимативно потребовал у французского правительства отмены санкций. Общественное мнение Америки против уничтожения Берлина.

Прочитав эти телеграммы, сочиненные на Лейпцигерштрассе, берлинцы ласково ухмылялись. Может быть, одну минуту они и верили в сказанное, но эта минута продолжалась не дольше, чем все минуты, и вера сменялась уверенностью, что Америке нет никакого дела до двух миллионов шестисот тысяч человек, блуждающих по обреченному городу, что господин Феликс Брандево, закручивая усики, по-прежнему повелевает своей взбесившейся страной и что

триста тяжелых танков со стороны Ганновера продвигаются к Берлину.

Под вечер еще происходили политические выступления.

Сто восемь юнцов, разгуливавшие с винтовками по Шарлоттенбургу, восстановили императорскую власть. Они переменяли флаги на каком-то здании. Но никакого императора в городе не оказалось, и жителям было не до флагов. Переворота никто не заметил. Час спустя выступили коммунисты. Они пытались послать радио солдатам, находившимся в танках, о солидарности пролетариата. Кто-то стал сочинять декрет:

«В 24 часа сдать все имеющееся...» По, вспомнив, что Берлину осталось жить не более трех часов, бросил перо и пошел пить киршвассер. К 10 часам вечера абсолютно все перестали интересоваться политикой. Вопрос о том, кому принадлежит в городе власть, не занимал даже закоренелых юристов.

В Берлине царило веселье. Рабочие и служащие, ремесленники и мелкие чиновники ворвались в квартиры шиберов, покинувших город. Они не искали в комодах цепных вещей и не разбивали зеркал. По на столах появлялись давно невиданные яства, рейнвейн, светло-бежевые сигары. Некоторые женщины ударяли о клавиши роялей и плакали. Возможно, что это были радостные слезы.

На Кюрфюрстендамме какой-то фанатичный владелец кабаре, очевидно веривший в свое личное бессмертие, решил нажить уйму денег. Он вывесил огромный плакат:

КАБАРЕ АЛЬКАЗАР
ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР БЕРЛИНА
Спешите все! Еще не поздно!!!

Артистов не было, они все разбежались, включая дрессированных зверей клоуна Дима. Тогда владелец, надев женскую юбочку со стеклярусом, принялся сам исполнять разные номера: он танцевал кау-трот, пел непристойные куплеты, жонглировал тарелками и даже изображал слона, причем сам себя дрессировал не без успеха. Публики было много.

Берлинцы явно хотели в этот вечер отдохнуть и развлечься. Толпа проникала в запертые кинематографы и сама нала живала сеансы. Но так как механики не были специалистами, то получались дикие ускорения или замедления движений.

Поцелуй влюбленных в одном из фильмов длился не менее часа. Но это никого не удивляло. Зрители, понимая, что этот поцелуй безусловно последний, сидя в зале, целовались столь же длительно. В другом фильме прохожие неслись с невиданной быстротой, и, увидев это, все люди, смиренно сидевшие в партере, кинулись на улицу и понеслись, обгоняя друг друга:

ведь им оставалось жить два, самое большее — три часа.

Все рестораны, кафе, пивные, кондитерские были полны.

Лакеи сидели за столиками и пили шампанское. Посетители сами себе подавали. О деньгах никто не вспоминал. По традиции еще играли музыканты.

На улицах бродили люди, опьяненные и мечтательные. Они декламировали стихи и тихо, беззлобно ругались. Веранды кафе в темноте цвели красными и желтыми фонариками. Раздавался сухой жестяной звук поцелуев.

Какой-то безносый урод соблазнил наивную девочку миллиардом марок и плиткой шоколада. Идти было далеко, и, боясь опоздать, они легли в сквере на соседней площади. Подошла собака, обнюхала их и тоскливо завывала. Ее заглушил барабан джаза. Над барабаном плавно качался перезрелый апельсин луны. Знатоки литературы уверяли, что все это на поминает Гофмана.

Время шло, настала полночь. Вдруг весь Берлин зажмурился от нестерпимо яркого света. Гигантские прожекторы въедались в город. Девочка, лежавшая в сквере, бросилась прочь. Старый немец вынес на улицу толстый фолиант — «История Фридриха Великого» — и, надев роговые очки, стал читать вслух. Собака все еще продолжала выть.

В кафе «Прагер диле», угрюмо зевая, вошел новый гость.

Не было ни одного свободного столика. Тогда, вежливо поклонившись седому почтенному господину, сидевшему у окна, он спросил:

— Разрешите? В кафе былолюдно и весело. Какие-то весельчаки принес ли серпантин, и оранжевая паутина опутывала женщин. Но вновь вошедший клиент нетерпеливо глядел на часы и вел себя, как нервный пассажир, ночующий на узловой станции.

Это был Енс Боот.

3000 танков находилось уже в 25 километрах от Берлина.

В одном из танков, раздетые догола вследствие нестерпимой жары, стояли два друга — лейтенант Виктор Брандево, племянник премьера, и младший лейтенант Жан Бланкафар. Танк быстро полз, раздавливая рощицы, пробивая стены старых церквушек, переползая через овраги.

— Жарко, — сказал Виктор Брандево. — Ужасно жарко! Чем не Ницца? А эти голые люди мне напоминают морские купанья. Гляди, мы сейчас пробили большой дом. Вот из дыры торчит детская кроватка и чей-то сапог. Это уж предместья Берлина.

Жан Бланкафар был в хорошем настроении, но сапог и детская кроватка его мало интересовали. Он рассматривал мобилизацию и уничтожение Берлина как отдохновенную прогулку после ежедневных пререканий с ревнивой Люси и опостылевшей ему домашней телятины. Своими соображениями о грядущих уладах он поделился с другом:

— В Кёльне за франк давали четыре миллиона марок.

А говорят, что за десять миллионов в Берлине можно достать самую лучшую девочку. Завтра поработаем? — Но ты забыл, что через час мы уничтожим Берлин вместе со всеми его жителями, — возразил Виктор Брандево.

Прожектор ярко осветил отвесные стены домов, трубы, мосты, водокачки. 3000 танков, разделившись, образовали цепь, которая должна была снести весь город. Виктор Брандево снова заговорил:

— В окне лампа. Знаешь, Жан, мне жутко! Как будто мы долго-долго ехали, не километры прошли, а тысячелетия. Бег с высунутым языком. И вот теперь пустырь, конец, разбитая лампа. Я сейчас особенно остро чувствую время. У меня в груди не сердце, а хронометр.

Но Жан Бланкафар ничего не ответил. Заметив сто восемь мальчиков со старыми винтовками, напавших на неуязвимые чудовища, он приказал пустить в ход пулеметы и расстреливать всех выбегающих на улицы, чтобы спастись.

Уже кварталы Вестенда были обращены в развалины, а в «Прагер диле» веселый чернобровый скрипач еще играл перуанский кау-трот. Почтенный господин, выпив чашку желудевого кофе, сказал Енсу Бооту:

— Я очень расстроен происходящим. Дело в том, что через четверть часа я, по всей вероятности, погибну. Я не успел никому рассказать о своих последних работах. Три года я сидел в своем кабинете. Я ни с кем не встречался. Я даже не знал, что будет еще одна война. Я расшифровывал надписи на могиле фараона Ферункануна, открытой в тысяча девятьсот двадцать пятом году. Только сегодня мне окончательно удалось удостовериться в том, что последняя строка гласит:

«И в конце пребывает начало».

Это — последние слова фараона Ферункануна, жившего в двенадцатом веке до рождества Христова, то есть три тысячи триста лет тому назад. Но я открыл это слишком поздно. Кажется, почта уже не действует. Я сейчас погибну, и никто не узнает о том, что сказал Ферунканун, умирая.

В это время раздался страшный грохот падающих домов.

Два танка, скинув все строения Кайзералле, продвигались к Прагерпляц. Кау-трот оборвался. На пол полетели стаканы.

Часть посетителей, давя друг друга, кинулась к выходу. Другие, парализованные ужасом, продолжали чинно сидеть на мягких диванах.

Почтенный египтолог, сохраняя полное спокойствие, обратился к Енсу Бооту:

— Несмотря на ваши пренебрежительные отзывы о моей работе, я все же решаюсь обратиться к вам с просьбой. Если я погибну, а вы уцелеете, возьмите в моем бумажнике листок с точным переводом надписи на гробнице фараона Ферункануна и перешлите его моей дочери фрейлейн Эльзе Кригер в Нюрнберг, Мюнхенерштрассе, 11. Она сообщит о моем открытии иностранным ученым. Сделайте это ради блага человечества.

Енс Боот иронически усмехнулся, но все же кивком головы выразил согласие.

Дико кричала упавшая на пол женщина. Еще минута, и все завертелось в каменном вихре. Енс Боот и египтолог свалились.

Танк, победно шевеля усиками орудий, прошествовал дальше.

Но ни Енс Боот, ни его ученый собеседник, господин Кригер, не были убиты; оправившись от сотрясения, они встали.

Енс Боот тщательно стряхнул известковую пыль с пиджака и закурил сигарету. Кругом были камни и трупы. Выбрав шись из-под обломков, они увидели еще несколько обезумевших людей, прыгавших с камня на камень. Среди них был содержатель кабаре «Альказар» в юбочке, сверкавшей стеклярусом.

Взяв друг друга под руки, Енс Боот и господин Кригер пытались идти. Енс Боот твердо знал, что он не умрет, ведь «Трест Д. Е.» только приступил к работе. Глядя на золотую пыль звезд, он думал о письмах, которые должен завтра переслать в Париж.

На них надвигался один из танков.

Господин Кригер сказал Енсу Бооту:

— Неужели вы не понимаете, кому нужна надпись на могиле фараона Ферункануна? Мне, вам, этому человеку в юбке, солдатам, сидящим в танке, всем, абсолютно всем! Я вижу черный длинный коридор тысячелетий. Он позади. Вы помни те слова фараона: «Ив конце пребывает...» Господин Кригер не закончил утешительного афоризма фараона Ферункануна. Он упал, пробитый пулей, вылетевшей из узкой плотки пулемета, В танке стоял Виктор Брандево и пустыми стеклянными глазами глядел в черный длинный коридор тысячелетий.

17 когда цветет миндаль

Как явствует из предыдущего, Енсу Бооту не было никакого дела до афоризмов фараона восемнадцатой династии. Но наш герой отличался щепетильной честностью: обещанное он выполнял.

Был прекрасный летний день. По отрадным лужайкам долины Шпрее, где еще недавно берлинцы отдыхали от столичной суматохи, неслись простоволосые женщины и мужчины со взлетающими на ветру галстуками. Неслись, испуская громкие вопли, оставляя клочки платьев на колючках кустарников, приседая, падая, неслись, как несутся звери джунглей от лесного пожара. Эти несчастные были счастливыми, не раз давленными танками и не убитыми пулями.

Приблизительно восемь тысяч берлинцев спаслись от первой санкции господина Феликса Брандево.

Среди них с небольшим потертым портфелем спокойно шагал Енс Боот. Он умел держать свое слово. Ведь он не только обещал мистерам Джебсу, Хардайлю и Твайвту уничтожить Европу, но вчера на просьбу покойного господина Кригера вручить фрейлейн Эльзе листок с известными мыслями фараона ответил кивком головы.

Конечно, кивнуть головой было много легче, нежели пробраться в Нюрнберг по охваченной ужасом Германии, но Енс Боот, как солидная фирма, не останавливался ни перед какими затратами.

Дойдя к полудню до местечка Биттерфельд, он взял прислоненную к сигарной лавке мотоциклетку, к сожалению не успев переговорить с ее владельцем, и поехал по направлению к югу.

Странное зрелище представляла в те дни Германия. Французские летчики, скидывая бомбы, уже уничтожили ряд городов, как-то: Штутгарт, Дрезден, Бреславль и другие, помимо этого, повредив железнодорожные пути, они совершенно прекратили движение поездов. Уцелевшие города, отрезанные друг от друга, жили каждый своей особой жизнью, вернее, го товились к смерти каждый на свой лад.

Когда Енс Боот попал в Лейпциг, город был охвачен гражданской войной. Хотя центральное правительство погибло в Берлине, раздавленное танком, лейпцигские социалисты все еще стояли за

сохранение его власти. Лейпцигские коммунисты выступили против и требовали всегерманского съезда завкомов. Бой длился весь день. К вечеру коммунисты взяли верх.

На следующее утро были назначены торжественные похороны жертв революции. Впрочем, около двух часов пополуночи Лейпциг был уничтожен французами.

Из Лейпцига Енс Боот попал в Галле. Там, напротив, царило полное спокойствие. Приток беженцев из разрушенных городов оживил коммерцию. Все кондитерские были переполнены, и высочайшие баумкухены, подобные вековым дубам, поглощались в несколько минут. Городской совет обсуждал новый налог на собак. Оркестр в общественном саду исполнял попури из опер Мейербера, в 9 часов вечера горничные вы водили четыре тысячи такс, платящих налог, на весьма необ ходимую прогулку. В нахтлокале танцевали две сорокалетние красавицы, сестры Эмили и Минна Лейзер, совершенно голые.

Они приветливо улыбались и пахли потом. Галле был тоже уничтожен в ночь с 1-го на 2 июля.

По стране бродили «дружины национальной самообороны». — инвалиды или школьники. Не находя врага, они стреляли из заржавленных винтовок образца 1914 года в небо.

Испуганные женщины, падая на колени, умоляли дружинников:

Не раздражайте его! Ведь там... ведь там... господин Фоликс Брандево.

Сумасшедших женщин, бродивших по полям, было много.

Мужчин тоже. Они ели репу. Некоторые читали библию, потому что газеты, конечно, не выходили.

Добравшись до Банмберга, Енс Боот обрадовался. Во-первых, ему удалось переслать несколько деловых писем в Париж, и Варшаву и в Бухарест. Во-вторых, он увидел настоящий поезд, и этот поезд шел именно туда, куда собирался идти сломавший свою мотоциклетку Енс Боот. Жители Бамберга были настроены оптимистически и уверяли, что в Нюрнберге царит идиллическое спокойствие.

Енс Боот сел в вагон-ресторан, заказал шницель и стал мечтать. Он вспоминал давние годы, когда, не думая о «Тресте Д.Е.», ОН ездил по Европе, изучая пейзажи и быт различных стран. У него была тогда

лиловая пижама. Интересно, доволен ли г. Жан Бланкафар своей великолепной супругой?..

Так думал Енс Боот и кушал шницель по-венски. Показались готические башни нюрнбергских церквей. Енс Боот любил этот город и, несмотря на свой пост директора «Треста Д. Е.», обрадовался тому, что бамбергцы оказались нравы.

Французы еще не успели разрушить Нюрнберг. Он сможет побродить по его древним улицам и передать фрейлейн Эльзе Кригер поклон от ее покойного отца.

Выло свежее ясное утро. Ночью шел дождь, и поэтому с особой четкостью на голубом небе вырисовывались трубы за водов, шпицы церквей, острые фасады домов.

На платформе было совершенно пусто. Пассажиры не могли найти ни одного носильщика. На скамье сидел помощник начальника станции. Он, очевидно, так крепко спал, что не услышал даже грохота поезда. Любя порядок, Енс Боот подошел к нему, положил руку на плечо и закричал:

Уважаемый господин помощник, проснитесь!..

Но господин помощник не мог выполнить вполне законного желания Енса Боота.

Увидав это и с минуту подумав о чем-то, все пассажиры дружно ринулись в только что покинутые вагоны. Очевидно, город Нюрнберг не имел среди них никакого успеха. Раздался торопливый свисток, и поезд двинулся назад, в Бамберг.

Но поезд ушел из Бамберга в 7 часов утра, а вернулся туда в 11. Четыре часа — немалый промежуток времени. Бамберга не оказалось. Долго поезд ходил по тому же пути, наконец он стал среди поля. Из вагона второго класса вышел толстый баварец в тирольской шляпе, съел последний бутерброд и заплакал.

Когда все пассажиры спешно уехали из Нюрнберга в Бамберг, на перроне остался один человек, если не считать помощника начальника станции (а его считать не следует). Это был Енс Боот. Ведь он обещал передать листок господина Кригера фрейлейн Эльзе.

В 9 часов вечера, накануне прибытия Енса Боота в Нюрнберг, Эльза Кригер стояла на балконе маленького домика номер одиннадцать по Мюнхенерштрассе и улыбалась. На балконе цвела герань. Над балконом горели звезды и пели сладкоголосые колокола

нюрнбергских церквей. Но не поэтому улыбалась Эльза. Рядом с ней стоял приказчик игрушечного магазина, неизвестный еще миру молодой поэт Ганс Мюллер.

Улыбка очень шла белокурой крутолобой Эльзе, и в такие минуты ее лицо походило на швабскую Венеру, изображенную каким-нибудь нюрнбергским мастером XV века. Эльза улыбалась Гансу, и Ганс улыбался Эльзе.

Нам трудно представить себе нравы погибшей Европы. Как могли молодые люди, вместо работы, спорта или, наконец, сна, проводить часы, бессмысленно друг другу улыбаясь, — для нас это остается загадкой. Подобные явления, очевидно, нужно отнести к упомянутому нами психическому заболеванию, называвшемуся «любовью».

Эльза сказала Гансу:

— Соседи болтали, будто Берлин уничтожен. Значит, и мы погибнем?..

— Да, Эльза. Мы тоже обязательно погибнем. Но я люблю вас, Эльза!..

И он опустил глаза. Эльза тоже опустила глаза. И они стояли молча. Звезды горели. Пели колокола.

Эльза взяла маленькую лейку и обрызгала легкой росой герань. Тогда Ганс стал читать ей свое последнее стихотворение:

...И в гуле губ такое замедленье,
Что, если пылью разлетится
сталь, Останутся беда и дуновенье,
Тяжелый камень, розовый
миндаль...

Но он не кончил, ибо его губы очутились слишком близко от розовых губ швабской Венеры. Поцелуй был длителен...

Закинув голову назад, глядя на звезды, Эльза прошептала:

— Это совсем как ваши стихи. И слышите — трещат цикады...

Действительно, все небо наполнилось легким серебряным гудением. Они еще раз поцеловались. Не выпуская Эльзу из объятий, Ганс ответил:

Да, но южная ночь. И ты слышишь — цветет миндаль.

Это не было поэтической иллюзией. Эльза тоже услышала запах горьких миндалин.

Эльза, ты слышишь?..

Но Эльза не ответила. Она не могла ответить. И Ганс не мог повторить вопроса.

Это было около 10 часов вечера. А в 9 часов утра Енс Боот вышел из вокзала и отправился разыскивать Мюнхенерштрассе.

Он зашел в кафе напротив вокзала. Посетители сидели в креслах, чрезмерно развалившись. Некоторые лежали на полу.

Недопитые кружки пива золотились и лучах солнца. Казалось, что это утро после попойки и что кругом уснувшие пьяницы.

Но Енс Боот, который недавно стоял слишком близко от господина помощника, не стал пытаться разбудить посетителей кафе. Он вышел.

На площади он нашел автомобиль и, сев рядом с неподвижным шофером, поехал. Было невыразимо благостно и тихо.

Радостно сияла красная черепица домов.

Иногда Енс Боот останавливал машину и входил в дома.

На фабрике игрушек, среди недоделанных кукол, отдыхали рабочие. Это была ночная смена. Один целовался с плюшевым медвежонком.

В чьей-то спальне спали супруги: муж в колпаке с кисточкой, жена в чепчике. Часы на ночном столике шли и показывали 9 часов 40 минут.

В игорном притоне девять человек сидели вокруг стола, уронив головы на зелень сукна. Пачки ассигнаций заверяли, что брюнету очень везло. Он только что девяткой сорвал банк.

Через час Енс Боот отыскал Мюнхенерштрассе. Подъехав к номеру одиннадцатому, он увидел двух влюбленных, все еще обнимавших друг друга. Они висели на решетке балкона. Но почерневшее лицо Эльзы больше не напоминало Венеру, а Ганс высовывал мясистый, темно-фиолетовый язык.

Енс Боот не мог выполнить просьбы господина Кригера.

Он опоздал ровно на двенадцать часов. В 10 часов вечера шестьсот французских летчиков скинули на Нюрнберг бомбы, и фрейлейн Эльза Кригер разделила участь четырехсот двадцати тысяч жителей, погибших в течение двух минут.

Город был пуст, вернее, он был набит почерневшими, скрюченными, начинающими быстро разлагаться трупами.

Июльское солнце уже припекало, и от запаха у Енса Боота захватывало дух. Он поспешил выбраться из города.

Вдруг на одной из улиц он увидел живого человека. Это был не призрак, но самый обыкновенный человек, куривший трубку. Поравнявшись с Енсом Боотом, человек снял кожаный картуз и наивно поделился своими впечатлениями:

— Хорошенькая история! Вы только представьте себе.

Я работал, и никаких. Я рабочий по канализации. Ремесло не из приятных. Главное — вонь. Но ничего — привыкаешь. Так вот, я работал, утром вылезая и... ни одного человека! Даже подрядчик, который должен был со мной рассчитаться, и тот умер. Глупейшее положение! Канализация теперь, очевидно, никому не нужна. Я остался без работы.

— Вы веселый человек, — ответил ему Енс Боот. — Вам не зачем оставаться в Европе. Я дам вам поручение в Америку.

Вы отвезете письмо мистеру Твайвту в Чикаго и будете там работать по своей специальности. На дорогу вы получите тысячу долларов.

Человек снял картуз, надел его и снова снял: он был согласен.

Енс Боот писал мистеру Твайвту:

«Я посылаю вам лист с точным переводом предсмертных размышлений некоего фараона Ферункануна. Переводчик, господин Кригер, скончался 28 июня с. г. во время тяжелых инцидентов, имевших место в Берлине, Что касается фараона, то он умер три тысячи триста лет тому назад. Я посылаю это вам как самому живому человеку нашей эпохи.

Сегодня я осматривал город Нюрнберг. Много любопытного и поучительного. Видел на балконе влюбленных, которые про должают обнимать друг друга в мертвом виде.

Я здоров, бодр и работаю неустанно».

Месяц спустя мистер Твайвт, прочитав это письмо, подумал: фараон, умерший три тысячи триста лет тому назад, не так глуп, как это кажется. Конец одного предприятия всегда обозначает рождение другого.

Мистер Твайвт записал в своем блокноте:

Сделать:

1. Развить мысль фараона.
2. Помолиться о господине Кригере.

Потом, задумавшись слегка, приписал:

3. Мертвых влюбленных осудить и забыть.

18 «даешь европу»

В номере газеты «Дейли мейль» от 31 декабря 1930 года был напечатан обзор наиболее важных событий, случившихся в истекшем году.

1. Германия окончательно перестала существовать. Из пятидесяти пяти миллионов жителей уцелели не более ста тысяч.

От Рейна до Одера образовалась огромная пустыня, по которой бродят шайки бандитов.

Сообщение между Западной и Восточной Европой происходит по линии Париж — Базель — Вена — Варшава — Москва.

2. Господин Жан Бланкафар, благодаря дружбе с племянником премьера, сильно разбогател и подарил своей супруге, г-же Люси Бланкафар, урожденной Фламенго, дворец в Венеции, принадлежавший раньше маркизу Фермучино, со всем живым и мертвым инвентарем, то есть с красавцем гондольером, с мандолинистами, с картинами Веронезе и с хорошим постельным бельем.

3. В Цюрихе состоялся "Международный конгресс рабочих организаций для предотвращения окончательной гибели Европы". Была принята торжественная резолюция протеста. Немецкий делегат, товарищ Гринбах, предложил более энергичные меры, но предложение это было отвергнуто: английские рабочие, благодаря уничтожению Германии и расцвету английской промышленности, находились в слишком добродушном настроении, а французские, будучи поголовно мобилизованными, не могли по конституционным законам принимать какое-либо участие в политической борьбе. Что касается товарища Гринбаха, то он, к сожалению, никого не представлял, помимо себя, ибо, как уже было сказано, Германии к этому времени не существовало. Русские делегаты голосовали против предложения товарища Гринбаха, находя его недостаточно решительным. Впрочем, конгресс закончился, как всегда, пением «Интернационала».

4. Енс Боот, восхищенный деятельностью господина Феликса Брандево, подарил ему бронзовое пресс-папье, представляющее

точную копию гробницы фараона Ферункануна.

5. Английский премьер, сэр Бредвай, заявил на большом банкете, данном ему «Лигой демократической эмансипации Европы», что единственной угрозой европейскому миру является Россия.

6. Улов сардинок во Франции в 1930 году сильно пал, и господин Феликс Брандево отнюдь не жалеет о том, что три года тому назад ему вздумалось зайти без особого приглашения в палату депутатов.

7. Во время рождественских праздников Варшава и Бухарест чествовали представителей «О-ва распространения французской культуры». Были даны парадные спектакли. Поляки танцевали мазурку. Румыны играли на гитарах. Французы аплодировали и ужинали.

Новогодний номер «Дейли мейль» заканчивался радостным аккордом:

«Несмотря на некоторые затруднения, Европа идет быстрыми шагами к возрождению. Итак, с Новым годом, дорогие читатели».

Новогодний номер «Дейли мейль» был аккуратно доставлен подписчикам 31 декабря 1930 года около 7 часов вечера.

В это время Енс Боот прогуливался по снежным улицам Москвы. Он был в праздничном настроении и в ответ на любезное пожелание далеких редакторов «Дейли мейль» готов был закричать:

— С Новым годом! С новым счастьем! Москва готовилась к встрече Нового года. И Москва тоже была в праздничном настроении. На это имелись свои причины. Крупные административные и финансовые перемены, осуществленные в минувшем году, способствовали развитию русской промышленности. Редкостный урожай окончательно заплатал дыры прошлых лет.

Правда, гибель Германии являлась серьезным ущербом для хозяйства Республики. Но к 1930 году Россия стала все чаще оглядываться на восток.

Самой богатой и могучей частью России являлась Сибирь.

Благодаря энергии сибиряков, этот край, еще двадцать лет тому назад служивший местом ссылки, как суровый и безлюдный, затмил Канаду. Иркутск и Чита могли потягаться с хорошими американскими городами. Что касается Владивостока, то уже тогда можно было с уверенностью сказать, что лет через двадцать он станет соперником Сан-Франциско, Собственно говоря, Россия начиналась с Волги.

Москва представляла собой странный пример: огромный, густо населенный центр, столица всей Республики, она вместе с тем являлась почти пограничным городом, ибо на запад от нее находились разоренные и малонаселенные области.

По все же Москва была еще столицей. Магазины кичились товарами, школы — профессорами, рестораны — винами. Новый год сулил всем счастье и удачу.

Поговаривали даже о восстановлении разрушенных западных областей.

Только некоторые пессимисты, слишком хорошо помнившие 1920 и 1925 годы, косились на западных соседей. Эксперимент, произведенный господином Феликсом Брандево над Германией, казался им весьма поучительным. Но на то они и были пессимистами.

Население оставалось спокойным: западные границы России хорошо охранялись. К тому же совсем недавно, а именно во время приема делегации «О-ва распространения французской культуры», премьеры — польский, господни Тшетешевский, и румынский, господин Грохотеску, — заявили о своих миролюбивых намерениях.

Итак, Москва имела все основания встречать спокойно Новый год.

В правлении рыбного треста гражданин Ильин просматривал отчет и баланс. Он курил черную манильскую сигару, и его легко было бы спутать со стальным королем Америки, мистером Джебсом. К сожалению, у гражданина Ильина еще не было вращающегося табурета. Но это являлось единственным минусом. Как мистер Джебс, гражданин Ильин жил по секундной стрелке своих часов, думал исключительно цифрами — миллионами тонн рыбы или миллиардами рублей, засыпая, махал руками и ногами, ибо ему казалось, что он идет на заседание правления треста, а во сне подписывал чудовищный счет, требуя у главнеба оплаты сметы главводы на содержание трильона килограммов вяленой главрыбы. Последнее являлось, конечно, сном, в действительности же гражданин Ильин был образцом практичности.

Проглядев отчет и баланс, он удовлетворенно улыбнулся:

— Прекрасный год, а во Франции сдохли все сардинки.

Наглядное сопоставление! Вслед за этим гражданин Ильин распределил ночь: с 11 часов 30 минут до 11 часов 59 — два

бифштекса и парфэ, в 12 часов — встреча, с 12 часов 01 до 12 часов 14 — тосты, с 12 часов 15 до 12 часов 30 — отдых и кофе, с 12 часов 30 до 12 часов 42 — в автомобиле Петровка — Арбат, с 12 часов 43 до часу — ласки девушки. Далее — сон.

И так как часы показывали уже 11 часов 23 минуты, гражданин Ильин скатился вниз. Какая-то старушка, семенившая мимо подъезда, испуганно перекрестилась.

— Чуть не зашиб, прости господи! Мериканец! Гражданин Ильин вовремя прибыл в ресторан «Эксцентрик». Туда собрались заправила всех трестов Москвы. Они деловито ели по три-четыре бифштекса каждый, пренебрегая соусами. Только в питье сказывались еще традиции дряхлой Европы — все считали своим долгом пить шампанское, фыркая и отплеываясь, потому что в душе они предпочитали хороший неразбавленный спирт.

Всех превзошел гражданин Хапьян. Он съел восемь бифштексов, выпил пять бутылок шампанского и подрядил на вывоз одиннадцать разномастных девиц.

Вставай, проклятьем заклеянный, Весь мир голодных и рабов.

«Интернационал» пели бунтари, мечтатели и аскеты, собравшиеся в помещении Коминтерна на товарищескую вечеринку. Делегат Германской коммунистической партии, товарищ Гекель, произнес речь:

— Безумие умирающей буржуазии и нерешительность вождей пролетариата уже погубили Германию. Но это пиррова победа империализма. Мы можем со спокойной уверенностью плядеть в грядущее. На международном конгрессе в Женеве паша резолюция получила одну шестую всех голосов.

Мало помалу пролетариат освобождается от иллюзий...

Все присутствующие подняли стаканы с пивом и чокнулись. Товарищ Лоранс, председатель Французской компартии, долго жал руку товарищу Гекелю, решительно говоря:

Рано или поздно, но во Франции произойдет революция.

(Как читатели увидят впоследствии, он был вполне прав, и мы назвали бы его пророком, если бы не сознание, что рано или поздно все случается в жизни.) Тусф Боота не было ни на вечеринке Коминтерна, ни в ресторане "Эксцентрик".

В маленькой кооперативной чайной на Шаболовке сидел полотер Чуг, бывший красноармеец армии Буденного, и прихлебывал из чайной чашки какой-то прозрачный и достаточно призрачный напиток. К нему подошел человек в кожаной куртке В сказал:

Не узнаешь? Вместе белых били. Давненько. Лет две- надцать тому назад.

Чуг не обладал хорошей памятью, но собутыльнику сердечно обрадовался и спросил еще самогона.

Председатель «Треста Д. Е.» решил тряхнуть стариной.

В Москве он почувствовал себя юношей, наводившим орудия на Кремль и мечтавшим о том, что Европу можно спасти этими невинными снарядами.

Поэтому Новый год он встречал в чайной на Шаболовке с полотером Чугом. Выпив третью чашку, Чуг сказал:

— Так ты говоришь, с тобой деникинцев били? Так! А еще я французов бил под Одессой... А еще поляков... «Даешь Вар шаву!» Енс Боот томно вздохнул и сказал:

— Ну, а теперь как живешь? — Теперь? Ничего — разворачиваемся.

Истинного значения этого глагола Енсу Бооту узнать не удалось, ибо раздавшийся оглушительный грохот прервал их мирную беседу.

Не разлучаясь, они выбежали на улицу, — Склады взорвались! — Врешь, это салют в честь конгресса! — Учебная стрельба! — Батюшки, говорят, поляки прилетели! В толпе говорили разное. Но, дойдя до Москвы-реки, Енс Боот и Чуг увидели вместо 4-й фабрики текстильного треста груды развалин. Каменный мост был также поврежден. Вся Москва, четверть часа тому назад безмятежно встречавшая Новый год, в ужасе металась по улицам. Споров больше не было: всем стало ясно, что это налет вражеских самолетов.

Раздались второй и третий взрывы. Была уничтожена электрическая станция, и город погрузился во тьму. Начальник штаба Республики спокойно отдавал приказы. Он был убежден, что через несколько минут советская авиация прогонит польские аппараты.

Взрывы продолжались. Красная Пресня перестала существовать. Из Главвозфлота сообщили, что летчикам не удалось обнаружить врага. Петровский, недоуменно щуря глаза, глядел в окошко. Взрывы раздавались теперь на юге — это гибло Замоскворечье.

Вбежавший комиссар артиллерийских курсов Лукьянов закричал:
— Это не самолеты. Это артиллерийский обстрел.

— Вы что, рехнулись? Обстрел! Откуда? Этого никто не знал. Еще удалось запросить Смоленск и Брянск. Оттуда ответили: все спокойно, никаких банд. С Брянском говорил Петровский. Говорил в 2 часа 26 минут. Через три минуты он погиб.

Так как взрывы происходили с интервалами, большей части населения удалось выбраться из города. Все дачные местности по Казанской и Нижегородской железной дороге были полны народа.

Утром Енс Боот и Чуг, оставшиеся в беде неразлучными, грелись у костра на станции Быково. Взрывы еще продолжались, хотя Москва представляла собой огромный пустырь, заваленный камнями.

Причин катастрофы никто не знал. Старушка, чудом спасшаяся, лопотала, разумеется, о чуде: Москва погибла в нака зание за кончину последнего иерея, последовавшую в городе Коврове.

Какой-то ученый рабфаковец вопил:

— Это нитроатомные бомбы. Радиоактивный распад. Двадцать лет тому назад об этом писал Уэллс.

Вопил он так рьяно, что старушка молила:

— Да уймите же его, голубчика. Сил нет. Хуже бомбы.

Другой, просто дурак, кратко сказал:

— Подкоп.

Чуг спросил Енса Боота:

— А ты что скажешь? Но Енс Боот пил чай и ничего не сказал. Взрывы к вечеру возобновились. Они продвигались туда же, куда и люди, то есть к востоку. Беженцы тонули в сугробах, избегая больших дорог.

Приблизительно две трети погибли, остальные добрали до Волги.

Уцелевшие члены Совнаркома перебрались в Нижний Новгород, который был объявлен временной столицей Республики.

Удалось наладить связь с некоторыми городами. Выяснилось, Петербург, Киев и Одесса погибли. Сибирь настаивала на переезде правительства и Читы. Собрался Реввоенсовет, обсуждавший меры обороны, но обороняться было невозможно, ибо не было ни войны, ни врага.

Линия взрывов быстро приближалась. 6 января был разрушен Харьков, 8-го — Рязань и Владимир.

Черт побери! Что делать? — прохрипел председатель Реввоенсовета.

Ему никто не ответил. Енс Боот и Чуг не спешили. Они последними покидали гибнущие места.

— Что делать? — сказал Чуг Енсу Бооту, выбираясь из мертвой Рязани.

Ответа также не последовало.

В это время председатель польского кабинета, господин Тшетешевский, принимал лидеров политических фракций сейма.

— Я должен сделать вам радостное, но совершенно конфиденциальное сообщение. В сентябре месяце прошлого года мы, а также и союзное румынское правительство, получили от нашей могущественной союзницы-покровительницы Франции предложение уничтожить Россию, которая являлась единственной черной точкой на светлом европейском горизонте. Мы ответили, разумеется, согласием.

В декабре под флагом «О-ва распространения французской культуры» к нам прибыла военная миссия. Она привезла нам двадцать восемь метательных орудий системы «Центрифуга Дивуар Эксельзиор». Эти метатели были изобретены в тысяча девятьсот двадцать восьмом году французским инженером господином Дивуаром и в честь его получили названное имя. Работы над ними совершались в абсолютной тайне, и в прошлом году военный суд города Дижона приговорил к расстрелу одного рабочего, хваставшегося, что на заводе строят необыкновенные круглые пушки. Перевоз орудий также удалось произвести незаметно. Двадцать восьмого декабря была закончена установка центрифуг в разных пунктах нашего государства и в Румынии. В час пополудни первого января мы приступили к работе.

Вы легко поймете причины, по которым я не могу вам описать детально устройства этих метательных установок.

Итак, первого января мы приступили к осуществлению на шего плана, и ныне я могу сообщить вам отрадные новости:

господа, Москвы, Петербурга, Киева и других гнезд насильников больше не существует! Россия погибла.

Все лидеры патриотических фракций сейма от умиления прослезились и трижды пропели: «Еще Польша не сгинела!..» А

бывший полотер Чуг, вместо того чтобы натирать воском полы, брел по развалинам рязанских домов и спрашивал Енса Боота:

— Что ж делать? Вдруг он увидел нечто странное и похожее на огромную чугунную чечевицу.

— Вот так штука, — недоуменно сказал Чуг и уставился на Енса Боота.

Директор «Треста Д. Е.» был сообразительным мужчиной и, тщательно оглядев чечевицу, сказал:

— Это неразорвавшийся снаряд. Вот такими штуками уничтожена Москва.

Это очень заинтересовало Чуга, и он провел над снарядом не менее часа, всячески изучая его. Изучать было, собственно говоря, нечего, кроме марки «Д. Е.», указывающей, что этот снаряд приготовлен для центрифуги «Дивуар Эксельзиор».

— «Д. Е.», а это-то что означает? — поллюбопытствовал Чуг.

Как легко поймут читатели истории «Треста Д. Е.», это могло означать очень многое, и Енс Боот вместо ответа только усмехнулся.

Чуг должен был сам расшифровать странные инициалы и опознать, таким образом, коварного врага. Что ж! Он это и сделал, хитроумный полотер, не зря в свое время бывший поля ков и французов.

— Ты знаешь, что здесь сказано? — крикнул он. — «Д. Е.» — даешь Европу.

— Bravo, — отозвался в восторге Енс Боот. — Тонко подмечено.

Но Чугу было не до французских комплиментов. Он бежал и кричал:

— Товарищи, ворочай оглобли. Идем бить их! мать!.. Даешь Европу!..

За ним бежал директор «Треста Д. Е.», Енс Боот, и тонким голоском, как молодой петушок, кричал:

Даешь Европу! Беженцы останавливались, с минуту нерешительно моргали глазами, а потом поворачивали на запад. К вечеру уже не менее трехсот тысяч человек шло навстречу незримому врагу. Слух о походе дошел до Поволжья Оттуда снялись миллионы. Люди шли с юга и с севера.

Шестого января Совнарком объявил войну. С кем Республика воюет, официально оставалось неизвестным, в декрете значилось

туманно — «С империалистическими хищниками». Но вся Россия, которая гневной лавиной неслась на запад, хорошо знала, кто ее враг, и вся Россия, проходя по разрушенным городам, уже занесенным январским снегом, кричала:

— Эй! Эй! Да-есть Европу!..

Шла Красная армия, и шли школьники первой ступени. Шли очкастые марксисты и татары в тюбетейках. Шли бабы, старики, ребята. У красноармейцев были пулеметы. Некоторые крестьяне тащили с собой старые винтовки. Большинство было вооружено дубинами. Общая численность этой необычайной армии достигала двадцати восьми миллионов человек.

Поляки и румыны не дремали. Над ордами людей день и ночь кружили самолеты, скидывая бомбы. Центрифуги энергично работали. Были пущены в ход и удушливые газы. Из двадцати восьми миллионов человек больше половины, а именно шестнадцать миллионов, погибло, не дойдя до границы Республики. Но уцелевшие шли вперед, и никакие центрифуги оста новить их уже не могли.

Впереди всех шли полотер Чуг и Енс Боот. Они вопили:

— Даешь Европу! Это было уже возле Брест-Литовска.

Позади всех ковыляла старушка и тихонько гнусавила:

— Даешь Европу! Она еще не дошла до развалин Москвы.

Енс Боот был охвачен подлинным экстазом. Он даже забыл о своем «Тресте». Он кричал: «Даешь Европу». Это было трубным звуком охотника. Вместе с миллионами очумевших людей он шел выгонять из норы рыжую лисицу, прекрасную финикиянку, злую Европу, незабвенную мадам Люси Бланкафар, урожденную мадемуазель Фламенго.

— Даешь Европу! Двенадцать миллионов прорвали все преграды. Они ворвались в Польшу и Румынию. Они уничтожили центрифуги «Дивуар Эксельзиор».

1 января погибла Москва.

17 февраля была взята Варшава.

24 февраля пал Бухарест.

26 февраля господин Феликс Брандево разговаривал по прямому проводу с военным атташе, капитаном Лебазом, находившимся в Кракове.

— Русские подходят к германской пустыне, — сказал капитан Лебаз. — Они кричат нечто странное: «Даешь Европу», — и не боятся ничего, вы меня слышите, абсолютно ничего. Двадцать восемь центрифуг погибло. Они хотят пройти пустыню и ворваться во Францию.

Отойдя от аппарата, господин Феликс Брандево вызвал лучшего знатока русской литературы академика Делена.

— Как перевести «Даешь Европу»? — спросил г-н Феликс Брандево.

— Это непереводимо, — ответил академик. — Это неблагозвучно, это невежливо и, главное, это очень неприятно. Я вам желаю, дорогой министр, никогда не услышать этих слов.

Господин Феликс Брандево пощупал сердце под манишкой.

Оно билось весьма своеобразно. Справиться с Россией было значительно труднее, нежели с палатой депутатов.

— Позвать начальника седьмого секретного отдела военного министра, — прошептал он секретарю. — Позовите скорей! Не то... Не то...

19 «ВОТ ТАК ПУДРА»

В старом кабачке Кракова «Приятная встреча» Енс Боот и Чуг пили совместно третью бутылку токайского. Вино было отменного качества, но Чуг со слезами вспоминал родную самогонку:

Вот у нас в Тамбовской гнали...

Енс Боот не спорил, Енс Боот был весел, добр. Как невинный младенец, он улыбался миру. Директор «Треста Д.Е.» стал обыкновенным красноармейцем. Стал, не тая никаких задних мыслей, честно и просто. Да иначе и быть не могло. Наш герой отличался редкой впечатлительностью. Увлекаясь чем-нибудь: цирковыми трюками, революцией или игрой на бирже — безразлично, он увлекался до конца, пренебрегая благоразумием.

Он никогда не отрекался от своей цели, ибо цель эта была сильнее его. Все дороги вели к пей. Теперь, будя средневековый, напыщенный сон Кракова диким рыком «Даешь Европу», он делал то же самое дело, что и несколько лет тому назад, сидя в своем бюро на тридцать втором этаже небольшого небоскреба.

(Взять женщину иногда не так-то просто. Однажды и всемогущему Зевсу пришлось превратиться в быка.) Енс Боот, идя в первых рядах российской армии, хотел взять Европу. Его сердце, нетерпеливое сердце сына монашеского принца, билось согласно с двенадцатью миллионами сердец. Это были прекрасные недели. И Чуг был прекрасным товарищем.

И стоило ли спорить о том, что лучше: токайское вино или тамбовская самогонка? Друзья спросили четвертую бутылку. На следующее утро авангард гигантской армии выступил дальше: в Чехию и в германскую пустыню.

В Париже закрылись все лучшие рестораны, ибо клиенты потеряли аппетит.

Чуг сносил свои сапоги. Он обыскал все магазины Кракова.

И них имелись шелковые кимоно, бухарские ковры и бокалы из богемского хрусталя. Но во всем Кракове не осталось больше ни одной пары сапог. А для того чтобы дойти до Парижа и взять Европу, полотеру Чугу, натиравшему некогда полы босиком, нужны были

именно сапоги. Это поняла дочь содержателя цукерни панна Ядвига, и она подарила Чугу отцовские сапоги: кондитер ведь не собирался брать Европу. Поэтому панна Ядвига сидела в кабачке «Приятная встреча» с Чугом и Енсом Боотом. Если мы не упомянули об этом раньше, то лишь из вполне понятной стыдливости, не желая вызывать у читателей ложные подозрения.

Чуга не интересовали женщины. Чуга интересовали сапоги и Европа.

В кабачке «Приятная встреча» было тепло и уютно. Хозяйка зажгла лампу. Взглянув на Чуга, Енс Боот рассмеялся:

— Ты что ж, совсем европейцем стал? Напудрился? Смотри, теперь все полячки с ума сойдут...

Хотя из распитых четырех бутылок на долю Чуга приходилось две, он все же сообразил нелепость этих слов и подошел к зеркалу, висевшему на стене, рядом с портретом покойного премьера господина Тшетешевского.

То, что он увидел в зеркале, еще более озадачило его: вместо рябой, румяной физиономии, к которой Чуг почти так же при вык, как к своему прозвищу, на него глядело перепачканное мукой явно чужое лицо. Чуг вытер щеки рукавом, но от этого ничего не изменилось.

— Вот так пудра! — сказал он в крайнем недоумении.

Енс Боот взял со стола лампу и поднес ее к лицу Чуга.

Одну минуту глядел он. Потом поставил лампу на место и за плакал.

Енс Боот сообразил, что это за пудра. Енс Боот плакал от ненависти.

Здесь мы должны сказать несколько слов в защиту давно умершего и несправедливо оклеветанного человека.

Нет злодеяния, которое не приписывалось бы Енсу Бооту.

Еще в настоящее время в некоторых городах Северной Африки, где после гибели Европы поселились семьи спасшихся европейцев, старухи любят пугать непослушных детей угрозой:

— Вот Енс Боот придет — он тебя съест.

Енс Боот никогда не ел детей. Енс Боот не совершал многих иных зверств. Енс Боот только надоумил дряхлых европейцев сделать то, что они все равно сделали бы через сто лет. Он укоротил агонию Европы. Не он изобрел ядовитые газы, не он построил центрифуги

«Дивуар Эксцельзиор». Он только открыл камеры сумасшедшего дома. Остальное было делом самих умалишенных. Европейцы сами придумали хитрейшие способы уничтожения друг друга. Ни автором трагедии, разыгравшейся в 1928-1940 годах, ни режиссером Енс Боот не был. Ему при надлежала скромная роль сценариста.

Увидев густо напудренное лицо Чуга, Енс Боот заплакал от ненависти. Непричастный к злодеянию, он обладал должной сообразительностью и богатым опытом, чтобы сразу понять весь ужас совершившегося.

За эту пудру надо мстить, — сказал он вслух.

Чуг все еще продолжал, недоуменно улыбаясь, прихорашиваться у зеркала.

И, сказав это, Енс Боот вспомнил о своем почти забытом детище, "Тресте Д. Е.". Он понимал, что ставка бита и что эти двенадцать миллионов уже не получат Европы. Тогда остается безошибочный расчет.

Еще два-три года работы треста. Он отомстит. Он возьмет Европу.

И Енс Боот, вытерев глаза, кратко сказал Чугу:

— Прощай.

Л Чуг все еще ничего не понимал. Думая, что Енс Боот перехватил токайского, он только проворчал:

— Уходишь? Ну-ну. А ты хозяйке за вино заплатил? Енс Боот вышел на темную площадь и стал обдумывать план скорейшего отъезда. Смерти он после Берлина и Москвы не боялся. По медлить не приходилось.

Енс Боот прошел на главную улицу.

Здесь царило необычайное оживление: прогуливались красноармейцы, рязанские бабы в платочках, мастеровые с гармошками, прекрасные полячки, казанские татары в ярких ермолках, польские художники с локонами до плеч, пейсатые цадики.

Пыл первый весенний вечер, и он пах горечью тополей.

Русские должны были завтра выступить дальше. В боковых темных улочках порой раздавался отрывистый, грустный звук последних поцелуев: люди, пришедшие с востока и кричавшие "Даешь Европу», еще не дошли до Парижа, зато они взяли не мало сердец прекрасных краковянок.

Кто-то играл на гармошке. Это был очень хороший вечер.

Но когда вспыхнул золотой рой электрических фонарей, смущенный гул прошел по толпе. Все гулявшие стали тревожно всматриваться в лица своих подруг, товарищей, встречных.

Какой страшный карнавал: сто тысяч Пьеро с белыми масками.

— Я боюсь тебя, Галя. Ты совсем белая, как смерть!..

Через пять минут главная улица опустела. Испуганные люди убегали от света в темноту переулков и дворов.

Енс Боот шел один полем. Шел он на север, к морю. По его расчету, это был единственный возможный путь. Вдруг он остановился и вздрогнул: какая-то чудовищная мысль родилась в его голове. Впрочем, эта мысль была простейшей: Енс Боот вынул из кармана маленькое зеркальце и взглянул на себя.

Обычного лица, красного, обветренного всеми ветрами мира, не оказалось. Был гипсовый овал.

«Я умираю, — подумал Енс Боот. Что будет с «Трестом»? А впрочем, все равно...» И, сладко зевнув, пошел дальше.

Он шел до рассвета, а когда показалось солнце, остановился, присел на пень, съел оказавшийся в кармане сухарь и снова взглянул в зеркальце: даже умирая, Енс Боот не мог избавиться от любопытства. Что же! — красное, обветренное лицо кокетливо улыбалось.

(Иногда даже опытные люди могут ошибиться: Енс Боот ночью, глядя в зеркало, забыл о зеленой, огромной луне, висевшей прямо над ним.) А в Кракове утро не принесло облегчения. Раздевшись, люди увидели, что их тела тоже белы и как будто посыпаны известкой.

Глаза болели и слезились. Першило во рту. С лица кожа начала слезать и висела лоскутами. В ужасе люди кидались к докторам, но ни один врач не мог определить болезни.

Только какой-то старенький фельдшер многозначительно бормотал:

— Восточная болезнь. Еще в писании сказано...

Но это философское замечание не являлось лекарством.

К вечеру кожа начала гореть, и припухшие лица сразу покраснели. Люди металась в жару. Гнойные глаза замыкались.

Люди слепли.

В кабачке «Приятная встреча» на полу лежал голый Чуг.

Он скинул рубаху, ему казалось, что она из железа и давит его гело. Багряный и распухший Чуг походил на тушу в мясной лавке. Он

задыхался и, задыхаясь, еще шептал:

— Даешь... даешь... даешь Европу!..

Рядом с ним лежала ослепшая панна Ядвига. Ах, какими странностями отличалась покойная Европа! Девушка успела полюбить Чуга и теперь, умирая, еще пыталась поцеловать его гниющую кровавую руку.

— Вы прекрасны, пан Чуг!..

Воздуха не было. Подскочив в последний раз, Чуг прохрипел:

— Вот так пудра!..

И умер. Это было на рассвете. В течение одного дня 3 марта в Кракове от неизвестной болезни умерло двадцать восемь тысяч человек, из них семнадцать тысяч русских, а одиннадцать тысяч местных жителей. 4 марта число жертв почти удвоилось.

Российская армия не выступала в поход.

Париж ликовал. Клерикальная газета «Эхо до Пари» писала:

«Бог спас любимую дочь апостольской церкви — Францию».

Свободомыслящая «Эра нувелль» иначе освещала вопрос:

«Даже природа стала на охрану светоча культуры и родины Великой Революции».

Читатели обеих газет почувствовали возврат аппетита. Вновь открылись рестораны. Парижане танцевали модный танец «чой», привезенный из Боливии.

Енс Боот шел на север. Подойдя к Лодзи, он услышал страшный и, увы, знакомый ему запах падали. Он не вошел в город.

Он обходил предусмотрительно деревни и, видя издали человека, сворачивал в сторону. Он решительно не хотел этой странной пудры.

Все же ему пришлось еще раз увидеть мертвый город.

Узкие улицы Данцига были завалены трупами. От неизвестной болезни люди умирали мучительно, испытывая задыханье, и потому они выползали из душных комнат на улицу. Здоровых но было, уцелевшие убегали из города и бродили в лесах, скрываясь один от другого. Но некоторые, наиболее крепкие, еще боролись со смертью. Слепые, истекавшие гноем, они пол зали меж трупов и, томимые жаждой, высывали изо ртов воспаленные синие языки, чтобы слизнуть с мостовой капли дождя.

В одном из портовых амбаров Енс Боот нашел лодочку. От толкнув ее веслом от берега, он еще раз вспомнил белое лицо Чуга

под лампой кабачка «Приятная встреча» и воскликнул:

— Я ее возьму!..

Эпидемия неизвестной болезни быстро распространялась.

Очагами ее являлись Польша и Румыния. В течение двух месяцев эти страны опустели. Русская армия, победно вступившая в Европу, была уничтожена. Ее остатки бежали домой, разнося заразу.

В конце апреля отдельные случаи неизвестной болезни были отмечены в Казани и в Воронеже. Несмотря на энергичные меры, эпидемия вскоре приняла массовый характер, и уберечь от гибели Европейскую Россию, уже разоренную центрифугами «Дивуар Эксельзиор» и обезлюдевшую после похода на Европу, не удалось! Но с той же быстротой болезнь захватила и южные страны.

Чехословакия, Австрия, Венгрия, а также все балканские государства погибли. Она проникла и в Константинополь. Джемаль-паша, приказавший стрелять в каждого, кто попытается переплыть Босфорский пролив, спас этим Анатолию.

Седьмого июля в Женеве собралась конференция западно-европейских государств для борьбы с угрозой эпидемии. Было решено установить кордоны, который шел бы по линии Бремен — Кельн — Рейн (по западной окраине германской пустыни), да еще вдоль государственных границ Швейцарии и Италии. Всякая возможность приближения к этой линии беглецов из охваченных эпидемией стран была устранена заградительным огнем и волнами газов.

— Это стихийное бедствие. Но Европа все же будет спасена, — сказал господин Феликс Брандево, подписывая протокол конференции.

Английский летчик Джон Бэль совершил отважную экспедицию в зачумленные страны, разумеется, не снижаясь. С высоты двух тысяч метров он снял фильм умирающей Вены.

Этот фильм пользовался громадным успехом. Глядя на шикарный Ринг, заваленный трупами, любвеобильные парижанки плакали, а заплаканные лица пудрили модной пудрой «Ле-прэт».

В Париже состоялся 38-й медицинский конгресс. Профессор Брие читал доклад о неизвестной болезни, уничтожившей восток и юго-восток Европы, — К сожалению, мы располагаем весьма бедным материалом и не могли лично проследить нормального течения этой болезни. Я считаю ее неизвестной еще формой проказы,

развивающейся с исключительной быстротой. Инкубационный период длится не дольше сорока восьми часов. Смерть происходит от отсутствия дыхания, благодаря воспалению покровов. Можно предположить, что болезнь эта занесена русскими с востока, вероятно, из МОНГОЛИИ, и в условиях европейского климата изменилась, а также получила широкое распространение. Микроб ее не найден, но наука движется вперед. По всяком случае, Я предлагаю назвать ее «скоротечной проказой».

Предложение было принято. По профессор Брие ошибся в одном: микроб этой болезни был хорошо известен, и не кому-либо иному, как ему самому, — господин Брие работал в седьмом секретном отделе военного министерства и, культивируя в течение трех лет микробов простой проказы, вывел наконец гениального микроба, остановившего нашествие российской армии.

Господин Брие, начальник седьмого секретного отдела, и шестьдесят летчиков, которые сбросили пробирки, получили ордена Почетного легиона.

Совнарком находился в Чите.

Господин Феликс Брандево примерял шляпу Наполеона, до этого времени хранившуюся в музее Карнавале.

Енс Боот в почтовой конторе Лондона составлял деловую телеграмму мистеру Джебсу.

20 о тлетворности европейского климата

Господин Брие сказал: «Наука движется вперед». И он был прав. В 1932 году шведский ученый Риделлинг открыл микроба скоротечной проказы и способы предохранения от этой ужасной болезни.

Работы г-на Риделлинга представляли не только теоретический интерес. Нет, два человека воспользовались ими и привили себе антипроказную сыворотку. Это были мистер Хардайль и его невеста мисс Кэт, которые готовились к свадебному путешествию в среднеевропейскую пустыню.

Венчание состоялось 12 мая 1932 года в 10 часов утра. Прямо из церкви молодые проехали на аэродром, где их ждал комфортабельный самолет системы «Вайл».

Был превосходный день. Внизу синел океан. Кабина самолета представляла все удобства пароходной каюты или купеспального вагона. Но миссис Кэт заболела воздушной болезнью, представлявшей все неудобства болезни морской. Мистеру Хардайлю пришлось ограничиться кинематографической съемкой состязания облаков. Впрочем, это был человек терпеливый. Если он отложил на пять лет женитьбу только для того, чтобы совершить хорошее свадебное путешествие, то легко мог отложить на один день некоторые супружеские формальности.

Океан синел. Облака неслись. Кэт жевала лимон. Потом к этому прибавилась луна, желтая, как лимон Кэт.

На следующее утро показалась заспанная красавица Европа.

Бледностью и томностью она напоминала миссис Кэт. Мистер Хардайль вынул из саквояжа тетрадь и, сознавая всю важность совершаемого путешествия, стал вести дневник.

Тетрадь эта сохранилась, и, приводя записи мистера Хардайля, мы хотим дать нашим читателям яркий образец героической любознательности американца средних лет. Кроме того, дневник мистера Хардайля интересен как новое доказательство тлетворности европейского климата.

Путешествие Мистера В. Хардайля в среднеевропейскую пустыню.

Одиннадцать часов утра 13 мая. Пролетели еще живые страны. Париж сверху провинциален. Кэт все еще не может оправиться от воздушной болезни. Женитьба несколько нарушает правильный ход моих мыслей. Но я думаю, что это только до первых процедур. Вероятно, в европейской пустыне мы отыщем тень дерева. Тогда я снова получу возможность логически думать.

Два часа того же числа. Мы пролетаем над пустыней. Развалины городов. Много костей. Дует норд-ост. Видели совершенно пустой город — Нюрнберг. Сфотографировали. Кэт показалось, что колокола церковей звонят. Но это акустический обман (от разреженного воздуха). Я отметил много деревьев, все с тенью.

Кэт ест по-прежнему лимоны.

Пять часов того же числа. Наконец-то мы снизились. Кругом абсолютная пустыня. Я совсем не боюсь. 16° восточной долготы, 43° широты. Деревьев не видно. Придется обождать. Решили ПОЙТИ немного погулять. Кот хочет отыскать европейские цветы, которые зовут, нажегся, «незабудками», а я — тень дерева (ка кою безразлично, я в ботанике слаб, только чтобы сверху не падали колючие листья).

Посели, часов вечера того же числа. Странные нравы! Я думаю, что Африка его лет тому назад была безопасней. Но именно эти опасности увлекают меня. Расскажу по порядку. Гуляли.

Какая-то большая река. Кажется, ее звали «Дунаем». Кэт искала незабудки. Но мы нашли только четыре черепа и миску, в которой европейцы, очевидно, ели суп. Я взял миску для этнографического музея. Потом мы наткнулись на маленький домик. Людей в нем не оказалось. Кэт сказала, что охотно прожила бы всю жизнь в таком доме. Я, конечно, не мог с ней согласиться, но быстро вспомнил, что такое примитивное здание в своей оригинальности может заменить тень отсутствующих деревьев. Мебели в доме не оказалось. На стене висела картина, изображавшая два яблока. Людей и на картине не было, а яблоки ничем не отличались от обычных плодов. Я бы не обратил внимания на эту вещь, если б не Кэт, шептавшая мне с нежностью:

— Это прекрасно!.. Возьмем это с собой!..

Должен сознаться, что капризный и экспансивный характер моей молодой супруги начинает несколько пугать меня. Но я думаю, что после упомянутых выше процедур и занятий спортом это пройдет.

Я стал расстегивать дорожное пальто Кэт. Как это ни странно, Кэт не обращала на меня никакого внимания и продолжала кушать консервированные ананасы, которые мы взяли с собой в большом количестве.

В это время раздался звук, напоминавший рык дикого зверя.

Я вспомнил, что нахожусь в пустыне, а не у себя дома, и выбежал наружу, хорошо вооруженный. За мной последовала Кэт, продолжавшая, однако, кушать ананас.

Мы увидели странное существо, сходное с обезьяной крупной породы. Но, заметив на морде животного пенсне, я догадался, что это человек. Он был совершенно голый, и я попросил Кэт, еще не успевшую фактически стать моей супругой, отвернуться. Полагая, что человек, хотя бы голый, но употребляющий пенсне, должен быть грамотным, я протянул ему мой документ, где на всех языках мира было напечатано: «Это паспорт гражданина США». Но голый человек глядел не на паспорт, а на банку с ананасом.

Дико взвизгнув, он прыгнул на Кэт и вырвал из ее рук лакомство, потом он лег на землю и стал быстро поглощать содержимое банки. Я не мог допустить подобного правонарушения и носком ботинок попробовал усюветить его. Вместо раскаянья он укусил мне икру. Тогда я пустил в ход оружие, и труп этого дикого существа упал в води Дуная. Кэт плакала. Я стал успокаивать ее, говоря, что моя рана — пустяк, но тогда она сказала:

— Мне жалко этого человека. Почему вы не дали ему спокойно доесть банку? Да, характер Кэт тревожит меня гораздо больше, нежели ранка, которая через день-другой заживет! Конечно, после этого происшествия нечего было думать о супружеских процедурах, и мы вернулись к нашему аппарату.

Семь часов вечера 14 мая. Богатый событиями день; я сказал бы: открытие следов древней цивилизации. Мы гуляли.

Вдруг я увидел одиноко стоящий домик. Велико было мое удивление, когда я прочел на двери родное слово «парикмахерская».

Я гордо вошел внутрь, стараясь не выдать моего волнения.

Я увидел все признаки обыкновенной парикмахерской цивилизованных народов. Буднично и просто сел я в кресло, откинул голову назад и стал ждать.

Здесь я позволю себе маленькое философское отступление.

Хотя известные процедуры еще впереди и некоторая рассеянность не покидает меня, я все же хочу записать свои мысли о парикмахерских вообще. Какое вневременное и внепространственное учреждение! В Аргентине, в Австралии, в Японии то же кресло и то же зеркало. В этом жесте: сесть, откинуть голову, зажмурить глаза и, думая о вечности, предать свои щеки нежной пене — есть нечто эпическое и грандиозное.

Итак, я сел в кресло, накрыл глаза и стал ждать. Я задумался о преходящести земной материи и о нетленности духа. Я так же одновременно представлял себе тень различных деревьев, виденных мной при перелете. Я очнулся от ласкового прикосновения бритвы. О, это не был сои! Меня брил самый обыкновенный парикмахер, и, как все парикмахеры мира, он развлекал меня последними новостями:

В первый раз за три года вижу клиента. Попрошу голову немного назад. Здесь проходят иногда люди, но они отпустили бороды и не бреются. В этом недостаток примитивной жизни.

Перебиваемся. Я успел вывезти из Вены во время эпидемии много пороха. Стреляю в коз и в зайцев. Живем, откровенно говоря, мизерно. Вчера волк съел племянницу. Прикажете одеколон? Старые запасы. Очень приятно поговорить с культурным человеком. Я здесь последний представитель Европы. Храню как святыню вывеску и брюки.

Еще погруженный в раздумье, я сказал ему:

Перемените вывеску. Напишите: «Парикмахерская во Вселенной». Это оригинальное и глубоко философское название.

Я дал ему доллар, но он отказался и попросил вместо этого банку с ананасом. Вдруг я увидел, что Кэт исчезла. Когда я сел в кресло, она находилась в парикмахерской.

— Кэт, позвал я, сильно встревоженный.

Тогда из кустов показалась моя молодая супруга. Ее прическа была растрепана ветром. Заметив на ее щеках здоровый румянец, я благословил хорошее действие европейского климата. Побрившись, я принялся с двойной энергией за розыски тени дерева, но Кэт,

сославшись на усталость, легла немедленно спать, и я сейчас охраняю ее невинный сон от волков, съевших бедную племянницу последнего представителя цивилизации.

Девять часов 15 мая. Хотя я нахожусь на твердой земле, мое самопишущее перо системы Ватермана дрожит. После всего происшедшего мне хочется не писать, а выть, как воют блуждающие по этой пустыне, одичавшие люди. Только чувство ответственности перед человечеством заставляет меня собраться с силами и описать события ужасного дня.

Ночью я плохо спал, мне мешали уснуть крики диких существ, а также близость Кэт, которая вследствие присутствия летчика решительно отказалась принять кабину самолета за тень дерева. Это была короткая, но очень печальная ночь.

Проснувшись, Кэт потребовала, чтобы я пошел бриться в парикмахерскую, описанную мной накануне. Я попробовал предложить ей другой маршрут по еще не обследованным местам, указав, что побриться я могу в кабине с помощью моей безопасной бритвы.

Но Кэт настаивала. На мой вопрос, почему мы должны обязательно идти туда, где уже были вчера, Кэт ответила, что там цветут европейские цветы, называемые, кажется, незабудками, которые она хочет во что бы то ни стало сорвать. Не желая до процедур нервировать мою хрупкую супругу, я согласился.

Горе мне! Зачем я послушался Кэт? Больше у меня не будет ни процедур, ни супруги! Итак, я брился, Кэт собирала незабудки. Я кончил бриться, Кэт не было. Я позвал ее. Никто не отозвался. Тогда я побрил голову, к величайшему удовольствию последнего парикмахера Центральной Европы, который получил за это две банки с ананасами. Я побрил голову, хотя отнюдь не собирался этого делать, ввиду ветров и возможности насморка. Кэт все еще не было. Я впал в крайнее волнение: ее могли съесть волки или даже люди. Ведь одно из этих страшных существ укусило мне икру. Бедная Кэт! Что с ней? Сидя в кресле, я плакал. А жестокосердный парикмахер, привыкший, очевидно, к подобным инцидентам, спокойно лил каскады вежеталя на мою голую голову.

Наконец, не вытерпев, я пошел разыскивать Кэт. Я не увидел европейских цветов, называемых, кажется, незабудками, но вскоре я

увидел Кэт. О, если б я не увидел ее! О, если бы ее съели волки или даже люди! Кэт лежала на траве, а на ней лежал голый туземец, в жилете, с лицом, поросшим шерстью. Я крикнул:

— Кэт! Но ни она, ни человек-зверь не услышали моего достаточно громкого окрика, так они были увлечены своим занятием.

Увы! У меня больше не оставалось никаких сомнений: это занятие было именно тем, чем я хотел заняться с Кэт под тенью дерева. Над ними не было никаких деревьев, и полуденное солнце неистово сжигало их тела. Я стыжусь вас, перо системы Ватермана и тетрадь, описывая эту сцену! Увидев меня, Кэт мет нулась в сторону. Человек зверь встал. Он походил на тощую обезьяну. Кэт спряталась за ого спину. Я пробовал уговорить ее.

Я напоминал ей слова пастора и законы нашего отечества, но бедная в беспамятство плакала и не расставалась с диким существом.

Увидев, что человек-зверь тщедушен и не вооружен, я выстрелил в него. Я не мог от волнения хороню прицелиться и попал в ногу. Раненое существо молчало. Кот плакала.

Я вызвал парикмахера. Я сказал ому, что по законам всех цивилизованных государств Кэт принадлежит мне, и попросил его помочь увести мою супругу в кабину самолета. Хитрый цирюльник стал увиливать, утверждай, что в пустыне никакие законы недействительны. Он потребовал двадцать пять банок с ананасами. Мне пришлось согласиться.

Мы взяли Кэт под руки. Она не сопротивлялась, но продолжала плакать. Когда моя несчастная супруга очутилась в уютной кабине, и решился заговорить с ней.

Кэт! Что вы сделали, Кэт? Но Кот ответила мне сразу потоком страстных и несвязных фраз. Я записываю здесь те из них, которые мне запомнились:

Я люблю его, Вильям!.. Будьте великодушны, пустите меня к нему!.. Я хочу остаться в пустыне... Я узнала теперь, что такое любовь... Это как воздух... Я задыхалась в Америке...

Мы знаете чтонибудь про звезды?.. У вас только нефть и любопытство. Он был поэтом... Он жил в Вене... Он мне говорил стихи...

Любимая — жуть. Когда любит поэт, Влюбляется бог неприкаянный...

Он прекрасен!.. Я не уеду отсюда!.. Вы слышите, Вильям, я не покину Европу!.. Услышав подобные речи, я понял, что моя молодая супруга душевно заболела. Прививка сыворотки господина Риделлинга предохранила нас от проказы. Но европейский климат оказался тлетворным. Воздух здесь насыщен мельчайшими микробами, которые вызывают психическое заболевание, выражающееся в необузданных приступах любви, не имеющих ничего общего ни с нашими законными браками, ни с ночными развлечением холостых американцев. Грозная болезнь! Возмути тельный климат! Таким образом, я не могу осудить Кэт. Я сам ее привез в этот край. Она не преступница, но больная. Мой долг увезти ее отсюда и доставить в родительский дом. Конечно, наш развод неминуем, так как моральные заповеди и гигиенические соображения делают для меня невозможным в дальнейшем какие-либо процедуры.

Я плачу. Я говорю себе: Хардаиль, ты открыл европейскую пустыню, ты облагодетельствовал человечество. Но ты купил это дорогой ценой, потеряв юную супругу, так и не успевшую стать твоей супругой.

Кэт лежит в кабине и плачет. Я бодрствую. Надо мной те звезды, о которых знают что-то туземцы. Где-то в лесу воют дикие люди. Особенно страшен один голос. Я начинаю различать слова. Мне кажется, что это зверь, обесчестивший Кэт, повторяет бессмысленные и преступные фразы, которые он зовет «стихами». Зачем я не убил его? Этот вой, вероятно, мешает бедной Кэт уснуть.

Я повесил на развалины американский флаг. Отныне среднеевропейская пустыня принадлежит США. Да будет это утешением мне! Сколько звезд надо мной, я не знаю. Но на флаге столько же звезд, сколько наших штатов. Ура! Кэт все еще не спит. Завтра утром мы улетаем в Америку.

На этой записи обрывается дневник несчастного мистера Хардайля, которому суждены были еще новые испытания.

Шестнадцатого мая в 8 часов утра самолет должен был стартовать. Кэт несколько раз пыталась убежать, но мистер Хардаиль и пилот стерегли ее.

За несколько минут до отлета из леса выполз раненый человек-зверь. Он кричал что-то Кэт. Мистер Хардаиль снова выстрелил и снова промахнулся. Не желая терять времени, огорченный супруг

приказал летчику пустить мотор. Самолет плавно взлетел. Но, распахнув дверцу кабины, прекрасная Кэт закричала:

— Я остаюсь с тобой, любовь! И ринулась вниз.

Она лежала мертвая, а над нею выл раненый человек-зверь. Нельзя было понять, — это стихи последнего поэта Европы или рык чудовища.

Мистер Хардаиль вытер платком глаза, надел очки и любопытно взглянул вниз.

Америка в те годы многое брала у умирающей Европы:

золото и статуи, певцов и ученых. Но в этот день она при несла тяжелую дань мертвому материку, умевшему только любить и, любя, завывать нелепейшие стихи: молодая супруга ко роля нефти мистера Хардайля досталась Европе.

Мистер Хардаиль оплакивал свою супругу. Но ни одной минуты он не жалел о том, что пять лет тому назад согласился на предложение Енса Боота, Пусть свадебное путешествие не удалось. Континент с таким тлетворным климатом должен быть уничтожен. Семь миллиардов долларов спасут многих Кэт.

Как читатели видят, сын короля нефти не был скуп. Он искренне любил человечество.

21 полный переворот в этнографии

Погибшие европейцы любили порой щегольнуть парадоксами:

«Ним гуси спасли», «от искры Москва сгорела» и т. п. Отнюдь не желая подражать этим легкомысленным философам, мы должны признаться, что часто незначительные события влекут за собой другие, уже весьма и весьма значительные.

(Стоит вспомнить рассеянность монакского принца и ее колоссальные последствия.) Великобритания была могущественным государством. Ей принадлежали страны, ныне являющиеся великими державами пашой планеты, как-то: Индия, Канада, Египет, Австралия и многие иные. Еще в 1930 году Великобритания могла соперничать с США.

В феврале месяце 1930 года, приблизительно за год до гибели Восточной Европы, описанной нами в предыдущих главах, тысячи почтальонов, разносивших утреннюю почту в своих мешках, среди других писем несли десятки тысяч одинаковых желтых конвертов с маркой в одно пенни.

В желтых конвертах лежали печатные циркуляры «Английского стального треста», рассылаемые оптовым, а также розничным торговцам всего мира.

АНГЛИЙСКИЙ СТАЛЬНОЙ ТРЕСТ Лондон, дата почт. штемпеля М. Г.

Настоящим честь имеем довести до Вашего сведения, что, желая пойти навстречу запросам публики и рас ширить число нашей почтенной клиентуры, мы решили понизить с 1 марта сего года цены на все наши изделия на пятьдесят процентов. Смеем выразить уверенность, что Вы почтите нас Вашими заказами.

Что ж! Если гуси спасли древний Рим, а от искры сгорела дряхлая Москва, то могущественная Великобритания, повелевавшая четырьмястами пятьюдесятью миллионами человек, погибла от желтых конвертов с маркой в одно пенни.

Все последовавшее непосредственно за рассылкой исторического циркуляра никак не говорило о гибели. Понижение цен на стальные

изделия было встречено обществом и прессой более чем благожелательно. Заводы треста устроили продукцию.

Безработных больше не было.

Глядя тоскливо в окна, где имелись коварные враги, про копченное насквозь небо и безукоризненный джентльмен, господь бог, конкуренты треста — директора «Стальной компании Феникс», а также владельцы фирмы «Брэй и К°» — тоже решили сбавить цены и увеличить производство.

В «Экономическом вестнике» мистер Гобс писал: «Совершенно исключительный расцвет нашей стальной индустрии носит явный характер искусственно вызванного процесса и чреват тяжелыми последствиями». Но на мистера Гобса никто не обращал внимания. Это был человек с больной печенью, осужденный на вечную диету, живущий без сои и без пикулей, следовательно, совершенно неспособный воспринять радостные события.

Прочитав в «Питтсбургских новостях» о понижении цен на стальные изделия в Англии, почтенный мистер Джебс возмутился.

— Конечно, Германия уничтожена, но Германия не Европа. Они захватят все рынки! Рельсы для балканских железных дорог. Раз. Ножи и косы — России. Два. Считать бесполезно. Что же смотрит Енс Боот? Этот дурак уничтожил несчастных немцев и успокоился. А где мои семь миллиардов? Обман! Жулье! Хррр! От негодования мистер Джебс издавал звуки, не относившиеся ни к одному из известных нам человеческих языков.

Вероятно, негодование его удвоилось бы, если бы он узнал, что Енс Боот, скупая через подставное лицо контрольный пакет акций «Английского стального треста», принимал активное участие в работе этого предприятия и что возмутительный циркуляр о Понижении цен па пятьдесят процентов носит следы его гениального пера.

Ближайшие события, впрочем, показали, что литературные упражнения Енса Боота честно служили интересам близорукого мистера Джебса.

Вскоре переизбыток стальных изделий сказался с исключительной ясностью. Внутренний рынок, насыщенный донельзя, больше ничего не принимал. Американский конгресс одобрил закон, запрещающий ввоз заграничных стальных изделий.

С другой стороны, вся Восточная Европа, после уничтожения Германии ввозившая стальные изделия предпочтительно из Англии, к лету 1930 года представляла собой просторное кладбище, отгороженное санитарным кордоном.

«Английский стальной трест», «Стальная компания Феникс» и фирма «Брей и К0» оказались в крайне затруднительном положении.

К 1 августа биржа труда зарегистрировала миллион шестьсот тысяч безработных в стальной промышленности. Остальные работали три дня в неделю.

Стальной кризис, американские заградительные пошлины и уничтожение восточноевропейских рынков сказались и на положении других видов промышленности. Добыча угля пала на тридцать шесть процентов. Текстильные фабрики закрывались одна за другой. К концу года вся Англия переживала неслыханный промышленный кризис. Из восьми миллионов четырехсот тысяч рабочих шесть миллионов двести тысяч значились как безработные.

Предприятия лопались. Десятки банков, связанные с индустриальными предприятиями, были накануне банкротства.

Английский Государственный банк, стараясь предотвратить катастрофу, расширял кредиты. Машины заводов, фабрик, верфей стояли. Но зато станки, печатавшие деньги, работали с исключительной продуктивностью. В Нью-Йорке за один доллар можно было приобрести четырехста семьдесят английских фунтов.

В Лондон слетелись все стервятники заатлантического мира. Они щеголяли на Пикадилли своими клетчатými брюками и сытыми физиономиями. Благодаря дикому росту цен, появление в восточном квартале Лондона, где жила беднота, краснощекого, упитанного лица являлось такой редкостью, что прохожие останавливались, ища глазами кинематографический аппарат. Несчастные полагали, что сытый и хорошо одетый человек артист, загримированный для американского фильма.

В дорогие магазины заходили ленивые аргентинцы и за несколько песо скупали все, что находилось там, от теплых кальсон из шерсти мериносов до картин Россети, изображавших ших анемичных особ, не лишенных, однако, приятности.

Большинство сокровищ Британского музея было приобретено США.

Лидс был разграблен безработными.

Конференция английской рабочей партии после долгих прений пришла к выводу, что единственным спасением является пролетарское правительство. Но, Осудив «азиатский метод захватов», конференция постановила: ждать выборов в парламент, которые должны были состояться через полтора года, то есть в ноябре месяце 1933 года.

В палате общин уважаемый депутат, мистер Чекэн, запросил уважаемого мистера Бровэда:

— Известно ли мистеру Бровэду, что некто, парикмахер Мануэль Баргенц, приехавший семь недель тому назад из Рио-де-Жанейро, приобрел за шестьдесят мильрейсов сан лорда и теперь заседает в высокой палате.

— Нет, это мне неизвестно, — ответил мистер Бровэд.

— Известно ли мистеру Бровэду, что за май месяц в Манчестере умерло от голода одиннадцать тысяч четыреста человек? — продолжал любознательный мистер Чекэн.

— Нет, это мне также неизвестно, — повторил мистер Бровэд.

— Известно ли мистеру Бровэду, что одна из континентальных держав спешно готовится к уничтожению нашего флота? — К сожалению, по соображениям вполне понятным, в данный момент я лишен возможности ответить на вопрос уважаемого мистера Чекэна.; Газеты сообщили, что в палате общин очередное заседание прошло вяло. Газет, однако, никто не покупал — они стоили слишком дорого: пять фунтов за крохотный листок желтой оберточной бумаги.

Все же 18 июля 1932 года многие раскошелились и купили газеты, заключавшие достаточно важное сообщение: конференция представителей Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и других государств, входивших в состав Великобританской империи, приняла решение порвать всякую связь с Англией и указанные государства объявить независимыми.

В этот день в Ливерпуле, возле городской булочной, произошел небольшой бой. Шестьсот четырнадцать человек погибли.

В Лондон прибыла американская благотворительная делегация. Американцы отобрали двадцать тысяч детей, которые при осмотре обнаружили восемьдесят восемь процентов вероятности немедленной голодной смерти. Сына вдовы Анны Айс, маленького Джо, они

забраковали: у него было только восемьдесят шесть процентов. Анна Айс умоляла взять Джо:

— Я вам даю слово, что он умрет! Анну Айс вывели.

Несмотря на все описанные нами трагические последствия циркуляра «Американского стального треста», жизнь в Лондоне сохраняла видимость прежней, Консерватизм в Англии был непобедим. По-прежнему возле дворца стояли часовые в напудренных париках, ораторы в Гайд-парке чинно доказывали преимущества анархии, а дряхлые мисс, проходя по мосту, где имелись голые фавны из бронзы, потупляли свои вылинявшие глаза.

Кроме того, жестокость нравов несколько смягчалась особенностями английского языка: человек, из-за фунта хлеба душивший другого человека, говорил ему все же «вы».

В Ньюкэстле безработные нарушили постановление рабочей партии и, не дожидаясь выборов 1933 года, захватили власть.

Парламент осудил их поведение, и правительство его величества короля Великобритании послало в Ньюкэстль несколько верных полков, которые уничтожили недисциплинированных членов тред-юнионов.

В августе, благодаря сносному урожаю, наступило некоторое облегчение. Но мистер Гобс, еще живой, несмотря на большую печенку, написал для «Экономического вестника» прекрасную статью, в которой доказывал, что своего хлеба Англии может хватить лишь на два месяца. К счастью, «Экономический вестник» больше не выходил из-за отсутствия бумаги.

В октябре голодные бунты возобновились. Горожане направлялись в поместья и фермы, захватывали спрятанные припасы и съедали чудом уцелевший скот. В поместье Айэн лорда Хэга был съеден последний рысак. Лорд Чарльз Хэг получил лишь хвост, и он повесил эту родовую эмблему в своем пустом кабинете над письменным столом.

Сэр Эдуард Карсейль, обладатель коллекции лучших в мире бульдогов, потребовал взвод шотландских стрелков для охраны псов от нашествия голодных горожан. Требование было выполнено. Но вскоре стрелки съели бульдогов.

Положение с каждым днем становилось все тяжелее. Последние американцы уехали, увозя с собой грандиозные кофры.

Правительство вело переговоры с Канадой о закупке хлеба на остатки золотого фонда. Но канадцы держались стойко и мировых цен не сбивали.

Ежедневно тысячи людей умирали от голода.

Наступил еще один печальный день: 11 ноября. На трибуну палаты общин взошел мистер Бровэд.

— Я могу теперь ответить на вопросы, поставленные мне пять месяцев тому назад уважаемым мистером Чекэном.

Сегодня утром французский флот частью потопил, частью захватил наши военные суда.

К вечеру в Лондоне слышалась пулеметная стрельба. Но это не было политической борьбой. Одни голодные люди стреляли в других голодных людей. Потом, устав стрелять, уцелевшие уснули.

Ночью король вызвал во дворец лидера рабочей партии мистера Карля. При свидании присутствовал мистер Бровэд.

Король говорил мистеру Карлю и глядел при этом на мистера Бровэда, который как бы скреплял росчерками ресниц слова своего монарха.

— Мы предлагаем вам ввиду тяжелого положения нашей горячо любимой родины взять в свои руки власть, не дожидаясь выборов тысяча девятьсот тридцать третьего года, — вежливо сказал король.

Мистер Карль столь же вежливо поблагодарил короля и отказался. Он произнес весьма лаконичное:

— Мерси — нет! Мистер Карль был истинным демократом. Он показал королю, что значит конституция.

Шли страшные недели. Спортсмены истребили последних галок. В портах царила богомольная тишина, как будто изо всех дней недели на долю Англии осталось только одно воскресенье; даже парусное суденышко не хотело причалить к берегам нищенствующей страны.

Люди умирали, соблюдая достоинство и чин. Стонали они тихо, чинно корчились и не забывали улыбнуться пастору. Это была достойная смерть, но все же это была смерть, и спасенья не было.

На заседании палаты любознательный депутат Чекэп, хотевший было задать министру особенно значительный вопрос, упал и начал дрыгать ногами. Спикер был возмущен поведением депутата. Он закрыл заседание. Но мистер Чекэп не был виноват — он просто умер от истощения.

Подходило рождество. Люди вспоминали былые годы, любимый праздник, диккенсовский уют, шпигованных индюшек, щебет счастливых Мери и Кат у камина.

В сочельник густые туманы обволокли остров. Это было некоторым благодеянием судьбы. Туманы скрывали города, дома и лица прохожих. Города были пусты и мертвы, дома черны, а лица бледны.

Все же, но старой памяти, люди убирали свои опустевшие, истопленные комнаты и даже старались улыбаться.

Старый лорд Чарльз Хэг пригласил к себе своих друзей:
лорда Вильяма Джерсена и сэра Эдуарда Карсейля.

Странную картину представлял собой замок лорда Чарльза Хэга. Огромные, пустые, промерзшие комнаты. В разбитые окна врвался туман. Лорд Чарльз Хэг с фонарем вел гостей через эти зловещие ущелья, и желтый огонь бился среди облаков, как ущербная луна.

Лорд Чарльз Хэг жил один в своем замке. Супруга его умерла, съев котелок недоваренной брюквы. Дочь Мери спаслась, уехав в Канаду с каким-то пароходным поваренком.

Лорд Хэг презирал и жену и дочь — обо они осквернили честь древнего рода: брюква не должна фигурировать на столе замка Айэн, а поваренок не смеет прикоснуться к дочери лорда. Старый и несчастный лорд Хэг хранил достоинство, ел изредка дичь и глядел на конские хвосты.

(Дичью он называл ворон, которые залетали в залы замка.) Ради рождества лорд прибрал свой кабинет. Толстые тома по-прежнему хранили изображения одиннадцати тысяч трех сот двадцати четырех гербов. Фонарь медом мазал лысины трех аристократов. Камин весело грыз одно из последних крепел. Над столом висел большой конский хвост Грея, послед него жеребца лорда Чарльза Хэга, съеденного еще летом низменной чернью.

Во всем был нежный уют, и сердца стариков понемногу оттаивали. Три ломтика хлеба, подаренные лорду Чарльзу Хэгу какой-то сердобольной старушонкой, лежали на прекрасном старинном подносе. Они казались двум лордам и одному сэру тремя традиционными плюм-пудингами.

Началась душевная беседа. Разумеется, она носила ретроспективный характер. Лорд Чарльз Хэг вспомнил былые скачки.

Волнуясь, перечислял он имена всех покойных жеребцов и кобыл — победителей дерби, начиная с 1887 года.

Сэр Эдуард Карсойль вынул красный фуляровый платок:

нежные виденья усопших бульдогов преследовали его. Где ты, широкогрудый Юм? Пятнистый Бэб? Друзья золотых лет? Проклятые стрелки! И от всего осталось только кольцо с изо бражением песьей головы — приз XXXIV выставки собако водства.

Лорд Вильям Джерсен, у которого никогда не было ни родо витых кобыл, ни талантливых кобелей, все же в умиление вы тирал свои голубенькие глазки. Он умел понимать чужое горе.

Для того чтобы полюбить вещи, ему не нужно было ими обладать. Для того чтобы познать мир, ему не приходилось Ого осматривать. Богатая фантазия и редкая восприимчивость определили образ жизни почтенного лорда. Он не посещал скачек, не разводил псов. Он сделался вице-президентом «Английского географического общества» и одним из наиболее прославленных путешественников в дикие страны, не покидая для этого своего дома, даже точнее — своего кресла у камина, где бесстрашный турист в восточном халате и в вязаных туфлях Изучал все пять частей света. Впрочем, иногда он путешествовал: приходилось ездить В Лондон на заседания «Английского географического общества». Переезд совершался в спальном купе и длился четыре часа. Но лорд, учитывая всякие возможности, брал с собой охотничий карабин, компас, провиант, питьевую воду на пять суток, карты обоих полушарий и библию.

В грустный рождественский вечер, видя слезы старых друзей, лорд Иильям Джерсен решил несколько развлечь их рас сказами о своих путешествиях.

Дорогие друзья, — сказал он, — в Индии, в Голубых го рах, и видел людей-карликов. Они живут на деревьях. Суевер ные туземцы боятся их. Конечно, не мы, но англичане.

Это хотя краткое, но весьма занимательное повествование развеселило всех. Колокол церквушки радостно зазвенел: наступало светлое рождество. Друзья степенно съели три ломтика хлеба, облив их в мыслях голубым огоньком рома. Эта, признаться, скудная трапеза вызвала в них сильнейшие приступы аппетита. Печаль готовилась снова перешагнуть порог кабинета. Но неутомимый лорд Вильям

Джерсен, укрепленный успехом своего первого рассказа, решил дать ей решительный бой.

— Я многое видел, дорогие друзья. Я видел страшные вещи, По сравнению с ними горести, переживаемые нашей великой родиной, кажутся детскими. Судите сами: на берегу открытого мной озера Дайга в Центральной Африке живут доподлинные людоеды. На моих глазах один человек съел другого.

— Действительно, это ужасно, — сказал лорд Чарльз Хэг. — !1 надеюсь, что эти преступники не были англичанами? — О нет! Конечно, нет! Это были негры, то есть черные люди с черными душами.

После этого рассказа воцарилось редкое оживление. Друзья помолились о здоровье его величества короля и поздравили Друг друга с праздником. Лорд Чарльз Хэг предложил друзьям рождественские подарки.

— Вам, дорогой лорд, я дам хрустальный графин с моим горбом, обернутый в салфетку, он может вполне заменить дорожную флягу и будет вам полезен при ваших путешествиях в дикие страны. Вам же, дорогой сэръ, я решил сделать скромное подношение, я предложу вам живого и даже весьма родо витого бульдога, которого чудом не съела чернь. Пойдемте со мной. А вы, лорд, пока отдохните.

Лорд Чарльз Хэг и сэръ Эдуард Карсейль вышли из каби- нета. Густой туман поглотил их. Лорд тяжело дышал.

— Я ничего не вижу. Где же ваша собака? — спросил сэръ.

— Собака дальше.

Они долго шли по темным пустым залам.

— Нам надо спуститься вниз по этой лестнице, — сказал наконец лорд.

Ступени были скользкие. Сверху капало. Где-то пропищала крыса. Они были в подвале.

— Мне страшно, лорд. Где же собака? — Видите ли, собака устала. Она лежит здесь рядом. Если вы нагнетесь, сэръ, вы увидите ее.

Но сэръ Эдуард Карсейль не нагибался. Тогда раздался натуральный собачий вой. Это был лорд Чарльз Хэг, который, скушав ломтик хлеба, почувствовал неслыханный аппетит.

Сэръ, уверовав в близость родовитого бульдога, нагнулся, Был слышен хруст суставов и скрип зубов...

Лорд Вильям Джерсен долго ждал друзей. Наконец он решился предпринять путешествие. Он взял желтый чад- ный фонарь и побрел разыскивать друзей. Один пустой зал походил на другой. Лорд заблудился. Он не нашел людей.

Он не мог найти и жилого кабинета. От налетевшего ветра фонарь погас. Лорд кричал, но голос тонул в густом тумане. Тогда он лег на мокрые половицы и заплакал, как младенец.

Наконец окна чуть посветлели. Это был спасительный рассвет. Лорд Вильям Джерсен встал и, дрожа, снова принялся за розыски. Вскоре он нашел дверь кабинета. Приоткрыв ее, он замер от восторга. На столе стояли миска и тарелки с родовыми гербами. Отстранив тарелку, лорд Чарльз Хэг вытирал салфеткой губы. От миски шел крепкий запах хорошего домашнего бульона.

— Ах, вот и вы, дорогой лорд! Я беспокоился о вашем здоровье. Разделите со мной мою скромную трапезу.

Лицо лорда Чарльза Хэга выражало удовлетворение ужином, светлую радость, безмятежность, покой.

— Но где же наш общий друг сэр Эдуард Карсейль, — спросил великий путешественник, подсаживаясь к столу.

— Он уехал домой вместе с бульдогом.

Лорд Вильям Джерсен взял ложку. Бледный свет декабрьского утра сочился сквозь потные стекла. Случайно лорд заглянул в миску, тихо вскрикнул и упал.

Любезный хозяин даже не потрудился снять о руки сэра Эдуарда Карсейля знаменитого кольца, изображавшего песью голову.

Двадцать восьмое декабря считалось будничным днем. Лондон жил своей обычной жизнью. Королевский конвой разгуливал в седых париках. Безработные стреляли из пулеметов.

Голодные клерки падали замертво на улицах. Чудаки держали пари, когда умрет последний англичанин: пессимисты говорили — в январе, оптимисты — в мае. — Но англичане умирали прилично, и жизнь шла своим порядком. 28 декабря состоялся ряд заседаний различных научных и просветительных обществ, среди прочих торжественное заседание «Английского географического общества» для заслушания доклада о быте туземцев, живущих в верховьях Нила.

Заседание открылось в 3 часа. Докладчик, мистер Гау, начал:

— Как известно...

Но в это время в комнату ворвался странный субъект с дикими глазами, небритый и неприличный. Председатель с трудом узнал в нем вице-президента общества лорда Вильяма Джерсена.

— Я должен прервать докладчика, — захрипел лорд Вильям Джерсен. — Крайне важное сообщение! Переворот в этнографии! Господа!..

Голос лорда оборвался. Ему дали стакан воды.

— Господа, внимание! Джентльмен съел джентльмена! Услышав это, председатель сначала нахмурился, потом улыбнулся и стал подозрительно лязгать зубами. Тогда самый молодой и самый тучный из всех членов «Английского географического общества», вскормленный на добротном голландском молоке, встал и подбежал к окну. Общество помещалось во втором этаже, и осторожный человек прыгнул вниз, не причинив себе никакого вреда.

— Надо выходить через двери, а не через окна, — сказал часовой и неодобрительно покачал седым париком.

— Как когда, как когда, — справедливо ответил ему Енс Боот, ибо находчивый турист, вскормленный на голландском молоке, был, разумеется, неутомимым Енсом.

22 это просто плохая перекись

После удачно проведенной английской компании темные слухи о каком-то всемогущем голландце начали волновать уцелевшие страны Европы. На балах Парижа красавицы бредили «лету чим голландцем». Серьезные политики за бриджем любили приговаривать:

— Вот какие штуки в Европе происходят... Англия того...

Это вам не Ван-Гутен!..

В «Матэн» появилась статейка, полная увлекательных на меков:

«Нам сообщают, что к ряду печальных катастроф, уничтоживших три четверти Европы, причастен крупный авантюрист, некто Жан Ботта, голландец, внук известного гене рала буров. Он отомстил Англии за обиды, нанесенные его Деду.

По некоторым данным, Жан Ботта работал в тайном штабе германской армии и руководил нападением на наши банки в Берлине при применении известных санкций.

Жан Ботта женат на дочери американского миллиардера Х.

Он был одним из руководителей «Английского стального треста».

Прокуратура принимает меры к выяснению местонахождения этого опасного типа».

Сообщение «Матэн», перепечатанное газетами всего мира, еще сильнее заинтриговало публику. Потомки генерала Ботта привлекли редактора «Матэн» к судебной ответственности за клевету. Американские журналисты, приехавшие специально в Голландию, должны были ограничиться сообщениями о живописности национальных костюмов и о похищении картины Рембрандта, ибо никаких признаков существования таинствен ного авантюриста им обнаружить не удалось.

Клерикальная «Идея националы) уверяла, что голландец на самом деле русский и коммунист, выполняющий программу XVIII конгресса коминтерна. Напротив, коммунистический «Пепль» клялся, что Ботта не кто иной, как исчезнувший при таинственных обстоятельствах племянник премьера, господин Пиктор Брандево, осуществляющий идею всемирной монархи ческой диктатуры.

Красавицы не спорили о том, кто прав. Закрывая веером глаза, они ждали, что их пригласит на тур чоя летучий гол ландец. Красавицы были добрыми католичками и верили в чудо.

Нся Европа говорила о Жане Ботта. Но совсем о другом шпорили супруги Бланкафар в высоком будуаре венецианского палаццо. Они говорили о туфлях.

— Дай мне шесть тысяч лир. Я должна купить серые замшевые туфли, — хныкала Люси.

— Кошечка, у меня нет денег. Я потерял все на фунтах.

Франки и лиры падают. Может быть, завтра мы будем просить корку хлеба, — увещевал ее Жан. Мне нужны туфли.

По ведь ты неделю тому назад купила туфли.

Это были атласные, бальные.

— У тебя сто пар туфель, кошечка.

Ты лжешь, ты нагло лжешь! У меня всего одиннадцать пар: атласные белые, черные бальные, черные замшевые, желтые для улицы, черные для улицы, сафьяновые красные для маскарада, брюссельские с помпонами, еще одни желтые с пряжками, скромненькие и мышинные под цвет чулок. Вот и все. Остальное — полуботинки и ботинки. Теперь мне нужны серые замшевые. Шесть тысяч лир — это пустяки.

— Кошечка, у меня нет денег. Мы разорены.

— Ты прокутил. Ты потратил все на своих любовниц, — закричала окончательно рассерженная Люси. Ее рыжая челка гневно взметнулась. Желая предотвратить скандал, Жан скромно пролепетал:

Кошечка, ты ведь знаешь, что я на это теперь не способен.

Кошечка знала это хорошо, но ревность сильнее логики, и она продолжала:

Врешь! Дай шесть тысяч лир.

У меня нет. Фунты больше ничего не стоят. Лира летит.

Жить стало невозможно. Если завтра этот проклятый голландец возьмется за Италию, мы погибли...

Какой голландец? Жан обрадовался неожиданному обороту разговора.

— Ты разве не знаешь, кошечка? Вся Европа говорит — его зовут, кажется, Жан Ботта.

Люси потеряла розовыми пальчиками свой лоб, скрытый от мира рыжей челкой. У Люси был хороший лоб и хорошая память.

— Жан Ботта?.. Обожди... Да это, наверное, тот нахал, который пристал ко мне и потом прислал письмо...

Люси открыла шкаф и вынула большую шкатулку, доверху набитую различными сувенирами. Здесь были письма жениха и двадцати двух любовников, какие-то подтяжки, пачка фотографий, локон мандолиниста и даже ус прелестного гондольера.

Люси Бланкафар недаром прожила на грешной земле тридцать шесть лет.

Среди этого хлама она нашла открытку с анютиными глазками. Чернила в кабачке «Улыбка кафра» не отличались высоким качеством. Буквы многозначительного послания выцвели, но подпись была ясна: «Енс Боот».

— Что ж он тебе писал, кошечка? С тех пор как Жан утратил способность иметь любовниц, Люси перестала скрывать от него свои любовные похождения.

Поэтому она с готовностью ответила на вопрос мужа:

— Он писал поэтично. Он обещал мне все. Не так, как ты, — хорошо! Жалеет какие-то шесть тысяч на замшевые туфли! Заставляет меня ходить босиком! — Но что ж он писал тебе? — Он писал, что по первому моему слову сделает меня ко ролевой какой-то страны, кажется, Финикии.

— Финикия?.. Нет, это не подходит. Но, может быть, вместо этого он поднимет курс лиры. Тогда мы заживем, как короли... Попробуй, кошечка, может быть, тебе это удастся.

Самолюбие присуще всем женщинам. Естественно, что Люси, в возможностях которой муж усомнился, ответила согласием. Тем более что последний ее любовник, красавец гондольер, оставив Люси левый ус, скрылся с правым неизвестно куда.

На следующий день в различных итальянских газетах было напечатано следующее объявление:

Енс, приди! Сделай меня финикиянской! Твоя Люси.

Прыгнув своевременно со второго этажа лондонского дома Енс Боот направился немедленно разыскивать лодку. Добравшись до Парижа и вспомнив о том, как председатель «Географического

общества» лязгал зубами, он почувствовал сильный озноб и поэтому взял билет в Рим.

Пребыванием в этом древнейшем городе Енс Боот был и полностью удовлетворен. Во-первых, ему удалось выполнить некие торые задания «Треста Д. Е.», в частности значительные колониальные операции, во-вторых, римляне пока что ели макароны, и прыгать из верхних этажей не приходилось.

В прекрасный вечер, когда над площадью Спанья летали ласточки и, снижаясь, окутывали площадь свежей мглой, когда лились беспричинные слезы бронзовых нимф, Енс Боот остро заинтересовался курсом лиры и купил газету. Но велики и страшны чары весны! Тщетно пытался он развернуть газетный лист, слишком черны были ресницы цветочницы, слишком сильно пахли фиалки мифологической лужайкой и божественным мхом, СЛИШКОМ много было любви на тесной площади Спанья.

Присев на мраморную ступень, Енс Боот впал в мечтательное состояние. Над круглыми куполами, над чернью пиний, над Римом горела, умирая, рыжая челка дивной мадам Люси Бланкафар, урожденной Фламенго.

На неразвернутой газете лежал пучок фиалок. Енс Боот мечтал.

Потом он взял газету. Фиалки упали. Он не узнал курса лиры. Он бежал к вокзалу, дико вскрикивая и сбивая с ног прохожих, как бежал он несколько лет тому назад с полотером Чугом по снежной пустыне брать Европу.

Ласточки все еще летали. Нимфы плакали. Поезд в Венецию отходил в 9 часов 20 минут.

На следующий вечер, часов в восемь, супруги Бланкафар мирно ели рис с компотом. Важный лакей, достойный палатки бывшего маркиза Фермучини, поднес Люси визитную карточку.

ЕНС БООТ

Директор "Треста Д. Е."

Нью-Йорк Европа.

— Ну, что? видишь? — прошептала Люси и самодовольно потрянула челкой.

— Я ухожу, — лопотал Жан. — Я — ухожу. До завтра. Молю тебя, кошечка, постарайся. Спокойной ночи, Главное — курс лиры. Ты получишь сто пар туфель.

Но Люси уже не слушала его.

Через полчаса Енс Боот, с огрубевшим телом и с ожесточенной душой, вступил в те мифологические области, где боги становятся дикими быками, а быки принимают божественный облик. Он был в сердце Европы. Далеко над Римом летали ласточки, принося тьму и любовь.

Бронзовые нимфы плакали.

В будуаре мадам Люси Бланкафар было темно. Тусклый фонарь висел, отъединенный и мертвый, как полярное солнце.

Он ничего не обозначал, но среди синей мглы горела божественная челка. Где-то в ванной капала вода, (Люси не плакала. Но не иссякали слезы нимфы.) Енс Боот, привыкший дышать тяжелым запахом чернил, печатной краски, химических лабораторий, крови, трупов, слышал теперь, как пахнет венецианская весна. Это началось с печального дыхания каналов, это кончилось вождеденной челкой, издававшей аромат болотных лилий и ирисов.

Так 19 марта 1933 года в 8 часов 45 минут пополудни Енс Боот сошел с ума. Взвалив на плечи непостижимую добычу, он носился по тесному будуару, опрокидывая флаконы из голубого венецианского стекла и крича:

— Я тебя нашел, финикиянка! После сорока лет трудовой жизни, многое испытал и во многом разочаровавшись, Енс Боот познал наконец все блаженство разделенной любви.

Он ничего не говорил. Люси также молчала, только из редка выпускала короткие, сладостные вздохи: Енс Боот не был Жаном Бланкафаром. Учесть количество поцелуев невозможно. Отъединенно горело полярное солнце, и педантичная нимфа в ванной вела счет секунд.

Среди ночи Енс Боот вдруг вспомнил, что он ждал мадам Люси Бланкафар, урожденную Фламенго, ровно девятнадцать лет. Это на мгновение огорчило его. Будучи простым человеком, он захотел, как и все смертные, услышать от нее слова раскаяния и любви.

— Люси, скажи: «Благодарю, я танцую».

И, задыхаясь под грузом неслыханного чувства, а также восьмидесяти семи килограммов, представлявших точный вес Енса Боота, Люси спешно повторила:

— Да, да! Благодарю, я танцую! Что случилось потом? Катастрофа? Смерть Люси? Окончательная гибель Европы? Нет, случилось нечто более ужасное, и вместе с тем ничего не случилось: настало обыкновенное утро. Белесый туман, просачиваясь сквозь жалюзи, задушил полярное солнце. За окнами кричали: «Апельсины мессинские, апельсины»; слез нимфы больше не было слышно. Энс Боот лежал на спине с закрытыми глазами. Он все еще был счастлив. Пришла мысль послать к черту трест, уехать с Люси и Финикию, есть финики и целоваться. Он улыбнулся. Тогда Люси решила заговорить:

Мон пти Жан! Я так тебя люблю. Я буду всегда танцевать с тобой. Только с тобой. Я так ждала тебя — в душе, я сама этого не знала. О тебе говорят необыкновенные вещи:

будто ты вроде короля Европы. Я тебя хочу просить об одном:

устрой повышение лиры. Ну хоть на неделю. Нам это очень нужно. Устрой мне маленький сюрприз, мон пти Жан! Устрой, я тебя поцелую.

Энс Боот по-прежнему лежал на спине с закрытыми глазами. Но он больше не улыбался. Люси продолжала:

— Ты не отвечаешь? Ты не хочешь? Это возмутительно! Мы разорены. Я не могу купить простеньких туфель. Это же безобразие! Почему ты молчишь? Конечно, я тебя люблю. Но я не могу себе позволить роскошь таких ночей без сюрпризов.

Теперь не те времена. Ты же был доволен...

Тогда Энс в раздумье раскрыл глаза. То, что он увидел, было воистину страшным. Энс Боот, видевший мертвых влюбленных на балконе Нюрнберга, припудренное лицо Чуга и оскал зубов председателя «Английского географического общества», от ужаса снова закрыл глаза.

Он обнаружил величайший в истории подлог: мадам Люси Плаикафар, урожденная Фламенго, оказалась не финикиянской царевной, но старой толстой бабой, похожей на дешевую потаскуху Марсея или Генуи. На простыню стекали полужидкие груди и мякоть живота. Пудра с лица местами слезла, и прогалины выдавали изрытую бороздами, угреватую кожу.

Маленькие глазки терялись среди лавы жира.

Енс Боот был подавлен. Он долго лежал, не глядя на Люси и не слыша ее бранных восклицаний. Девятнадцать лет об мана! Мадам Люси Бланкафар недостойна визита бога.

Вдруг он вспомнил что-то и прошептал:

— Не может быть... но ведь челка... дивная челка...

Енс Боот снова раскрыл глаза и с величайшей тревогой взглянул на свое последнее упование, на великолепную зарю волос. Но судьба явно издевалась над ним: среди рыжего за ката проступали грязно-зеленые волосы, похожие на струи бо лотного ила.

— Что это? Что это? — крикнул Енс.

— Я же тебе сказала, что мы разорены. Это просто плохая перекись.

Енс Боот вскочил с постели. Он поднял жалюзи. За окнами была мертвая Венеция, протухшая вода каналов, непроветренный чад гнилых домов, мерзость, падаль, смерть.

Рядом с ним стояла старая, нагая женщина в кружевных панталонах и, обдавая его запахом пудры, щекотавшей нос, приговаривала:

— Устрой повышение! Мон пти Жан, устрой! Енс Боот не выдержал и чихнул так громко, что все флаконы, не разбитые им ночью, виновато зазвенели.

Затем он вышел из комнаты. Не на биржу спешил он — поднимать падающие лиры, но в ванную, где ночью жила плаксивая нимфа.

Там Енс Боот вымылся с головы до ног холодной водой и проклял ночь любви.

Потом, через важного лакея, он послал мадам Люси Бланкафар сто долларов и вышел из палатки бывшего маркиза Фермучини.

Бедный Енс, что он испытал в гондоле, плывя по узкому каналу и слушая песни гондольера о бессмертной любви! В вокзальном буфете Енс Боот заказал бутылку содовой и вынул записную книжку. В ней находилась маленькая карта Европы.

Крохотным красно-синим карандашиком он коснулся карты.

Тело красавицы было уже почти свободно от людей.

«Теперь двадцать девятое марта тысяча девятьсот тридцать третьего года, — подумал он. — Очень хорошо. Продолжим».

И красно-синий карандаш перечеркнул голову, а также правую руку вожденной царевны.

23 «я ничего не помню»

За окнами вагона были нежные холмы Умбрии, похожие на девическое тело, и рыжий закат. Енс Боот старался не глядеть в окно.

«Проклятая память, — думал он. — Если б ничего не пом-нить! Если б выкинуть из головы и уроки мифологии, полученные в среднеучебном заведении, и видение в «Тн стар»: молоденькую барышню, огненную челку, плохую перекись! Если бы забыть любовь!..»

Так думал Енс. За окном зеленела весна. Поезд шел в Рим. Енс Боот слушал грохот колес, язык привычный и родной, как ход «Омегу» в кармане жилета, как ход сердца под жилетом, — меру долготы, поступь времени.

Это его тоже мало утешало. Он стал прислушиваться к беседе соседей.

— Масло снова вздорожало на триста лир, — скорбно пожаловалась молодая, красивая женщина.

— Вот приедет сюда Джиованни Ботто, хуже будет, — ответил ей кто-то.

— Говорят, что он уже приехал в Рим и привез какие-то колоссальные пушки.

В разговор вмешался почтенный пассажир с серебряными прядями волос.

— Как это показательно для гибнущей цивилизации! Расцвет суеверья. Какой-то журналистик за кружкой пива родил этого Ботто, и все, вы только подумайте, не бабки, нет, — политики, писатели, даже некоторые ученые уверовали в него.

Услышав рассуждения почтенного пассажира, Енс Боот определенно обиделся. Его отцом являлся не журналист, а как-никак властелин хотя небольшого, но все же государства. Однако, зная злые чувства, присущие всем людям, Енс Боот предпочел сохранить свое инкогнито.

Беседа продолжалась. Элегантный господин спортивного вида поддержал почтенного пассажира.

— Да, все стали ужасно суеверны. Иногда мне кажется, что мы возвращаемся к средневековью. Вы, наверное, уже слышали новую басню: будто в Бриндизи и в Неаполе появилась непонятная болезнь «чикита». Я в Болонье видел одного образованного человека, директора фабрики макарон, который, услышав об этой чиките, решил бросить все и эмигрировать в Аргентину. Поголовное сумасшествие!

Дама печально вздохнула, раскрыла корзиночку и вынула коржики с маком. Один из этих коржиков достался растроганному Енсу. Как он был чувствителен к женской ласке в эти столь трагические для него часы! Съев коржик, он выразительно взглянул на прекрасную попутчицу. Но ответный взор выражал лишь материнскую заботливость.

Тогда Енс Боот решил вступить в общение с красивой дамой.

Прекрасная синьора, Лючия Джоргто, умиляла его своей верностью. Синьоре Лючии было двадцать два года, и, несмотря на красоту, молодость ее прошла печально. Восемнадцати лет она вышла замуж за настройщика роялей Пьетро Джорно. Все сулило счастье молодым супругам, страстно друг друга любившим. Но через неделю после свадьбы Пьетро был мобилизован и отправлен в Триполи. Четыре года Пьетро воевал. Четыре года Лючия ждала его. Она страшно бедствовала и добывала себе хлеб тем, что пыпшнала подвязки для богатых дам. Семь дней счастья, четыре года разлуки — так сложилась ее жизнь. По педелю тому назад она получила открытку из Бриндизи. Пьетро извещал Лючию, что получил отпуск и едет в Рим. Остановится он в пустующей комнате брата на виа Кавур. Лючия вышивала подвязки не только семь дней, но и семь ночей, чтобы заработать деньги на билет до Рима. Но теперь она волновалась: виа Кавур, кажется, находится далеко от вокзала, у нее нет даже пятидесяти лир на трамвай. Как быть с корзинкой?

Енс Боот, разуверившийся в своей любви, умел чтить чужую. Он взволнованно вытер глаза платком и предложил синьоре Лючии довести ее до виа Кавур, где ждет супругу нетерпеливый супруг.

Оставшееся время Енс Боот провел в беседе с почтенным пассажиром. О случайности путевых встреч писалось немало. По велико было удивление Енса, когда он узнал, что этот скромный господин с серебряными прядями волос, получивший от Лючии маковый коржик и скушавший его не без удовольствия, является

Франческо Бари — выдающимся философом Европы последнего десятилетия.

Енс Боот, правда, никогда не читал книг, тем паче философских, но ему приходилось проглядывать ежедневно груды газет, и там он часто встречал это имя. Великий философ в 1931 году выпустил книгу «Прехождение и существо», в которой с гениальной прозорливостью анализировал процесс отмирания Европы и все мыслимые трансформации ее бытия.

Беседа с Енсом Боотом, Франческо Бари невольно затронул свою любимую тему. Он начал говорить о конце Европы. Это не было ни политическим обзором, ни моральной ламентацией: философ говорил о жизни и о смерти, о черном зерне, зеленом ростке и о пышной розе. Казалось, он еще чувствовал на кончиках пальцев ее тяжелый густой аромат — полдневный зной флорентийского Возрождения. Франческо Бари никого не упрекал и ни с кем не спорил. Это являлось простой биографией, но биографией, рассказанной влюбленным: каждая родинка в ней становилась мифом.

Капля воска на плече дремлющего Эроса. В сырой синеве катакомб каменное яйцо. Протяжное «мопжуа» полосатых угрюмых людей, умещавших костями великие дороги Европы. В темном кабачке, где дружно пьянствовали палач, выворачивавший на дыбе суставы, и богомольный вор, — внезапный шепот. Роза Роз, Маргаритка Маргариток. Аминь. Взрыв света. Спасайтесь, мир затоплен солнцем! Полнота и строгая печаль от готовальни, где циркуль и число, от розы, от двух, костей и черепа, от мрамора, от света. Дикая птица Леонардо. Вежливая пустота и неприятности Кандида. Рык карманьолы. Парик на пике. Желтое облако пороха и прочие театральные эффекты корсиканца. Прогресс. Комфорт. Пустота, но уже без вежливости. Костыль. И последние прыжки. На Пер-Лашез, среди бисерных венков и рыжей крови: «Се ла лютт финаль...» Финал, впрочем, иной.

Обо всем этом говорил Франческо Бари. Енс Боот слушал его, явно взволнованный, ведь он слушал повесть о высоких и горьких днях своей возлюбленной.

Цветенье и смерть Европы сливались с его горем. Когда Франческо Бари сказал об эпохе Лоренцо: «Это было как бы остановкой в зените бытия. Серебряные вожжи выпали из рук

возницы. Казалось, что рыжегривую коми, вскинув копыта, уже никогда их не опустят...» — Енс вздрогнул. Неужели это было в XV веке, а не в 1914 году? Во Флоренции, а не в «Ти-стар».

Незабвенная Люси!

А когда Фраическо Бари грустно усмехнулся: «И вот агония. Тупая жадность какого-то Брандево. Больше никто, даже для этикета, не твердит о «великих принципах права». Все ясно...» — Енс Боот прервал его непонятным восклицанием:

— Это перекись! Это просто плохая перекись!

Енс Боот замолк. Другие еще говорили о баснословной чи-ките, о Джиованни Ботто, о погоде. Енс молчал и думал:

«Почему я не в силах забыть всего? Почему я должен хранить эти нежные виденья? Мне хочется плакать. Мне не хочется жить. Мертвая любовь. Мертвая Европа. В грязном, темном вагоне никому не нужный пассажир».

Наконец показался Рим. И Енс Боот впервые понял, что этот город, столь хорошо ему знакомый, не что иное, как каменная память, страшное проклятье людей.

Эти строения были не просто строениями, но окостеневшим временем. Здесь года не расплывались в легком эфире, они оставались, чтобы мраморной или гранитной пятой давить задыхающуюся землю. В ночи стоял гигантский скелет, и каждый позвонок его напоминал о речах Франческо Бари.

Злой рок привел Енса Боота, жаждавшего забвенья, именно в Рим. Но делать было нечего: дверь купе раскрылась, и расстроенный Енс вышел на платформу, не забыв, однако, о корзине синьоры Лючии.

Попутчики расстались трогательно. Франческо Бари пригласил Енса зайти как-нибудь к нему побеседовать на досуге все о том же, то есть о диковинной судьбе Европы.

Енс Боот повез, как он обещал, синьору Лючию на виа Капур. В большом семиэтажном доме они долго разыскивали комнату синьора Джорно. Наконец какой-то мальчик показал темную винтовую лестницу.

— Здесь, на самом верху. Третья дверь.

— Синьор Джорно? — спросил Енс Боот, когда на звонок показалось чье-то бледное, изможденное лицо.

— Я. Что угодно?

Но здесь Лючия, оттолкнув Енса, кинулась к двери.

— Пьетро! Ты! Любовь моя!

— Простите, вы ошиблись.

— Пьетро! Ты меня не узнаешь! Санта Мария! Что с Гобой?

Думая, что счастливой встрече супругов препятствует темнота, Енс Боот зажег электрический фонарик, всегда предусмотрительно хранившийся в его кармане. Яркий свет облил потрясенную женщину.

— Пьетро! Теперь ты узнаешь меня? Нет? Господи, ты ослеп?

— Ослеп? Порка мадонна! Вздор какой! Я великолепно вижу вас. Но вы, вероятно, ошиблись дверью. По крайней мере я вас не знаю.

— Что с тобой, Пьетро? Я ведь не так изменилась. Ну посмотри на меня!

Со слезами бедная Лючия припала к своему супругу и стала целовать его.

— Пьетро, мальчик мой! Ну поцелуй твою бедную девочку!.. Я так ждала тебя.

Енс Боот стыдливо погасил фонарь. Пьетро ворчал:

— Какие нахальные девки пошли. Врываются в квартиру, и никаких...

— Пьетро! Я умру! Пьетро!

После минуты раздумья Пьетро сказал:

— А впрочем, ты девочка того... расторопная. Хочешь — заходи. Но я ведь солдат, в отпуску, больше пятисот не получишь.

Дверь закрылась. Енс Боот остался с корзиной. Вспомнив беседу попутчиков и больное, измученное лицо Пьетро Джорно, он стал догадываться о значении происшедшего.

Поставив корзину у двери, Енс Боот закурил сигарету и стал медленно спускаться. Когда он уже был внизу, до него донесся женский плач и грубый голос:

— Будет! Получай деньги и проваливай!

Минуту спустя что-то мелькнуло в темном пролете лестницы. На дне дома лежал труп разбившейся Лючин. Люди перекликались:

— Что там?

— Девка вниз бросилась. Верно, спьяна.

— Уж не чикита ли? Потом все смолкло.

Бедная синьора Лючия Джорпо, вышивая подвязки, она ровно четыре года ждала этой минуты!

Енс о многом догадывался, угрюмый, он брел по темным улицам. А навстречу ему мчался дикий трамвай. Бледное лицо вагоновожатого выражало недоумение. Пассажиров и кондуктора не было, они успели спрыгнуть на ходу. Только на задней площадке стояла женщина с грудным младенцем и отчаянно вопила. Трамвай несся уже час по тихим улицам, по пустым путям. Было 2 часа ночи, и других трамваев не было.

Редкие прохожие усмехались:

— Трамвай взбесился.

— Никита?

Женщина все еще вопила. В 3 часа ночи трамвай, подпрыгнув, замер где-то на окраине. Вагоновожатый сошел вниз и рассеянно зевнул: поздно, пора спать. Женщина молчала. Кричал теперь ребенок, тщетно чуть прорезавшимися зубками въедаясь в холодную, мертвую грудь.

На следующее утро Енс Боот увидел странное зрелище. В центре Рима, на пьядца Венеция стоял корректный господин с ленточкой в петлице. Растерянно оглядывая близорукими глазами прохожих, он приподнимал свой котелок и спрашивал:

— Простите, синьор, будьте столь любезны, разъясните мне, где я и кто я?

Вместо отпета прохожие неслись прочь с шепотом:

— Никита! Никита!

Площадь мигом опустела. Два полицейских подошли, чтобы узнать в чем дело, но, услышав вопрос господина, забыли о своей службе и расплакались.

Енс Боот не убежал с пьядца Венеция. Он долго стоял рядом с корректным господином. Не милосердие удерживало его, нет, зависть.

— Если б, как он!.. Люси... Европа... проклятый Рим!.. Вокруг Колизея цвели курослеиы и мяукали кошки. Навстречу Енсу неслись газетчики, выкрикивая:

— Никита в палате депутатов!

«Сегодня при обсуждении законопроекта об учреждении консульства в Харбине и Самуме разыгрался тяжелый инцидент. Уважаемый депутат Неаполя, синьор Этторе Черапуги, взошел на трибуну и явственно раскрыл рот, чтобы предложить поправку, но не произнес ни единого слова. По залу прошла дрожь. Некоторые

депутаты кинулись к выходу. С мест для публики раздался крик «чикита!», Тогда уже все депутаты, опрокидывая скамьи и давя друг друга, понеслись прочь. Депутаты — Турина, синьор Чезаре Плиньи, и Арконы, синьор Паоло Вальди, — скончались от полученных увечий. Палата депутатов распущена».

В этот день улицы Рима напоминали кулуары палаты депутатов.

Люди то неслись, как испуганная отара, то останавливались, тупо озираясь. Автобусы и трамваи, пренебрегая маршрутом, металась по городу и налетали друг на друга. Автомобили давили беспечно улыбающихся пешеходов. Многие магазины оставались открытыми всю ночь. Шли грабежи.

Вечером на станции «Рим» произошла грандиозная катастрофа. Дежурный растерянно тер голову кулаком — он никак не мог вспомнить расписания. Экспресс Неаполь — Париж налетел на пассажирский Рим — Болонья. Восемьсот четырнадцать человек были убиты. Дежурного арестовали. По дороге в тюрьму он улыбался и насвистывал чой.

В Риме слышалось одно слово. Прежде говорили: «макароны с подливой», «поцелуй меня», «как сегодня лира?»- теперь все это было забыто. Макароны могли стынуть).. Наивные губы напрасно ждали поцелуев. Лира катилась вниз при общем равнодушии.

В Риме больше не было ни макарон, ни поцелуев, ни лир. В Риме была чикита.

Городское врачебное управление вело статистику.

До 1 апреля значилось:

подозрительных заболонеппй — 8.

1 апреля..... 23.

2 апреля..... 311.

3 апреля..... 619.

4 апреля..... 2487.

6 апреля..... 911.

7 апреля..... 4317.

8 апреля..... 8117.

Позднейших сведений не сохранилось, так как 8 апреля все служащие врачебного управления заболели чпкитой.

Римский корреспондент «Тан», успевший своевременно перебраться в Ниццу, так описывал новую болезнь.

«Чикита безусловно является опасной формой малярии. Она занесена солдатами из Триполи. В январе с. г. в один из независимых оазисов, а именно в Хойтш, была отправлена карательная экспедиция. Все туземцы были истреблены немедленно, а туземки — после удовлетворения потребностей армии. Солдат 17-го линейного полка Николя Педри вскоре заболел лихорадкой, но быстро оправился. Однако болезнь оставила тяжкие последствия: Николя Педри абсолютно потерял память. Он даже не мог вспомнить своего собственного имени.

На транспорте «Реджина Елена», на котором возвращались в отпуск тысяча сто восемнадцать военных, в том числе и участники экспедиции в Хойтш, было замечено несколько случаев однородных заболеваний. Больных изолировали, но эта разумная мера, к сожалению, не принесла желаемых результатов. «Реджина Елена» прибыла в Бриндизи 12 марта. Через неделю, то есть 19 марта, эпидемия новой болезни свирепствовала в Бриндизи. Оттуда чикита перекочевала сначала в Неаполь, а потом, в конце марта, и в Рим.

Заразившийся чикитой испытывает сильный приступ лихорадки (40° - $40,5^{\circ}$), обыкновенно ночью. Приступ длится от четырех до шести часов. Наутро больной чувствует себя здоровым, испытывая лишь некоторую усталость. Ночной жар он склонен отнести к спамкошмарам. Как всегда, он встает, даже отправляется па работу. Но здесь-то и сказывается коварная сущность чикиты. Специфический яд, вырабатываемый ее микробом, действует на мозговые центры: больной теряет память. Иногда эта потеря носит абсолютный характер, в таком случае больной ничего не помнит и превращается в дикаря. Иногда больной забывает только лица или только имена. Отмечены случаи частичной потери памяти самого разнообразного порядка: один человек забыл все числа и знаки (к сожалению, он являлся дежурным па электрической станции), другой, известный поэт Марко Пучи, забыл свой родной итальянский язык, сохранив способность изъясняться по-французски, и т. д. Приступы пароксизма повторяются каждые двадцать четыре часа. После четырех — шести приступов больной умирает от ослабления сердечной деятельности. Случаев выздоровления до сих пор не наблюдалось.

Что касается способов распространения чикиты, то при дапных условиях трудно сказать что-либо определенное. Однако профессор

Римского университета, синьор Каньо, накануне своей смерти произвел некоторые удачные опыты. Синьор Каньо пришел к убеждению, что чикита распространяется с помощью обыкновенных человеческих блох. Ни другие паразиты, ни комары ее не переносят. Если эта гипотеза верна, то легко понять, почему чикита нашла столь благодарную почву в Италии. В своей последней корреспонденции из Рима я сообщал о буквальном нашествии блох на этот город...»

Так описывал чикиту специальный корреспондент газеты «Тан». Что же, он честно зарабатывал свой хлеб, и, в общем, его статья не была столь далека от истины. Правда, в ней недоставало одного ценного указания: небольшой патриотический союз «Д. Е.» — «Декапитацпоне дельи эбреи», не найдя в Италии достаточного количества евреев для отрезания голов, занялся арабами. Некто Джулио Чикаретти, секретарь союза «Д. Е.», тщательно изучил особенности климата Триполи. По настоянию союза «Д. Е.», поднявшего шумную газетную кампанию, была отправлена карательная экспедиция в Хоптш.

Перечеркнув в вокзальном буфете руку и голову финикийской царевны, Енс Боот отнюдь не хвастал. Накануне своей печальной поездки в Венецию он беседовал в скромной молочной с Джулио Чикаретти.

— стакан теплого молока, — сказал Джулио, Выпив молоко, он добавил:

— Оазис Хойтш. Состоялось, И Енс Боот ответил:

— Прекрасно, я плачу за ваше молоко.

Конечно, всего этого не знал, да и не мог знать специальный корреспондент «Тан». Что касается Енса Боота, то он не любил посвящать широкую публику в свои дела.

Несмотря на успех предприятия, Енс Боот был грустен. Среди людей, потерявших память, он бродил одинокий и жаждавший забвенья.

— Люси... Европа... Любовь... Как забыть вас?..

Но даже у блох есть свои вкусы. Очевидно, им не нравилось северное тело Енса.

Как-то, это было 17 апреля, чувствуя особо остро!! приступ меланхолии, Енс Боот решил отправиться к Франческо Бари и поговорить с ним о прошлом Европы. Что может быть слаще для

несчастливого любовника, нежели воспоминания о золотых днях юности?

Увы, Енсу Бооту не было суждено утешить своего отчаявшегося сердца. То, что он застал в квартире Франческо Бари, еще более огорчило его. Великий философ сидел на некоем детском приспособлении в одной рубашке и напевал бессмысленную песенку:

Уно, дуо, тре. Кафе! Кафе! Кафе! Куатро, синке, сеи, леи, леи, леи!

— Я пришел побеседовать с вами об Европе, синьор Бари, о прехождении и о существе, — вежливо сказал Енс.

Но он услышал лишь младенческий писк.

— Хочешь играть в прятки? — предложил Франческо Бари и, не дожидаясь ответа, залез под кровать. Серебряные пряди его волос подметали пол.

Енс Боот попробовал привести философа в нормальное состояние. Он напомнил ему дорогие имена.

— Монжуа... ренессанс... романтики... Лютеция...

Но Франческо Бари, беспечно улыбаясь, играл хвостиком своей рубашонки.

Вдруг что-то человеческое мелькнуло в его глазах, он ударил себя по лбу и мучительно прокричал:

— Я не помню! Я ничего не помню!

Но через минуту идиотическая улыбка затмила скорбь, и философ снова запел:

Уно, дуо, тре. Кафе, кафе, кафе! Енс Боот вышел. Он покинул Рим.

Кругом была прекрасная Кампанья. По ней бродили коровы. Их давно не доили, и молоко кидалось в круторогие головы. Коровы, в свою очередь, кидались на редких прохожих.

Некоторые римляне бродили по Кампанье. Среди развалин древних этрусских городов они разыскивали свои конторы и магазины.

— Где здесь находится склад подшипников «Электра»? — спросил Енса какой-то субъект.

Это были больные чикитой и потерявшие память. И этим людям завидовал Енс.

— Хоть бы заполучить чикиту! — шептал он в минуты слабости.

Но судьба, всегда покровительствовавшая авантюристу, отказала ему в этом благодеянии.

Вдруг Енс увидел в траве теплый, чуть розовевший мрамор. Он был покрыт ржавчиной многих осеней и седым пухом земли. Но могли Енс Боот не узнать своей возлюбленной, дивной финикиянки Европы?

Здесь люди, шедшие в порт Остию и покидавшие для берегов Азии и Африки нежную Европу, молились любовнице Юпитера.

Мраморная финикиянка две тысячи лет тому назад чувствовала тепло сладковатого дыма священных жаровен. Но никогда прежде не знала она жара, охватившего ее теперь, прошедшего по голубоватым жилкам мрамора. Это целовал Европу великий сумасброд, увы, так и не заболевший чикитой.

24 енс боот знакомится с учением хулио хуренито

Вслед за рукой очистительной операции подверглась и голова. Чикита без особого труда переехала из Генуи в Барселону... Пиренейский полуостров, еще полгода тому назад занятый корридами и хунтами, забыл обо всем. Он был безлюдей, рыж и дик. Только шайки басков, среди которых чикита протекала почему-то в более легких формах, спустившись с Пиренеев на юг, кочевали по Андалусии. Они ели фиги и пронзительно кричали, как мулы.

Чикита не перешагнула через Пиренеи, и прекрасная родина господина Феликса Брандево еще раз могла похвастаться своим бессмертием.

Енс Боот находился в Амьене. Он осматривал, обдумывал, вычислял: пятый акт не должен разочаровать почтенную публику.

Но вечерами, закончив дела, Енс по-прежнему тосковал. Характер его с каждым годом становился все мрачнее. 'Зрелище стольких бедствий ожесточило его некогда нежное сердце. До памятного вечера в кабачке «Приятная встреча», когда полотер Чуг глядел недоуменно в зеркальце па свое припудренное лицо, Ей су Бооту были доступны милосердие и раскаяние. Но, взглянув на пудру господина Феликса Брандево, Енс Боот раз и навсегда окаменел. Конечно, он мог и теперь пожалеть синьору Лючию, но эта жалость не помешала бы ему выдумать дюжину новых чикит.

Он даже не опускал глаз и не отходил в сторону. Наоборот, пренебрегая опасностью, Енс Боот спешил всегда в ту страну, которая была на очереди. Хорошо осведомленный об интимной жизни министерств и генеральных штабов, он никогда не опаздывал. Это не было ни сладострастием палача, ни ревностью делового человека. Это было роком.

Два существа жили в Енсе Бооте: крупный авантюрист, преемник Наполеона, воплощение Юпитера, убийца Европы, директор «Треста Д. Е.» подготовлял, приказывал и, чуть усмехаясь, наблюдал за точностью выполнения. Это был один человек. Другой же являлся сентиментальным коммивояжером, влюбленным в какую-то

француженку, выполнявшим поручения господина Кригера, носившим корзину синьоры Лючии, вздыхавшим о милой пижаме и плакавшим при всяком удобном случае.

Один человек не мешал другому. Они оба расписывались совершенно одинаково па циркулярах треста и на любовных записках: «Енс Боот».

Единственное, чего не хватало Енсу Бооту, это была идея. Собственно говоря, ее отсутствие не препятствовало Енсу осуществлять свои планы. Но люди, подобные ему, обязаны думать о грядущем. Что смог бы ответить Енс Боот американцам XXI века, которые спросили бы его: почему ты уничтожил Европу? Нельзя отделаться маловнятными признаниями о челке Люси...

Енсу Бооту не доставало идеи. Совершенно случайно он набрел на нее. Это было в скучном захолустном Амьене.

В тихий вечер сентября, дописав письма, Енс, как всегда, тосковал. Разумеется, он вспоминал тяжелое разочарование, постигшее его в палаццо, бывшем маркиза Фермучини. Не удостоившись чикиты, Енс Боот решил попытаться приобрести более банальное забытье. Мадам Люси Бланкафар оказалась толстой уродливой женщиной с плохой перекисью. Енс отправился в первоклассный публичный дом, принадлежащий американской фирме «Куль и К0», разыскивая стройную девушку с натуральными волосами.

Экспедиция Енса Боота закончилась относительной удачей. Он получил от мадемуазель Жюли, рыжей и вежливой особы, соответствующее утешение. Но верное и далеко не ветреное сердце Енса вскоре заныло по-прежнему. Мадемуазель Жюли уже безмятежно спала, а Енс Боот, в голубых кальсонах, в сетке на волосах (которую он всегда надевал на ночь, чтобы не испортить пробора), шагал по комнате и вздыхал:

— Люси!.. Все это не то... Где ты, финикиянка?.. Финикиянка была рядом с ним и в нем, она тянула свои руки к морям — к южному, полному ракушек и спрутов, к северному, кишевшему серебром сельдей, она упиралась ногами в знаменитый столб, на котором сидел воробей. Но Енс Боот не помнил об этом. Он видел «Ти стар» и острый зубок, надкусывающий миндальное печенье. Енс Боот ходил по комнате. Он не мог уснуть.

Вдруг над кроватью он увидел растрепанную книжку. На переплете было вытиснено золотом:

ВНИМАНИЮ ГОСПОД КЛИЕНТОВ!

В этом высоконаучном произведении восхваляется наше гигиеническое и эстетическое заведение.

Зная, что публичные дома фирмы «Куль и К0» пользуются всемирной репутацией и рекламируются многими учеными, Енс Боот зевнул: вероятно, нечто медицинское...

Но, раскрыв книжку, он дочитал ее до конца, стоя под тусклым фонарем над спящей невинно мадемуазель Жюли.

Это была биография великого Учителя Хулио Хуренито, убитого в 1921 году в городе Конотопе, а также его избранные суждения.

Несколько раз, отрываясь от книги, Енс Боот ругался:

— Этот слюнтяй умел только философствовать, когда надо было действовать!..

— Ну что за фантазия таскать за собой семь круглых идиотов?..

— Умереть из-за сапог! Хорош гусь! Это все равно как если бы я умер из-за пижамы...

Но эти кощунственные слова были продиктованы светлым и высоким чувством: Енс Боот свято уверовал в учение великого Провокатора, Более того, он понял, что вся его жизнь, начиная с проглоченного уса лангуста и кончая посещением дома фирмы «Куль и К0», лишь осуществление дивной идеи Хулио Хуренито.

Теперь Енс Боот знал, зачем он уничтожает Европу, Перед голубеющим окном, в голубых кальсонах, трепещущий и умиленный, повторял он незабываемые слова покойного мексиканца;

«Нет, не ненависть- величайшая нелюбовь опустошила мое сердце... И все же он придет — час свободы, восторга, бездумья...»

— Зачем ты не дожил до наших дней, Учитель? — шептал Енс- Но будь спокоен: в тысяча девятьсот семидесятом году не поставят памятника твоему убийце. К тысяча девятьсот семидесятому году в Европе будут лишь солнце, зверобой и щебет птиц.

И, хитро подмигнув глазом, Енс продолжал:

— Ты тоже ее любил!.. Ты оставил для нее свою Мексику... Умирая в грязном Копотопе из-за каких-то сапог, ты видел гордую поступь финикиянки... Будь спокоен, я-то ее заполучу!..

Это была великая минута.

25 что иногда падает с неба

Франция была почти бессмертной. Все рантье живыми просились в Пантеон. Но такие исключительные удачи всегда отражаются на душевном равновесии, и Франция томилась, не зная, какую страну можно еще уничтожить. Как будто все страны Европы были уничтожены. Оставались жалкие огрызки.

В 1935 году господин Феликс Брандево решил с горя подобрать оставшиеся крохи. Швейцария и Бельгия были присоединены к Франции в течение одиннадцати минут. Голландия не подчинилась постановлению, превращавшему ее во французский департамент «Дюн». Покопавшись в архивах, голландские журналисты написали двусмысленные статейки о затоплении страны. На что надеялись эти люди, отстаивая независимость своей родины, для нас остается тайной. Возможно, что в них жил дух великих мореплавателей прежних времен, и они рассчитывали отплыть вместе со своей страной куда-нибудь в иное полушарие. Так или иначе, узнав о сопротивлении голландцев, господин Феликс Брандево серьезно оскорбился. Он не хотел войны. Он давно стал пацифистом. Кроме того, объявить войну — это означало бы смутить покой симпатичных американцев. Господин Феликс Брандево решил ликвидировать конфликт по-семейному.

— Займитесь Голландией, — сказал он своему военному министру, генералу Легату.

— Голландия? А что там? Горы? Флот? — спросил исполнительный министр.

— Там дождь и сыр.

— Насчет сыра я профан. Но дождь, но дождь... Я займусь дождем...

— Только, пожалуйста, потише, — предупредил его господин Феликс Брандево. — Нельзя обижать американцев.

Этот разговор происходил 18 августа 1935 года. 19 августа «Журналь де Даба» писал:

«Из вполне авторитетных источников нам сообщают, что французское правительство настроено вполне миролюбиво по

отношению к Голландии и не предпримет никаких военных мер. Если маленькая Голландия сама не понимает экономических и моральных преимуществ присоединения ее к Франции, мы можем только пожалеть эту страну. Войны, во всяком случае, не будет».

— . Войны не будет! — кричали продавцы газет па улицах Парижа и Амстердама.

Они были правы. Войны действительно не было.

Правда, Енс Боот спешно отплыл в Голландию. Но эта поездка была исключительно вызвана вполне естественным желанием повидаться со своей матерью, Анной Боот, с которой Енс расстался ровно тридцать четыре года тому назад.

В Голландии Енс Боот увидел то, что должно было увидеть, то есть дождь и сыр.

(Господин Феликс Брандево хорошо знал географию.)

Не останавливаясь, Енс Боот проехал прямо на остров Тес-сел. Где-то произошли грандиозные катастрофы. Погибла почти вся Европа, Работал «Трест Д. Е.», Здесь же морские птицы несли яйца, и мирные жители, не думая о судьбах народов, кушали вкусную яичницу.

С величайшим волнением вошел Енс в скромный домик. Анна Боот молилась. Упав на колени, долговязый Енс припал к желтым сморщенным рукам матери и покрыв их поцелуями. Когда тридцать восемь лет тому назад он проглотил ус лангуста, это было очень больно, и матушка тогда утешала его. Теперь, познав измену мадам Люси Бланкафар и гибель Европы, он крайне нуждался в материнском утешении.

Услыхав запах мыльного порошка и рыбы, исходивший от платья Анны Боот, Енс вспомнил детство. Директор «Треста Д. Е.» почувствовал себя малым ребенком.

Анна Боот выронила из рук псалтырь. Вошедший человек напомнил ей короткий, но тяжелый грех далекой молодости.

— Господи, прости и помилуй, — прошептала она. Матушка, я твой сын Енс!

«- ч Неправда! Ты искуситель, — с величайшим недоверием ответила ему Анна Боот. Енсу пришлось показать матушке родимое пятно на своем животе и в придачу еще паспорт. Тогда старуха, обливаясь слезами, стала целовать угрюмое, костистое лицо Енса.

Шел дождь. Час спустя, разглядывая элегантный костюм сына, Анна Боот спросила не без тревоги:

— Чем ты занимаешься, Енс?

Директор «Треста Д. Е.» не захотел огорчить свою старую мать. Он цедрежно ответил:

— Я был массажистом и охотником. Теперь у меня маленькое бюро похоронных процессий.

При этих словах глаза Енса Боота убежали в сторону. Сердце матери отличается прозорливостью. Айна Боот сказала сыну:

— Ты мне солгал, Енс. Может быть, ты стал жуликом или, господи помилуй, убийцей?

Анна Боот плакала. Шел дождь.

Енсу хотелось покаяться матери во всех грехах, лечь в детскую кроватку, съесть большое яйцо морской птицы всмятку и уснуть навеки. Но он преодолел это естественное желание.

Вечером Анна Боот, утомленная событиями дня, задремала в кресле. Енс вышел из дому. Дождь не переставал. Впрочем, дождь в этой стране может идти, не переставая, три месяца, и не дождь удивил Енса Боота. Он увидел странную картину: весь берег был покрыт мертвыми морскими птицами. Они падали с неба на глазах у Енса, падали, как камни.

Когда Енс вернулся, его мать проснулась от скрипа двери. Кис решил поделиться с ней своими впечатлениями:

— Матушка, весь берег покрыт дохлыми птицами. Они падают с неба. Что бы это могло значить?

Анна Боот снова заплакала.

— Это значит, что ты принес несчастье в мой дом. Никогда птицы не умирали здесь. Ты не сын мой, а дьявол!

Енс Боот, директор «Треста Д. Е.», услышав слова матери, задрожал, как ребенок, которому рассказали страшную сказку. Суеверный страх овладел им. Может быть, он, проклятый всеми человек, действительно принес беду своей старой матери?.,

Енс дрожал. Мать плакала. Шел дождь.

— Дай мне стакан воды, — сказала среди слез Анна Боот. — Дьявол, дай мне воды! Смотри, не обмани меня! Дай мне воды, а не дьявольского яда.

Енс вышел во двор, покрутил колесо колодца и принес матери стакан свежей, холодной воды.

— Пей, матушка, — сказал он с беспредельной нежностью. Пальцы его все еще продолжали дрожать. Анна Боот отпила полстакана. Она сидела молча в кресле. Через полчаса ужасная гримаса свела ее лицо. Стакан упал и разбился. Началась рвота.

— Ты обманул меня, Енс! Ты дал своей матери яду!.. Это были последние слова Липы Боот.

Енс бежал. Один на пустынном острове, устлан нем трупами птиц.

— О! о! о!

Какой-то рыбак перевез его на материк. Он не отвечал на вопросы. Он не видел людей. Перед ним были испуганные глаза матушки и стакан чистой воды.

Кругом умирали люди и звери, они умирали в городах и в деревнях. Голландия, не захотевшая присоединиться к великой Франции, умирала в корчах, с пеной на губах.

В Утрехте молодая Вильгельмина Майстрот рассказывала сказку своей дочери, прекрасной Дели:

— ... И с неба упала голубенькая звездочка...

— Мама, разве звезды падают с неба?

— Падают, детка, падают, Дели. На небе бог. С неба может все упасть...

И, кончив сказку, мама дала Дели «капли датского короля». Дели немного кашляла. Через пять минут в кроватке с сеткой лежал скрюченный трупик.

С неба падал дождь. Енс Боот бежал по размытым дождем полям, падал, подымался, снова бежал, бежал и кричал:

— О! о! о!

На этот раз Енс Боот хотел явно невозможного: он пытался убежать от самого себя.

Через две недели в Голландии не было людей. Дождь все еще шел. В складах высились красные горы несъеденного сыра.

Среди бумаг господина Феликса Брапдсво сохранилась крохотная записка:

«Триста аппаратов... В облака при образовании... Дождь... Шесть дней».

Но читать чужие письма по меньшей мере неприлично. Войны не было. Американские пацифисты послали господину Феликсу Брандево приветствие и голубку из массивного (не дутого) золота...

26 «сто „афро“, и поскорей...»

Двадцать второго мая 1937 года заборы Перпиньяна украсились прекрасными трехцветными афишами:

ДОРОГИЕ СОГРАЖДАНЕ!

Отечество в опасности!

Начиная с апреля 1936 года отдел записи гражданских актов не зарегистрировал в Перпиньяне ни одного рождения.

Что станет через двадцать лет с прекрасным Перпиньяном? Кто будет голосовать при выборах в парламент?

Кто будет читать уважаемую газету «Л'об де Перпиньян»? Кто будет пить отменные, не фальсифицированные аперитивы?

Граждане, опомнитесь!

Городской совет постановил выдать сто золотых франков и почетный диплом гражданину, который окажется способным стать отцом. Для торжественного акта будет предоставлен большой зал муниципалитета. Решение вынесет жюри под председательством городского врача д-ра Ликико. Кандидаты должны записаться у секретаря.

Спешите, дорогие сограждане!

Спешите, пока не поздно!

Мы верим в ваше мужество!

Мэр города Перпиньяна.

Альфонс Мэрдо.

С утра до вечера у афиш толпились дорогие сограждане Мэрдо.

— Ровно через двести семьдесят дней в Перпиньяне родится не менее десяти тысяч детей, — куражился молодой и прекрасный нотариус Балье. — Я не иду записываться только потому, что не привык стоять в очереди, — там, наверное, сегодня давка.

Но мосье Балье ошибался. Секретарь мэрии весь день безнадежно глядел в окно. На площади происходила собачья свадьба. Собаки весело тьякали. Секретарь зевал. Ни один кандидат не явился.

Мы предостерегаем, однако, читателей от неверного вывода, будто Перпиньян являлся исключительно порочным и за свой грехи

наказанным городом. Нет, во всей Франции можно было наблюдать однородные явления:

- 1) абсолютную безработицу среди акушерок.
- 2) тишину на улицах, вследствие полного отсутствия граждан нежного возраста.
- 3) превращение всех начальных школ в танцклассы для взрослых.
- 4) систематические самоубийства фабрикантов игрушек, и прочее.

Историк — не стыдливая отроковица. Он обязан с беспощадной настойчивостью приоткрывать завесу, отделяющую нас от жизни общества былых времен, и не его вина, если эта жизнь мало согласуется с великими заповедями добра и приличия. Наш долг — выяснить причины, которые довели Францию до столь ненормального положения.

Первенствующую роль среди них играет, разумеется, война. В течение двадцати пяти лет, почти без перерывов, Франция воевала. Она содержала под ружьем миллионы граждан. Мальчики пятнадцати лет, мобилизованные в спешном порядке, немедленно разворачивались. На интендантство было возложено снабжение четырех тысяч восьмисот базовых и семнадцати тысяч шестисот летучих публичных домов для солдат. Легко себе представить, как это отражалось на санитарном состоянии населения. Уже к 1935 году статистика показывала уменьшение рождаемости на сорок восемь процентов.

Тогда появилось на сцену спасительное лекарство. Владелец большой фабрики химических изделий «Д. Е.» выпустил в продажу золоченые пилюли «Афродитин». Это лекарство представляло из себя остроумную смесь эфирных веществ и семенных вытяжек. Оно одновременно служило для трех целей: преодолевало застенчивость, препятствовало увеличению населения, то есть отягощению бюджета, и, как всякий наркотик, веселило человека. Фабрика «Д. Е.» не успевала выполнять заказы. Вскоре ее владельцы сделались самыми богатыми людьми Франции. Что касается публики, то она нежно полюбила «Афродитин» и даже, для удобства, звала его запросто «Афро».

Пилюли, как мы уже сказали, были позолочены безвредным бронзовым порошком и продавались в изящной упаковке. Невесты преподносили своим женихам коробочки с пилюлями. Заботливые

тещи, отправляясь утром на базар за провизией, не забывали прихватить коробочку «Афро». В кафе предупредительные официанты, завидев парочку, кричали буфетчице:

— Два пикона-кюрасо — два! Один «Афро» — один!

Солдаты, эти исконные носители городской цивилизации, познакомили с чарами «Афро» и сельских жителей. В любой крохотной лавчонке, обслуживавшей рыбаков Бретани или пастухов Савойи, можно было теперь найти заветные пилюли.

Правительство господина Феликса Брандево, занятое уничтожением различных государств, а также истреблением последних коммунистов, не вмешивалось в интимную жизнь граждан. Как читатели видят, это было воистину либеральное правительство.

«Афро» стал подлинным героем. О нем писали большие научные трактаты. О нем слагали непристойные куплеты. В течение 1936 года было продано четырнадцать миллионов изящ-П ных коробочек.

На годичном собрании акционеров химической фабрики «Д.Е.» раздавалось одно только слово:

— Триумф!..

Акционеры принесли сердечную благодарность новому директору фабрики господину Енсу Бооту, который приобрел патент на дивный «Афро». Господин директор был весьма растроган.

К этому времени с достаточной ясностью сказались новые, дотоле неизвестные свойства волшебного лекарства. После трех-четырёх коробок «Афро» превращал молодого крепкого мужчину в самого исправного евнуха. Сначала афроманы испытывали слабость и сильные головные боли. Им приходилось увеличивать дозу лекарства. Многие доходили до восьми и даже до десяти пилюль. Наконец наркоз переставал вовсе действовать, и надеявшемуся на его благотворное влияние приходилось постыдно покидать поле сражения.

После того как все министры, сыновья министров, племянники министров и даже некоторые внуки министров испытали на себе разрушительное действие «Афро», правительство наконец заинтересовалось опасным фабрикатом. В Лилль, где находилась фабрика «Д.Е.», прибыл главный прокурор республики. Он узнал, что директор фабрики, господин Енс Боот, накануне отбыл неизвестно куда.

Фабрикация «Афро» была запрещена под страхом смертной казни. К сожалению, эта мера несколько запоздала. Вряд ли во всей Франции набралось бы двадцать тысяч мужчин, которые не познали бы надежд и разочарований «Афро». Огромное большинство французов примирилось со своей участью.

Этого нельзя было сказать о француженках. Среди них распространились нервные заболевания. Родильные дома были обращены в больницы для душевнобольных. Наиболее храбрые женщины убегали из дому и, добравшись до границ республики, за которыми начиналась пустыня, выжидали темноты. Сторожевым постам было приказано стрелять во всех, пытавшихся перейти границу. Ночью отважные путешественницы переползали через глубокие рвы. Многие погибали. Достигшие цели раздевались догола и ложились на землю, ожидая дикарей. Дело в том, что по всей Франции ходила легенда о великолепных варварах, которые якобы похищают женщин. Действительно, бродившие по пустыне люди — баски, лигурийцы или швабы — порой вознаграждали француженок за их подлинный героизм. Но большинство гибло от холода или от хищных зверей, которые, обнаглев, зачастую подходили к самым границам Франции.

Таково было положение к началу 1937 года. «Афро» вполне оправдал надежды, возлагавшиеся на него трудолюбивым директором фабрики «Д. Е.».

В палату депутатов был внесен срочный законопроект об импорте во Францию двухсот тысяч негров из колоний. Предполагалось после использования производительной энергии послушных дикарей сконцентрировать их на одной из окраин республики и уничтожить, чтобы они не вызывали излишних приступов ревности у законных белых мужей. Законопроект встретил, однако, сильное сопротивление со стороны Академии. «Бессмертные» утверждали, что новое поколение будет не чисто белого цвета, и в этом видели отступление от исконных традиций латинской расы. Напротив, прогрессивные круги приветствовали перемену окраски. В кабаре пели песенку, посвященную республике:

Марианна! Марианна!

Ты будешь — кофе с молоком...

Законопроект был отклонен тремястами шестнадцатью голосами против ста семидесяти четырех (триста шестнадцать «традиционных» депутатов были женаты, сто семьдесят четыре являлись свободомыслящими холостяками).

Тогда вновь созданное министерство народного размножения обратилось к префектам и мэрам отдельных городов с предложением организовать соответствующие конкурсы.

Прочитав циркуляр министра, мэр города Перпиньяна Мэр-до сочинил вдохновенную афишу, текст которой был нами воспроизведен в начале настоящей главы.

Это был первый конкурс, и вся Франция затаив дыхание следила за его результатами. В Перпиньян прибыли специальные корреспонденты всех крупных парижских газет, 356.

Представитель газеты «Пти журналъ» мосье Гропэт, желая опередить своих коллег, на вокзале сочинил первую телеграмму:

«Прилив кандидатов так велик, что возле городского совета военный отряд и команда пожарных охраняют порядок. Число кандидатов перевалило за двадцать тысяч. Великолепная погода благоприятствует событиям».

После этого мосье Гропэт побрился, позавтракал и направился в здание муниципалитета. Секретарь сидел у окошка и зевал. Большой лист, приготовленный для записи кандидатов, сиял девственной чистотой.

Мосье Гропэт составил вторую телеграмму:

«Положение несколько осложнилось благодаря иностранным интригам. Арестованы читинские шпионы. Погода по-прежнему благоприятствует. Франция победит!»

Мосье Мэрдо приказал всем своим чиновникам бросить занятия и предаться розыскам хотя бы одного мужчины, никогда не принимавшего «Афро». Чиновники бегали, потели, вздыхали. Гропэт телеграфировал:

«Чтобы победить, нужны крепкие нервы».

Подходящего человека не было.

Наконец 29 мая старый сторож мэрии Леон привел приятного застенчивого юношу, который жил скромно со своей престарелой бабушкой, сажал картофель и бобы, верил в бога и никогда не видал золоченых пилюль. Это было воистину нечаянной радостью. Мосье

Мэрдо прижал юношу к своему животу, обязанному трехцветным шарфом, и облил его ливнем патриотических слез.

— Ты Шарлемань, ты Жанна д'Арк, ты Дантон, ты господин Феликс Брандево, — шептал в умилении мосье Мэрдо скромному юноше, которого до этого времени звали Полем Пти.

Дальнейшее описание событий мы представляем поэтическому перу мосье Гропэта.

Четвертая телеграмма:

«Поль Пти прекрасен и смел. Его невеста, дочь мосье Мэрдо, самая красивая и нравственная девушка города.

Примеру Перпиньяна должны последовать другие города. Мы победим весь мир. Наблюдается приток американских туристов. Гостиницы переполнены».

Пятая телеграмма:

«Мэрия убрана флагами и электрическими вензелями. На площади радостная толпа. Устроены народные развлечения: карусели и стрельба в цель. В павильоне военный оркестр. Невеста уже в зале. Поль Пти подкрепляется ужином под наблюдением врачей».

Шестая телеграмма:

«Поль Пти скушал два яйца всмятку, шпинат и котлет де-воляй, выпил стакан минеральной воды. Оркестр исполняет туш».

Седьмая телеграмма:

«Поля Пти ведут. По вполне понятной стыдливости, он упирается».

Восьмая телеграмма:

«Поль Пти присел на ступеньку и попросил разрешения выкурить сигарету. Оркестр исполняет «Тореадор».

Девятая телеграмма:

«Поль Пти все еще сидит. Погода благоприятствует. В Перпиньяне прекрасные карусели. Задержан читинский шпион».

Десятая телеграмма:

«Восторг! Эллада! Галльский петух! Поль Пти вошел в зал. Двери опечатаны. Толпа хранит богомольное молчание. Эвоэ!»

В редакции «Пти журналъ» тщетно ждали наиболее важной одиннадцатой телеграммы. Ее не последовало. Перо изменило мосье Гропэту. Он не сумел описать финал торжественной ночи.

Ровно в 12 часов, когда оркестр исполнял «Марсельезу», в окне показалась жалкая физиономия Поля Пти. Юноша, напрасно пытавшийся взломать не только запечатанные, но и крепко запертые двери, решил прибегнуть к окну. Он горько плакал, а сквозь рыдания раздавались слова: — Сто «Афро», и поскорей!

Но уж никакой «Афро» не мог помочь последнему герою Великой Франции,

27 «необходимо побрить собаку»

Изо всех операций, проведенных «Трестом Д. Е.», для нас наиболее загадочной остается уничтожение народов, заселявших некогда Скандинавский полуостров. До нашего времени ни одному историку не удалось осветить этот хотя и второстепенный, но достаточно любопытный вопрос. Объясняется это не какой-либо особой сложностью скандинавской операции, а исключительно печальной случайностью. Когда в 2004 году был найден секретный архив «Треста Д. Е.», в нем не оказалось папки № 18 621, заключавшей все документы, связанные с событиями 1938 года. Архив хранился в негорючем шкафу мистера Твайвта. Мы не можем, таким образом, заподозрить ни воров, ни мышей. Нет, единственным виновником является покойный мистер Твайвт, любивший изредка перелистывать трогательные и назидательные документы. Однажды, отправившись на свою обычную утреннюю прогулку в огородничество с папкой № 18 621, он вернулся домой без бумаг. Подобные неприятности, рождаемые рассеянностью, происходят порой и в самых лучших домах. Но, увы, благодаря наивному жесту мистера Твайвта, мы лишены возможности с должной полнотой обрисовать гибель Скандинавии.

В наших руках находятся лишь шесть документов, которые мы и приводим полностью.

I. Записная книжка Енса Боота, в черной клеенчатой обложке. На странице сорок первой запись чернильным карандашом:

«26 ноября 1936 года. Сегодня глядел «Бранда»: Провинциал и дурак. Сливки и сметана + непримиримость перед законной супругой. Кстати, вспомнил: необходимо побрить собаку. ЙВ!»

II. Телеграммы в различные американские газеты за март 1938 года из Стокгольма, Копенгагена и Христиании.

«Замечены случаи сонной болезни. Приняты меры».

«На границах Дании установлен карантин».

«В школах произведены прививки».

«По мнению специалистов, сонная болезнь в слабой форме наблюдалась и прежде. В 1922 году в Нью-Йорке и в Москве были

легкие эпидемии».

«Смертность увеличивается».

«Американское правительство запретило всем судам заходить в порты Скандинавии».

«Эпидемия принимает угрожающие размеры». «Почтовое сообщение прервано».

III. Письма датского художника Иоганна Ольсэ к госпоже Габриели Боно в Париж.

Письмо л е р в о о.

«Я пишу тебе, Габриель, из «Тиволи». На этой скамейке мы сидели с тобой. Помнишь, за маленьким киоском? Ты показывала мне рыжие перчатки, у них были кисточки, как уши пумы. Я хотел тогда тебя написать в зеленом джемпере. Кричали дети. Сейчас здесь очень тихо. На соседней скамье сидит молодой человек с ракеткой для тенниса. Он все время раскрывает рот. Но ты не думай, что он поет или кричит. Нет, это просто, просто как все в зеленом, стеклянном, водяном Копенгагене: он зевает. Значит, через неделю санитары в масках потащат его в крематорий. Санитарам, впрочем, тоже захочется спать. Знаешь ли ты, Габриель, что такое сон? Легкий, звенящий, белесоватый, как этот город. Когда в глазах зияние и сигарета выпадает из пальцев. Ах, сон, сон!.. Моя бедная девочка, если бы ты знала, как мне хочется спать!..

Но, нет, не бойся. Я совсем здоров. Я могу бегать и плакать. Я могу любить. Еще сильнее, чем прежде. Я хожу вдоль пустых, оловянных каналов порта. Северное море пахнет сыростью и тишиной. Я ищу твои губы, смоляные, сухие, горькие, твои южные губы, Габриель! Я решил бросить все. Я приеду к тебе. Добраться, говорят, не легко. Но это вздор. Я должен быть с тобой. Ты помнишь ночи-в Эйс-берге, когда выла сирена и с неба сыпался золотой горох звезд. Я уже тогда понял: не просто любовь — иное. Если не мы, то кто же?.. Человек с ракеткой сейчас уснет. Они все уснут. А мы должны продлить... Нет, я не умею писать об этом. Скажу, когда увижу, вдохну в розовую раковину твоего уха, Габриель, мы назовем его Сандро!..

Я не лягу спать сегодня. Я буду на страже. Поцелуй меня, Габриель!»

Письмо второе.

«Габриель, я еду к тебе. Весь день я боролся с этим лживым дыханием воды. Легко понять — даже море зевает. Июнь. Белые ночи. Надо щипать себя, чтобы не уснуть. Я нашел лодку. Я еду вечером. Я слышу Париж. Итальянские бульвары. Гудение стальных жуков. В кафе звон стаканов. Смех. Кафе ведь у вас открыты до утра? Лишь бы не уснуть! Твои губы, Габриель! Только не дай мне уснуть! Еще три часа, и я отчаю. Лодочник спит. Санитары в масках на грузовике. С ними пастор. Пастор тоже зевает. Ты ведь знаешь это чувство — когда приятно холодеют ноги и в голову кто-то льет густой тягучий мед. Нет, это — смерть!.. Молю тебя, разбуди!..»

Письмо третье.

«Надо ехать. Не могу. Мама делала медовые пряники- слон с хоботом. Хобот был вкусней всего. Помнишь, когда я тебя поцеловал в плечо, ты засмеялась: «Я хочу спать». Милая, я тоже! Все спят. Поздно. Спокойной ночи. Надо мной стоит какой-то человек в маске. Мне кажется, что это...»

IV. Описание в № 316 чикагского журнала «Весь мир» сонной болезни.

«Симптомы: бледность, одутловатость. Глаза тускнеют. Движения ленивы. Внезапная сонливость. Слабый пульс.

Течение болезни: зевота. Сон до двадцати часов в сутки. В первые дни болезни больные еще пробуждаются для принятия пищи. Потом наступает полный сон без перерывов.

Микробы сонной болезни в течение четырнадцати — восемнадцати дней перерождают мышечные волокна в жир».

V. Отчет о последнем заседании норвежского стортинга 29 октября 1938 года.

Председатель. Объявляю заседание открытым. Голоса. Нет кворума.

Председатель. Восемьдесят девять депутатов скончались. Почтим их память вставанием. Слеп а. На правой сидят.

Депутат Гопсон (консерв.). Сидит только депутат Трольке. Он спит.

Перерыв. Санитары выносят депутата Трольке.

Председатель. Слово принадлежит депутату Ар-гену.

Депутат Арген (крайн. левый). Страна гибнет. Ожирение происходит от излишеств буржуазии. Мы больше не можем ждать. От

имени партии, профсоюзов и завкомов объявляю правительство низложенным. Стортинг распускается. Власть переходит...

В зале смятение. Депутат Арген внезапно замолкает.

Председатель. Слово принадлежит вам, уважаемый депутат Арген.

Депутат Арген молчит.

Депутат Тульби (соц. — дем.). Мы умоляем вас, коллега Арген, сказать, к кому же переходит власть? Это крайне важно.

Председатель. Увы, депутат Арген не может ответить. Депутат Арген спит.

Санитары выносят депутата Аргена.

Председатель (зевает). Объявляю заседание закрытым. Мне хочется спать.

VI. Каблограмма мистера Ойрка, специального корреспондента «Американской свободной ассоциации прессы».

«Крупная сенсация! В Скандинавии больше не осталось ни одного живого человека. Я совершил сегодня семь полетов. Я видел мертвый Копенгаген. Солнце играло на шпицах собора. По Дании бродят коровы. Они бодрствуют. В Стокгольме тихо, как в раю. На лицах некоторых спящих улыбка блаженства. Гибель этого народа — новое торжество чистого спиритуализма. Я лично наблюдал последние минуты последнего человека. Какая красота! Это был рыбак в фиорде Трольберга. Он выехал на утреннюю ловлю. Вода была бирюзовая, а солнце золотое. Рыбак вытащил сети. Серебряные рыбки трепетали. Он тихо вздохнул, прикрыл глаза рукой и уснул. Уснул сразу, как младенец. Сети ушли в воду. Рыбки весело разлетелись прочь. Рыбак спал под золотом солнца, над бирюзой воды. Евангелические видения! Святой рыбарь! Безусловно, скоро мы приступим к колонизации этих мест. Необходима грандиозная дезинфекция. Здесь много сырья: железо, медь, лес. Я видел смерть. Жизнь будет снова. Доброе утро, дорогие читатели!»

Тридцатого июня 1928 года, когда господин Кригср умирал среди развалин Берлина, в одном из танков стоял Виктор Бран-дево. Племянник премьера пустыми стеклянными глазами глядел в черный коридор столетий. То, что он видел, было воистину страшно. Солнце быстро остывало, оно висело на ледяном небе как огромный желток. Землю, покрытую кактусами и гигантскими мхами, давили мамонты, двуутробки, черепахи, исполинские пауки. Потом солнце совершенно исчезло. По лишаям поползли слепые карлики с лицами, густо поросшими рыжей колючей шерстью. Иногда они кидались один на другого с криком «чуй-чуй» и выпивали теплую, вязкую кровь. Виктор Бран-дсво, младший лейтенант французской армии, долго глядел на этих чудовищ. Он старался понять, кто они: прадеды или правнуки?

Когда на рассвете танки, закончив разрушение Берлина, двинулись в обратный путь, Виктор Брандево лежал с закрытыми глазами и бредил. Его поместили в лучший госпиталь Льежа. Месяц спустя в Льеж прибыл господин Феликс Брандево, чтобы лично вручить военную медаль своему героическому племяннику. Госпиталь был роскошно декорирован, а все гостиницы Льежа наполнены иностранными корреспондентами. Но обстоятельства в высшей степени загадочные омрачили торжественную церемонию. Когда премьер, закончив патетическую речь, хотел поцеловать больного война, он нашел на койке нелепое чучело.

Виктор Брандево таинственно исчез, и этим в свое время составил счастье как сыщиков, так и журналистов всего мира. Мы уже упоминали, что газета «Пепль» уверяла, что голландский авантюрист Жан Ботта не кто иной, как пропавший при странных обстоятельствах Виктор Брандево. Вряд ли нужно доказывать нашим читателям, хорошо знакомым с биографией Енса Боота, что смешение этих двух личностей является по меньшей мере неприличным.

Нам не удалось установить, что делал Виктор Брандево в течение десяти лет. Мы знаем лишь, что в 1932 году он находился в монастыре святого Игнатия близ Саламанки, удивляя всех монахов рьяностью

своих молитв и суровостью обетов. На исповеди брат Ипполит (таково было имя, принятое Виктором Брандево при пострижении) признался, что убил миллиарды людей, в том числе некоего фараона Ферункануна, содержателя кабаре «Альказар» и своего правнука, карлика, поросшего рыжей колючей шерстью.

Три года спустя мы находим Виктора Брандево в совершенно другой обстановке, а именно — среди слушателей Высшей военной академии города Томска. Он живет там под своим именем в качестве политического эмигранта, зарабатывает деньги уроками французского языка и занимается химией, а также электротехникой.

Вот все данные о жизни Виктора Брандево, которыми мы располагаем. Не желая низводить наш научный труд до уровня психологического романа, мы не пытаемся осветить душевных переживаний легко увлекающегося юноши, позволивших ему проделать достаточно сложный путь от танка до монастыря святого Игнатия и от исповедадьни до лаборатории Военной академии в самом неблагонадежном государстве. Мы не знаем также, когда и каким путем Виктор Брандево вернулся к себе на родину. Но 12 апреля 1939 года на собрании безработных в большом зале парижской «Биржи труда» выступил худой, черный человек в кепке. Потрясая кулаками, он кричал:

— Товарищи! Французская буржуазия, погубив Европу, теперь начала наступление на нас. Наши деды сумели ответить на предательства буржуев Парижской коммуной. Товарищи, Чита нам поможет! Америка накануне социальной революции! В Японии глухое брожение! По всем данным, в европейской пустыне также сохранились живые оазисы. Эти несчастные, пережившие ужасы войн и эпидемий, помогут нам свергнуть ярмо капитализма.

Смелее! Все на улицу! Необходим единый план действий. Да здравствует великий «Рабочий синдикат восстановления Европы»!

Присутствовавшие на собрании четыре тысячи безработных неистово аплодировали страстному оратору. Может быть, монахи монастыря святого Игнатия, погибшие от чикиты, услышав эту речь, не одобрили бы ее аптиморального содержания, но, без сомнения, они отдали бы должное исключительному пафосу, всегда отличавшему брата Ипполита. Что касается безработных, то их интересовало не ораторское искусство Виктора Брандево. Нет, они были очень

голодны. Их ждала неминуемая смерть. Чужой человек в кепке предлагал какой-то исход. Он даже сулил помощь русских, американцев, японцев, европейских дикарей — помощь всех. Оставалось одно — свернуть шею бывшему фабриканту жестяных коробок господину Феликсу Брандево.

Когда безработные действительно решили это сделать и с пением «Интернационала» вышли на улицу, небольшой отряд полицейских, применив газы, в несколько минут разогнал их. Двести сорок человек при этом погибло. Число паразитов, сидевших на шее бедного господина Феликса Брандево, уменьшилось на двести сорок душ. Но это было малым утешением. Если погибло двести сорок, то оставалось еще три миллиона сто десять тысяч, получавших пособия от государства.

Не мудрено, что господин Феликс Брандево с каждым днем все сильнее ощущал трагическое бремя власти. Положение Великой Франции, победившей всех мыслимых врагов, было отнюдь не завидным.

Мы уже говорили о заботах, которые причиняло правительству почти абсолютное прекращение рождаемости. В 1939 году, пренебрегая резолюциями палаты депутатов и Академии наук, господин Феликс Брандево ввез наконец во Францию около ста тысяч сенегальцев для размножения. Но негры, испытавшие минуты господства над белыми женщинами и, по всей вероятности, возбуждаемые к бунту тайными агентами читинского правительства, обнаглели. Что ни день, они нарушали спокойствие господина Феликса Брандево.

Еще хуже негров вели себя безработные. Потеряв все внешние рынки, а также лишившись ввоза сырья, французская промышленность окончательно погибла. Сан-Этьен, Лилль, Нанси и другие индустриальные центры напоминали теперь музеи античных древностей. Их даже начали посещать американские туристы. Многие рабочие напялили на себя солдатские шинели.

Страшась вторжения варваров, а также внутренних беспорядков, Франция содержала громадную армию. К 1935 году численность ее равнялась двум миллионам восьмистам тысячам штыков. Но господин Феликс Брандево был достаточно умен, чтобы не влить в армию всех безработных. Он продолжал кормить свыше трех миллионов

бездельников: все же это было спокойней, нежели винтовка в руках рабочего. Таким образом, две трети солдат являлись крестьянами. Порой, в часы бессонницы, тревожась за будущее своей горячо любимой родины, гениальный премьер брал с полки «Историю подавления мятежа 1871 г.» и самодовольно приговаривал:

— В случае чего — две трети больше одной трети. Крестьяне выручат!

После таких ночей министру финансов, в свою очередь, приходилось проводить бессонные ночи, складывая невероятное количество нулей, из которых состоял государственный бюджет. Золотой фонд давно перекочевал в Америку. Налогов никто не платил. Ежедневно печатались миллиарды франков на содержание армии и безработных. Солдаты получали мясо и вино, безработные исключительно чечевичный суп, но даже килограмм чечевицы стоил двадцать тысяч франков, и министр финансов, сидя над бюджетом, тер виски «антимигреневым карандашом». Социальные противоречия достигли исключительной, мы сказали бы, чисто живописной выразительности. Буржуа спекулятивного типа, не имевший даже наследника, старался как можно скорее прожить свои трильоны. В Париже собрались все уцелевшие кокотки Европы. Они развлекали утомленных французов танцами и различными эквилибристическими упражнениями. Рестораны круглые сутки были полны — их теперь вовсе не закрывали. Последнее поколение французской буржуазии торопилось познать тайны всех винных погребов.

Вместе со спекулянтами кутила военщина, награбившая немало добра в годы веселых военных прогулок.

Когда мистер Твайвт увидел в чикагском журнале «Весь мир» фотографию парижского ресторана «Мои пти тру», он в изумлении пролепетал:

— Но мы ведь нищие. По сравнению с этим вся Америка лачуга!..

Правящие классы Франции правильно оценивали события. Они не хотели терять драгоценное время. Рядом с ними царила неслыханная нищета. Миллионы безработных пухли с голоду, валялись в Булонском лесу или на набережных Сены и сжимали свои жалкие немощные кулаки. Эти существа мало напоминали цивилизованных людей. Они ходили в рубищах, прикрывая грязные тела тряпьем, драными мешками, старыми флагами. Их головы и лица

поросли длинными волосами. Они давно перестали думать и говорить, лишь изредка изрыгая краткие ругательства. Их выселяли, гнали из города в город, и все же даже господин Феликс Брандево, этот великий муж, отличавшийся античной смелостью, боялся их уничтожить. Безработные продолжали получать суп из чечевицы. А каждый килограмм чечевицы стоил двадцать тысяч франков.

Крестьяне знали это, и крестьяне ненавидели дармоедов, получающих даром чечевицу. Крестьяне ели мясо, сало и творог. Но крестьянам приходилось отдавать настоящие луидоры за материю, привезенную из Америки. Это их весьма обижало. Крестьяне ненавидели города.

Таким образом, Франция жила не вполне нормальной жизнью. К тяжелым экономическим условиям следует добавить нервозность, охватившую всех французов. Никто не знал в точности, что делается за пределами Франции. Ходили слухи, будто дикари, живущие в пустыне, организовались и готовятся к вторжению в восточные и южные департаменты. Ученые, напротив, основываясь на показаниях летчиков, утверждали, что последние люди в пустыне погибли и что Франция окружена зачумленными землями, по которым бродят одичавшие животные. Так или иначе, каждый француз, думая об огромных просторах, граничащих с его родиной, испытывал ужас. Жизнь на маленьком острове, среди океана смерти, была нелегкой.

В роскошном кафе посетитель вдруг ронял на пол рюмку и кричал: он видел перед собой громадную пустоту. Это было боязнь пространства. Безработные порой рычали, как звери, и, подмигивая один другому, показывали рыжими скрюченными руками на юг или на восток.

С каждым днем ужас перед пустыней увеличивался. Господин Феликс Брандево приказал залить светом все города, чтобы изгнать из них ночную тьму. Сияли дикие искусственные луны. В кабинете премьера всю ночь не угасали ослепительные люстры. Но все же за границами Франции была непонятная и непобедимая тьма.

Негры в Ницце окончательно взбунтовались. Они перерезали две тысячи восемьсот шестнадцать законных мужей и, с согласия вдов, въехали в виллы, объявив себя при этом полноправными гражданами. В Лилле на почве недоедания началась эпидемия тифа. Третья армия, расположенная на границах бывшей Испании и

соскучившаяся без очередных грабежей, требовала открытия военных действий против Марокко, который еще в 1931 году стал независимым государством. Наконец, в Париже началось явное брожение среди безработных. Митинг, на котором выступил Виктор Брандево, был первым открытым выступлением бунтовщиков. Приличные парижане растерялись — они привыкли рассматривать безработных, как нечистоплотных, но безвредных животных.

Енс Боот, наоборот, был вполне удовлетворен событиями. К этому времени директор «Треста Д. Е.» жил весьма благообразно, помещаясь в роскошном особняке на бульваре Сен-Жермен под именем Жана де Боливье, крупного чиновника военного министерства. Господин Феликс Брандево не решал ни одного существенного вопроса, не посоветовавшись предварительно с господином Жаном де Боливье.

Двенадцатого апреля 1939 года, прочитав в вечерней газете о первом митинге безработных, закончившемся неудачной демонстрацией, Енс Боот сладко потянулся и зевнул. Этот жест хорошо знаком людям, которые чувствуют приближение конца тяжелой и длительной работы, Директор «Треста Д, Е.» имел полное право зевать. Он собирался зевнуть вторично, но ему помешал лакей, доложивший, что какой-то посетитель хочет обязательно видеть господина Жана де Боливье, На визитной карточке значилось:

ПЬЕР КАМЭН

Председатель Синдиката безработных Франции.

В кабинет вошел высокий брюнет. Не снимая кепки, он сказал:

— Здравствуйте, Енс Боот!

Ни одно мельчайшее движение не выдало удивления господина Жана де Боливье, столь неожиданно разоблаченного странным пришельцем. Енс Боот стал внимательно вглядываться в лицо Пьера Камэна. Енс Боот умел запоминать людей. Столь же просто, даже дружески ответил он гостю:

— Ах, вот кто вы... Мы встречались, кажется, в Томске... Господин Виктор Брандево? Очень приятно. У столь гениального дяди, вероятно, не менее гениальный племянник.

— Бросьте кривляться, — сказал раздраженно Виктор Брандево. — Я пришел к вам по делу. Я знаю, кто вы и чем вы занимаетесь. Вы

действительно великий человек. Но я хочу, чтобы вы взялись за более достойное дело. Давайте-ка восстановим Европу.

— А собственно говоря, зачем?

— «Зачем»?..

Этот наивный вопрос столь удивил Виктора Брандево, что он серьезно задумался, прежде чем ответить.

— Ну, хотя бы за тем, чтобы людям было где жить. Это все же вполне достойная часть света. Да, да, я знаю, что вы мне ответите! Конечно, в Европе было не мало пакости. Но теперь-то мы сделаем все иначе. Мы создадим великое рабочее государство. Мы отстроим заново города. Мы протянем руку братской Сибири. Париж — старый форт революции. Свергнув власть буржуазии, мы сможем объединить вокруг себя людей, живущих в пустыне...

— Простите, — вежливо перебил молодого энтузиаста почтенный директор «Треста Д. Е.», — по последним данным, если в пустыне и остались люди, то число их не превышает сотен, а может быть, и десятков душ.

— Будут новые! Честное, здоровое, трудовое поколение!

— Милый юноша, разве вы в Томске ничего не слышали о моем патентованном средстве «Афро»?

— Все равно, мы привезем людей из других частей света. Главное, установить идеальный строй, царство справедливости. Остальное приложится.

Енс Боот предложил своему гостю египетскую сигарету.

— Прошу... Я очень рад, что вы пришли ко мне. Приятно поговорить на досуге с последним мечтателем Европы. Франция, однако, должна погибнуть, — это неподметенный сор вчерашней пирушки. Раньше всего вентиляция! Что касается колонизации, то этим вопросом, вероятно, займется Америка.

— Но чем же ваша Америка лучше Европы?

— Этого я не знаю. Скажу вам больше: меня это никак не интересует. Что «лучше» и что «хуже», — черт побери? Вас, вероятно, усердно обрабатывали в Саламанке и в Томске. Двойное воспитание. Что касается меня, то от щипков отца Франциска я спешно перебрался в цирк братьев Медрано, а находясь в России, любил драться с белыми, но регулярно засыпал на лекциях об историческом материализме. «Каждому свое», — говорили покойные немцы. Может

быть, Европа и лучше Америки — вам виднее. Я знаю одно: мертвого Наполеона зарывают в яму, чтоб он не пах, а живого котенка кормят теплым молоком. Хороните Европу по какому угодно разряду, но хороните ее скорее, хотя бы из чувства уважения к моему чувствительному носу.

— Енс Боот, вы величайший циник, но я не верю вашим словам. Почему вы уничтожили Европу, оставив в покое четыре столь же гнусных материка?

— Силы человека, как известно, ограничены. Вы можете четыре раза ударить меня, но за Европу я жду сердечной признательности.

— Почему вы выбрали Европу? Я читал политические речи мистера Джебса, дневник мистера Хардайля и евгенические трактаты мистера Твайвта, разве они не оскорбляют вашего обоняния?

Услышав этот решительный вопрос, Енс Боот покраснел, как девушка, и, потупив глаза, тихо промолвил:

— Потому что я люблю Европу, финикиянку, подлинную мадемуазель Люси Фламенго.

Здесь в беседе произошла длительная пауза. Виктор Брандево, ввиду присущей ему деликатности, принялся рассматривать альбом с видами Венеции, Енс Боот предавался различным воспоминаниям.

На улице, густо залитой светом, полуночники пели модную песенку:

Ты последняя в Европе Курочка, цып-цып!

В трехстах километрах от кабинета господина Жана де Боливье страшная пустыня наполнилась воем ветра и ночной мглой. Наконец Виктор Брандево решил прервать молчание:

— Простите, если я был нескромен. Я понимаю ваши чувства. Все это так. Но зачем уничтожать?.. Надо переделать. Есть число. Есть разум. Есть, наконец, справедливость...

— Я не умею думать. Я весьма слаб в арифметике. Я считаю, что справедливость пахнет мелочной лавкой. Не удивляйтесь: директор «Треста Д. Е.» — дикий зверь, бык в манжетах. Только одно ценю я — свободу.

Бывший брат Ипполит из монастыря святого Игнатия, бывший воспитанник томской Академии товарищ Виктор Брандево вскочил с места и возмущенно начал кричать:

— Обман! Тысячелетний обман! Что такое свобода? Фикция! Но Енс Боот строго оборвал его:

— Молодой человек, о свободе по спорят. Я вам уже высказал мой основной принцип: на первом месте вентиляция! Вопрос о свободе — это вопрос о чистом воздухе. Я сплю летом и зимой с открытым окном. А за сим до свиданья.

Господин Жан де Боливье нажал кнопку звонка, и лысый лакей, подобный древнему патрицию, проводил гражданина Пьера Камэна до двери.

— Он садист! Сумасшедший! Выродок озверевшей буржуазии! — шептал у подъезда Виктор Брандево. — Но мы еще поборемся. Блузники Парижа спасут Европу.

Что касается Енса Боота, то, как только назойливый гость покинул его, он немедленно подошел к телефону и, несмотря на поздний час, вызвал господина Феликса Брандево.

Премьер был весьма встревожен утренней демонстрацией. Господин Жан де Боливье вовремя позвонил ему. Разговор длился двадцать минут.

— Никаких уступок, — говорил господин Жан де Боливье. — В наших руках армия. Настроение превосходное. Я ручаюсь за результаты. Лучший способ обороны — нападение. Необходимо сейчас же объявить всех безработных лишенными казенного пособия. Митинги и уличные выступления ликвидировать газами. Через две недели из трех миллионов вряд ли останется половина. Проявите мужество! Будьте истинным Наполеоном!

Господин Жан де Боливье знал, чем можно растрогать сердце премьера: после «Наполеона» вопрос был решен.

На следующее утро были расклеены афиши, извещавшие о важном постановлении правительства. Полицейские быстро ликвидировали беспорядки в квартале Монруж. День прошел спокойно.

Под вечер в казармы Венсен, где были размещены три полка, сформированные главным образом из безработных, пробрался неизвестный солдат, худой и черный.

— Теперь или никогда, — крикнул во дворе казармы Виктор Брандево.

Час спустя в Париже шел артиллерийский бой. Енс Боот замшей протирал стекла полевого бинокля.

Солдаты, находившиеся в Париже, перешли на сторону безработных. Ночью правительство улетело в Орлеан.

Революционный совет объявил себя центром «Рабочего синдиката восстановления Европы». Было послано радио: «Всем, всем».

«Объединяйтесь, спешите на помощь рабочему Парижу! Да здравствует Всеевропейская Коммуна».

На фасаде бывшей палаты депутатов значилось:

SORE

«Синдикат рабочих по реконструкции Европы»

29 черный коридор

Господин Феликс Брандево, благополучно прибыв в Орлеан, выпил, чтобы подкрепиться, стакан пикона и стал организовывать армию для подавления мятежа. Все войска, томившиеся на границах пустыни, были срочно вытребованы внутрь страны. Правительство приглашало «разумных, трудолюбивых поселян Франции» усмирить «городских тунеядцев». К концу апреля вся Франция была охвачена гражданской войной. Это были отнюдь не кустарные бои былых времен, но хитроумнейшие операции двух грандиозных армий, вооруженных всеми достижениями семи секретных отделов военного министерства.

2-я и 5-я армии, состоящие главным образом из рабочих, целиком перешли на сторону «SORE». Им удалось занять север Франции от Парижа до границ бывшей Голландии. Наоборот, центр и юг находились в руках правительства господина Феликса Брандево. Впрочем, 28 апреля в Лионе произошел военный бунт, и город присоединился к «SORE», Подошедшие отряды танков уничтожили его. 1 мая при подавлении беспорядков Марсель был удушен с помощью новых газов. Восемь тысяч шестьсот самолетов, из которых две тысячи сто достались «SORE», скидывали бомбы на различные города. В мае война на некоторых фронтах приняла позиционный характер. Иль-де-Франс, Шампань, Бургундия были изрыты траншеями и вскоре обращены в пустыню. 24 мая войска «SORE» произвели прорыв и дошли до Бретани.

Война носила исключительно жестокий характер. Крестьяне безжалостно истребляли всех городских жителей. Врываясь в город, они методически, планомерно удушали газами квартал за кварталом. Рабочие ненавидели жадных тупых поселян. Занимая ферму, они сжигали постройки, срубали плодовые деревья и убивали все, что можно было убить, вплоть до кошек и скворцов. Дело быстро шло к развязке.

Последнее американское судно 14 июля оставило берега Европы. Енс Боот сложил в дорожный саквояж свои пожитки, состоявшие, кроме смены белья, из пригласительного билета в «Ти стар»,

фотографии незабвенной пижамы и карты Европы. Прекрасный аппарат системы «Вайл» был всегда к его услугам/

К началу июля армия «SORE» была окончательно уничтожена за исключением гарнизона, защищавшего Париж. Но и от победоносных армий господина Феликса Брандево остались лишь особые счастливицы и штабные генералы, общая численность которых едва достигала ста тысяч. Что касается так называемого «мирного населения», то оно к этому времени прекратило свое существование. Изредка среди развалин можно было заметить ползающие или прыгающие тени. Это были спасшие свою жизнь, но потерявшие, увы, рассудок.

Границ больше не было. Великая европейская пустыня пожрала Францию. Дикие звери, ветер и тьма ворвались туда, где еще недавно сверкали луны фонарей и звенела музыка чоя.

Но среди пустыни оставался еще Париж. Он был городом, живым, настоящим городом, европейской столицей. В ста километрах от него стояла армия господина Феликса Брандево. Конечно, новый Наполеон мог бы в два-три часа разрушить Париж, но это его не устраивало. Для того чтобы жить, человеку, как известно, нужна квартира. Квартиры находятся в домах, единственные жилые дома оставались в Париже. Поэтому господин Феликс Брандево решил убить льва, не повредив его великолепной шкуры.

Второго апреля 1939 года, в 10 часов утра, радиостанция Эйфелевой башни приняла следующее послание:

Товарищу Виктору Брандево, Председателю совета «SORE»
Раскаиваясь в контрреволюционных заблуждениях, просим великодушный пролетариат Парижа простить нас и принять в свою среду. Надеемся трудом загладить свою вину, работая совместно над великим делом восстановления Европы.

Совет Армии.

Париж ликовал. Все улицы были убраны красными флагами. Со слезами умиления встречали парижане своих вчерашних врагов.

Отличаясь осторожностью, господин Феликс Брандево предпочел вступить в Париж не на белом коне, а пешком, в простой солдатской шинели, сбрав к тому же свои великолепные усы. Вместо Наполеона в толпе солдат имелся скромный солдатик, низкорослый и тощий. Какая-то девушка, сжалившись, подарила ему красный тюльпан.

Господин Феликс Брандево, растроганный, понюхал этот хотя и прекрасный, но, увы, лишенный запаха цветок и от избытка чувств запел:

Это есть наш последний...

Всю ночь Париж, живой, светлый, людный Париж среди подступающей вплотную к его старым рвам великой пустыни, веселился, пел, бредил грядущим — вновь вспаханными полями и отстроенными заводами. Парижане не хотели спать. Сон пугал их. Сон походил на смерть и на пустыню.

В бывшем кабинете премьера сидел председатель совета «SORE» и чертил схему восстановления Европы, Высокий и прямой, клонился он над цифрами, как бы молясь своей богине — справедливости. Около 8 часов утра, не выдержав груза многих бессонных ночей, Виктор Брандево заснул, сидя в кресле, продолжая и во сне блаженно улыбаться.

В 8 часов 15 минут утра наиболее преданные части господина Феликса Брандево приступили к очищению Парижа от зловредных элементов. У них был план города с отчеркнутыми местами, списки главарей и бесшумные револьверы, выпускавшие смертельные газы. К 10 часам утра в руках законного правительства находился весь центр Парижа, а также кварталы Пасси, Отейль и Елисейских полей.

Виктор Брандево проснулся от крика привратника:

— Мы в ловушке!..

Быстро достав из дорожного сундука сутану аббата, Виктор Брандево сложил набожно руки, залепетал «Аве Мария» и спокойно прошел мимо постов столь предательски вошедшей в город армии. Час спустя он уже отдавал приказы в районном совете квартала Гобелен:

— Орудиями — Елисейские поля. Летчиков с бомбами. Обходное движение на Монпарнас. Газы! Живей!

Бедные парижане, не спавшие всю ночь, думали отдохнуть утром. Но их надежды не оправдались. С криками неслись они по улицам. С неба падала смерть. Выход был один: под землю, в метро!

Гремели орудия. Кружились хищные самолеты. Рушились дома. Но весь Париж был уже под землей. За мирными жителями туда кинулись солдаты господина Феликса Брандево, спасаясь от обстрела.

Летчики, однако, продолжали уничтожать защитников «SORE», и революционеры вскоре тоже скрылись в подземные норы.

На тесных платформах бились тысячи людей.

Здесь больше не было никаких усовершенствований семи секретных отделов военного министерства. Как древние пращурь в девственных лесах, как дикари в великой пустыне, люди здесь душили друг друга — врагов, своих, женщин, стариков, редких детей.

Электрическая станция уже давно не работала. Под землей было абсолютно темно. Люди мчались по длинным черным коридорам, по влажным трубам, над которыми текла Сена. Шли тихие бои в темноте. Единственными орудиями здесь являлись ногти и зубы.

Летчики, летавшие над Парижем, постепенно уничтожали друг друга. Внизу, среди камней, валялись обломки разбившихся аппаратов. Только один истребитель системы «Вайл» безмятежно порхал над обезумевшим городом. В нем находился Енс Боот.

Сжимая полевой бинокль, директор «Треста Д. Е.» глядел на агонию прекрасного Парижа. Убедившись в том, что последние люди скрылись под землю и что город пуст, Енс Боот снизился, вытащил из кабины аппарата костюм водолаза и поспешно надел его на себя. Он внимательно оглядел реку, под который проходили туннели метро.

А внизу, под землей, люди все еще давили, душили и грызли друг друга.

Виктор Брандево бежал по длинному коридору. Было невыносимо жарко. Густой, мыльный воздух давил его голову. Виктор Брандево вспомнил последнюю ночь Берлина, горячее нутро стального чудовища. И вновь, как тогда, его угрюмое сердце, громко ведя счет секунд, казалось ему великолепным хронометром. Не думая о близкой смерти, Виктор Брандево всем существом ощущал время. Вся так называемая «история», от предсмертных афоризмов фараона Ферункануна и до страшного конца «80КЕ», мнилась ему коротким днем. Подлинное время начиналось там, где стыл огромный желток солнца, где среди кактусов, двуутробок и пауков копошились карлики, поросшие рыжей колючей шерстью. У них были тела дождевых червей. Они пили вязкую кровь и кричали «чуй-чуй!» Теперь Виктор Брандево знал, кто эти существа. И сердце-хронометр четко билось, ожидая прихода ужасных внуков. Вдруг чья-то волосатая, горячая рука

стиснула горло Виктора Брандево. Он почувствовал на щеке мокрое дыхание.

— Это внук, — прошептал он и нажал кнопку карманного фонарика. Брызнул короткий, жиденький свет. Зубы, острые, как резцы крысы, вцепились в шею Виктора Брандево.

Но перед ним был не внук, а всего лишь его дядя, гениальный премьер Великой Франции господин Феликс Брандево, который, потеряв рассудок, визжал:

— Чуй-чуй!

Прокусив шею Виктора Брандево, он пытался высосать из нее сгустки тяжелой крови.

Спасение пришло неожиданно, если происшедшее может быть названо спасением: обоих обняла прохладная, стремительная вода.

В черных, длинных коридорах больше не было ни защитников господина Феликса Брандево, ни сторонников «SORE», в них текла успокоенная вода небольшой реки Сены, решившая исход этой подземной борьбы за судьбу Европы.

Наверху, на набережной, возле развалин Нотр-Дам Енс Боот переоделся. В 4 часа 40 минут пополудни, оставив мертвой Европе свой костюм водолаза, а также бурав отменного качества, он на истребителе системы «Вайл» отбыл в чужую и далекую Америку, где никогда не было ни Люси, ни любви, ни черных длинных коридоров.

30 эмиграция, дивиденды, ностальгия

На страстной неделе 1940 года американские мормоны во главе с мистером Твайвтом молились о грешной и наказанной богом Европе.

Весной 1940 года аисты не улетели из Египта.

Во всех других отношениях весна 1940 года в четырех уцелевших частях света ничем не отличалась от прежних весен. Это была нормальная весна, в Америке несколько дождливая.

Переплывшие океан европейцы были подвергнуты тщательной дезинфекции. Весна застала их в карантине. Но они не роптали. Они целовали землю, пахнущую углем и нефтью, шершавую кожу Америки. Они наслаждались кровавым духом Чикаго, копотью Питтсбурга, скрежетом машин, черным потом, окриками янки и своей рабской жизнью на нефтяных приисках Огио или на заводах мистера Джебса. Они умиленно жевали кукурузу, ибо президент США постановил ограничить гражданские права европейских эмигрантов и, в частности, кормить их не хлебом, но месивом из маиса, достаточно питательным для существ низшей породы. Все же кукуруза была лучше газов, центрифуг и чикиты, а штреки шахт уютнее черных коридоров бывшей столицы Франции. Эмигранты ели месиво и пели благодарственный псалом, состоявший только из одного слова:

«Мерси! мерси! м-е-р-р-с-и!...»

Некоторые европейцы переплыли Средиземное море. Арабы, отличавшиеся издавна гостеприимством, предоставили им свои дома и потчевали их душистым кофе, розовым шербетом. Европейцы крали серебряные ложечки, заражали арабских женщин дурными болезнями и вскоре потребовали, чтобы туземцы выбрали их в специальный парламент, а также носили на плечах. Тогда арабы, помолившись аллаху, выгнали европейцев из своих домов. Беженцы ушли в пустыню. Они обосновались в некоторых оазисах. Песок жег ноздри. От солнца болели глаза. Не было ни лимонадов, ни предохранительных очков. Но европейцы целовали раскаленный песок — неистовый лик бронзовой Африки. После орудий господина Феликса Брандево рык льва им казался музыкой чоя. Никакой самум

не мог сравниться с порцией удушливых газов. Вспоминая Европу, европейцы благословляли свое новое отечество.

В горах Урала, там, где покоится пята ленивицы, стоял по-прежнему столб с надписью:

ЕВРОПА АЗИЯ

К этому столбу прибегали уцелевшие европейцы и суеверно обнимали его как некий талисман. Позади была необъятная пустыня, впереди благословенное царство — Россия, Азия, мир.

Беженцев регистрировал отдел наркомтруда и посылал их на работу. Россия переживала промышленный расцвет и нуждалась в рабочих руках: европейцы работали плавным образом близ Байкала, в центре тяжелой индустрии. В одном месте, а именно в Братском, было зарегистрировано свыше двухсот тысяч эмигрантов, занятых в металлургической промышленности. Некоторые доходили до Сахалина и работали в угольных шахтах. В Сибири было всего вдоволь: снега, золота, хлеба и справедливости. Беженцы не вспоминали ни о крымских теплых ночах, ни о вишенке украинских хат. Беженцы работали, изучали начатки марксизма и, не смея благословлять упраздненного бога, славил всемирный пролетариат. Они принесли в Сибирь новую поговорку: «Кто пел «Интернационал», тот и до столба доскакал». Они были счастливы.

Даже в далекую Австралию прибыли некоторые европейцы и тотчас с блаженной улыбкой начали пасти курдючных баранов. Кажется, это были профессора Сорбонны.

Единственный европеец, испытывавший страшные приступы ностальгии, находился на тридцать втором этаже небольшого небоскреба. Это был директор «Треста Д. Е.», осуществивший наконец свой грандиозный план.

Прилетев 4 июня в нью-йоркское бюро, Енс Боот тотчас вынул дорожную машинку и отстучал на ней письма мистерам Джебсу, Хардайлю и Твайвту.

«Трест Д. Е.». Нью-Йорк, 4 июля 1940 года. х 16 814.

Милостивый государь!

Ввиду выполнения заданий «Треста Д. Е.», настоящим Вы приглашаетесь на ликвидационное собрание правления, которое состоится 11 июля с. г. в помещении треста. С совершенным почтением директор Енс Боот.

(Енс Боот совершенно правильно указал на выполнение задач треста, поскольку через реку Квебек было построено уже четырнадцать мостов, и дальнейшее существование «Инженерного треста Детройта» являлось бессмыслицей.)

На собрании члены правления вновь обсуждали различные марки сигар. Впрочем, деловитый мистер Твайвт сказал мимоходом:

— Следует упомянуть о тресте. Мы не станем делить дивидендов: чувство удовлетворенного правосудия не измеряется никакими суммами. Нас поблагодарит потомство, разумно выведенное согласно моим евристическим трактатам.

— Вы вполне правы, — поддержал его мистер Джебс- Бритва должна стоить четыре доллара. Продавать ее за двадцать центов безнравственно! Нас поблагодарит человечество.

Что касается мистера Хардайля, то он победоносно улыбался. Его улыбка была вызвана тремя обстоятельствами:

1. Из сына короля нефти он стал наконец королем нефти;
2. Опубликовав свой «Дневник», он достиг мировой славы;
3. Женившись вторично, он с успехом совершил все процедуры.

Победоносно улыбаясь, мистер Хардайль сказал:

— Работа «Треста» позволила мне совершить открытие среднеевропейской пустыни. Я вполне удовлетворен моим вкладом. Меня благодарят законные мужья всех времен и всех народов. Что касается моей второй супруги, миссис Мери, то она уж и теперь благодарит меня.

Енс Боот с любезной улыбкой выслушивал соображения уважаемых американцев: он глядел при этом в окно — на востоке ждала его прекрасная финикиянка.

— Мы должны поблагодарить нашего дорогого директора, — предложил мистер Твайвт. — Я дарю ему миллион долларов, роскошную виллу на берегу Тихого океана и банку самого лучшего филе «Твайвт».

— Я дарю ему дом в Нью-Йорке, парк в Калифорнии, салон-поезд, пять самолетов, двадцать автомобилей и лучшую на свете бритву, — откликнулся мистер Джебс.

Оригинальней всего оказался подарок мистера Хардайля.

— Позавчера, уплатив государственные долги Венесуэлы, я приобрел эту небольшую, но симпатичную страну. Я дарю ее вам,

любезный мистер Боот. Там великолепная нефть и комфортабельные женщины. Кроме того, вы сможете выпустить почтовые марки со своим портретом.

— Простите, я столь растроган вашими словами, — ответил Енс Боот, — что мне необходимо выйти на свежий воздух. Ах, у меня чересчур впечатлительная натура!..

Сказав это, директор ликвидированного «Треста Д. Е.» поднялся в лифте на крышу, где ждал его прекрасный самолет системы «Вайл».

Нет, ему не были нужны ни Венесуэла с почтовыми марками, ни салон-поезд, ни доллары. Он не мог жить в разлуке. Верный любовник день и ночь взирал на восток.

Двенадцать лет оказались достаточно продолжительным сроком, чтобы уничтожить часть света, в которой жили свыше трехсот пятидесяти миллионов человек. Но они не могли истребить любовь в сердце Енса Боота. Если б не боязнь уронить наш труд в глазах некоторых почтенных ученых, мы бы зачеркнули подзаголовок «История гибели Европы», заменив его другим, более соответствующим истинной сути событий, а именно: «История неистребимой любви».

«Там утро, — думал Енс Боот, садясь в кабину самолета. — Она протирает глаза. Она меня ждет. Над ее лбом еще бьется рыжая челка зари».

Действительно, далеко на востоке Европа нежилась под утренним солнцем, окруженная морями: южными, полными спрутов и причудливых раковин, и северными, светящимися серебром сельдей.

Среди сумерек, взлетев над дымным Нью-Йорком, Енс Боот кричал:

— К тебе!.. Скорей к тебе!.. Я твой, финикиянка!.. Три миллионера напрасно ожидали его возвращения.

31 зевс и европа

Енс Боот больше не глядел ни на приборы, ни на карту. Как дикий зверь, он нюхал воздух, и темное чутье вело теперь усовершенствованный истребитель системы «Вайл». Наконец он снизился; это было где-то в самом сердце Европы.

Стояли ясные дни ранней осени. Гонимые легким ветром, с пригорков поднимались рыжие пряди: клеи, ясень и ольха убирались перед смертью. Енс Боот срезал себе палку и побрел по золотому бездорожью. Он шел долго. Он видел все. Красная горячая земля раскрывала свои губы: она хотела пить. Падали косые стремительные дожди. По ночам все небо горело, и тогда звонкие молнии стекали на леса. Краснела захватившая пол-Европы бузина, краснела от горя и от страсти. Днем он слушал клетот курганщика, а ночью — причитания сычей. Цвел густо-желтый зверобой, проворные жужелицы скрипели крылышками. Европа была жива, и Енс Боот, видя это, испытывал невыразимое счастье.

Он узнал своих давних знакомых. Навстречу ему кидались одичавшие свиньи, стройные и легкие, как вепри. На вет-иях яхонтами горели безумные глаза древних сумасбродок — кошек. Курицы легко взлетали ввысь и в прозрачной синеве беззаботно кудахтали. Самое древнее насекомое Европы — таракан вышел из чадных кухонь на волю, среди коры дуба он гордо шевелил своими великолепными усищами.

Свободное и темное зверье удивленно взирало на странного двуногого собрата. Но ни один зверь не причинил вреда Енсу. Как-то, среди развалин готического здания, служившего ранее судилищем, он увидел волчицу с веселым выводком волчат. Заботливо взглянула волчица на одинокого человека и с чисто материнской нежностью сухим горячим языком лизнула его плохо пахнущие щеки.

Енс Боот шел долго, дни, недели, может быть, месяцы. Лицо его обросло величественной бородой. Он скинул свой дорожный костюм, изодранный кустарником, и остался в длинной белой рубашке, весьма напоминавшей древнюю тогу. Высокий посох из ствола древнего ясеня поддерживал его. Когда он шел, ветки расступались и нежно

шелестели своими рыжими листьями. Енс Боот знал, что это говорит с ним Европа. Как могла прекрасная финикийка не узнать в одержимом запретной страстью старике своего первого и единственного любовника — великого Зевса?

Так настал вечер, когда силы наконец изменили Енсу Бооту. Он находился среди развалин какого-то города. Перед порталом бывшей биржи сидел большой медведь и, глядя вдаль лазоревыми бездумными глазами, тщательно облизывал свои мозолистые, трудовые лапы. Шатаясь, Енс подошел к нему и протянул жалкую, уже тронутую утренниками травку. Медведь благосклонно принял этот странный дар и положил травинку рядом с собой на замшелую плиту. Тогда Енс Боот понял, что для него наступает торжественный час.

Перед ним лежала поломанная, заржавленная вывеска. Дрожа от волнения, Енс Боот прочел:

ЕВРОПА

Вероятно, так называлось некогда какое-нибудь страховое общество или второразрядная гостиница. Но Енс Боот знал одно: это имя его возлюбленной. Он бежал и кричал:

— Европа! Европа!

Над ним был дикий рыжий закат, Вокруг него была великая пустыня.

Последний человек окликал гордую финикийку по имени.

Енс Боот метался, полный доверху страстью и смертью, метался, как бык, метался, как бог. Наконец он упал. Теплые губы жадно прижались к земле, пахшей кислицей и полынью. Последний поцелуй! И Европа, вспомнив неистовый бег, потную волосатую шею похитившего ее быка, узнала своего возлюбленного. Она ответила на поцелуй поцелуем.

А час спустя белый лунь уже кружился над мертвым Енсом Боотом, и внезапно налетевший ветер трепал седую бороду бога.

Настала ночь. Омываемая морями, южными и северными, финикийская царевна безмятежно дремала..

Так умер последний человек Европы — Енс Боот.

Мормоны всего мира, помолитесь о грешной душе великого лвантюриста! Девушки уцелевших четырех частей света, помяните в своих нежных мечтах неукротимого влюбленного!

Берлин, февраль — март 1923 г.